Казахский национальный университет имени аль–Фараби

УДК 94(574+510) (043)

На правах рукописи

МАСАБАЕВ КАНАТ ИЗИМОВИЧ

Трансформация политической системы Китая в условиях глобализации и ее отражение на взаимодействии с Республикой Казахстан

6D020900 – Востоковедение

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
Дауен Д.Б., PhD, ассоциированный
профессор, Казахский национальный
университет им. аль–Фараби

Зарубежный научный консультант:
Ян Сяоцзун, PhD, профессор
Гонконгского университета,
Гонконг, Китай

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ……... 3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ …… 5
ВВЕДЕНИЕ..... 6
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ……. 15
1.1 Теоретические подходы и методологические инструменты анализа политической системы КНР..... 15
1.2 Историко-культурные предпосылки формирования политической системы Китая и политической культуры 28
1.3 Эволюция политической системы КНР: институциональное развитие от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина..... 38
2 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КНР В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИЯ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ..... 53
2.1 Роль Коммунистической партии Китая в модернизации политической системы и преодолении внутриполитических вызовов..... 53
2.2 Институциональные реформы и политическая централизация в КНР в XXI веке…… 64
2.3 Идеологические концепции современного Китая и их значение для внутреннего развития и внешнего сотрудничества 73
3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ И КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО…… 86
3.1 Внутриполитические факторы трансформации и их влияние на внешнеполитическую доктрину КНР…… 86
3.2 Динамика внешнеполитического курса КНР в условиях глобализации: стратегические приоритеты, региональные интересы и институциональные инициативы …….. 100
3.3 Влияние трансформации политической системы КНР на стратегическое взаимодействие с Республикой Казахстан..... 113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 133
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ....... 142

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:

Антинаталистская политика – политика, направленная на снижение рождаемости и ограничение роста населения. Она может включать в себя меры, такие как пропаганда контроля над рождаемостью, ограничение числа детей в семье, доступ к средствам контрацепции, а также программы по планированию семьи.

Богдыхан – титул китайского императора династии Мин (1368–1644) и позднее Цин, подчеркивается не только политическая власть, но и божественное происхождение или назначение правителя.

«Великий скачок» – экономическая и социальная кампания, инициированная в Китае в конце 1950–х годов под руководством Мао Цзэдуна. Основная цель этой программы заключалась в быстрой индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства с помощью массовой мобилизации труда и ресурсов.

Генезис – понятие, выражающее как момент зарождения, возникновения, так и процесс развития какого–либо качественно определенного предмета, явления**.**

Инновационное развитие – целенаправленный непрерывный процесс осуществления инноваций в различных сферах деятельности предприятия, будь то производство, коммерция, финансы, маркетинг или управления.

Китайский фактор – многокомпонентная величина, которая все больше становится определяющей в системе международных отношений.

Китайская мечта – действующий социально–политический курс и лозунг Китайской Народной Республики.

Концепция – главная идея, руководящий принцип или система взглядов, которые лежат в основе проекта, исследования или явления.

Концепция «гармоничного мира» – создание демократичного, справедливого и равного мирового политико–экономического порядка, реализацию в мире долгосрочного и всеобщего процветания.

Курс синьчантай – представляет собой концепцию, популяризированную в Китае, обозначающую подход к управлению и развитию, основанный на адаптации к изменениям и новым вызовам в современном мире. Эта концепция акцентирует внимание на важности инноваций, устойчивого развития и гибкости в условиях быстроменяющейся глобальной среды.

Модернизация – непрерывный и бесконечный процесс обновления объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества.

Научная абстракция – теоретическое обобщение, образуемое в результате отвлечения от несущественных сторон рассматриваемого объекта или явления для выявления наиболее существенных его черт.

Нация – совокупность граждан определенного государства

Национализм – идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе.

Урбанизация – Быстрый рост и развитие городов; повышение роли городов в развитии общества в целом; устремление населения, его материальной и духовной жизни в города.

Политический дуализм – концепция, описывающая сосуществование и взаимодействие двух противоположных или конкурентных сил, идеологий или политических направлений в рамках одной системы или общества. Этот термин часто используется для обозначения борьбы между различными политическими партиями, группами интересов или идеологиями, например, левыми и правыми, либерализмом и консерватизмом.

Стратегические границы – это условия и рамки, в которых государство, организация или компания принимает решения о своих стратегических действиях.

«Срединная империя» – термин, который обычно относится к Китаю, особенно в историческом и культурном контексте. Он подчеркивает представление о Китае как о центре цивилизации, окруженном менее развитыми культурами.

Сяокан – философская концепция конфуцианства, которое предполагает достижение модели среднезажиточного общества.

Тоталитаризм – политический режим, при котором государство стремится к абсолютному контролю над всеми сферами жизни общества и каждого человека.

Softpowerindex (индекс мягкой силы) – показатель, отражающий способность государства достигать желаемого в международных отношениях за счет привлекательности собственного имиджа.

Цифровое конфуцианство – концепция, описывающая модель политической легитимации, при которой традиционные конфуцианские императивы интегрируются с цифровыми технологиями контроля и управления данными, а цифровой надзор интерпретируется государством как инструмент достижения социальной гармонии, а не принуждения.

Шоковая терапия – радикальный подход к проведению реформ в период перехода от административно–командной к свободной рыночной экономике.

Экономическая глобализация – процесс усиления по всему миру экономической взаимозависимости национальных экономик, в связи с увеличением скорости движения и объёмов товаров, услуг, технологий и капиталов через государственные границы.

36 стратагем – древнекитайский военный трактат. В более широком смысле, собрание неявных тактических приёмов и система непрямых ходов, используемая для достижения скрытой цели, получения преимущества и перехвата инициативы.

5G – Fifth generation – пятое поколение мобильной связи, действующее на основе стандартов телекоммуникаций.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АСЕАН	-Ассоциация государств Юго–Восточной Азии
AIIB	-Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
БРИКС	- объединение девяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии, основанное в июне 2006 года
ВВП	- Валовой внутренний продукт
BRI	- Belt and Road Initiative
GDI	- Global Development Initiative
GSI	- Global Security Initiative
GCI	- Global Civilization Initiative
GGI	- Global Governance Initiative
ВТО	- Всемирная торговая организация
КНР	- Китайская Народная Республика
КПК	- Коммунистическая партия Китая
МВФ	- Международный валютный фонд
НОАК	- Народно-освободительная армия Китая
ООН	- Организация объединенных наций
ЦК КПК	- Центральный комитет Коммунистической Партии Китая
ЕС	- Европейский Союз
КИСИ	- Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
КН МВОН РК	- Комитет науки Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан
МИД РК	- Министерство иностранных дел Республики Казахстан
ПИИ	- Прямые иностранные инвестиции
СМИ	- Средства массовой информации
СВМДА	- Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
ЦА	- Центральная Азия
ЦВС ЦК КПК	- Центральный военный совет Центрального комитета Коммунистической Партии Китая
ШОС	- Шанхайская организация сотрудничества

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Работа представляет собой комплексное исследование эволюции политической системы Китая в процессе укрепления партийно-государственной вертикали власти и обновления идеологических основ КНР в период руководства Си Цзиньпина. Логика исследования построена как последовательное движение от историко-культурных истоков к процессам глубокой институциональной централизации, происходящим в условиях консолидации власти вокруг современного политического руководства во главе с Си Цзиньпином. Центральный тезис заключается в том, что основной движущей силой китайской модернизации XXI века являются не рыночные реформы сами по себе, а сочетание руководящей роли Коммунистической партии и обновленного комплекса идеологических концепций. В работе также обосновывается тезис о взаимосвязи внешнеполитического курса Пекина с происходящими внутри страны институциональными изменениями, которые выступают исходной основой для формирования новых глобальных инициатив Китая. Выделяются и характеризуются основные изменения во внешней политике КНР, которые происходят по мере роста ее совокупной национальной мощи. Особое внимание уделяется анализу механизмов, через которые изменения внутри китайской власти трансформируют формат и содержание стратегического партнерства с Республикой Казахстан.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего перестройкой архитектуры международных отношений, в которой Китай становится одной из опорных точек, вокруг которых складывается новый глобальный порядок. Особую значимость приобретает изучение китайских глобальных инициатив, поскольку они формируют альтернативные механизмы международного сотрудничества в сферах развития, безопасности, гуманитарного взаимодействия и управления.

Помимо этого, актуальность исследования связана с тем, что традиционные западные концепции «демократического транзита» не в полной мере объясняют устойчивость и эффективность современной политической системы Китая. Усиливается необходимость исследования роли искусственного интеллекта, больших данных и цифровых инструментов в укреплении политической модели КНР и формировании феномена «цифрового конфуцианства».

Практическая значимость темы связана с переходом казахстанско-китайских отношений от преимущественно сырьевого сотрудничества к взаимодействию в сферах цифровых технологий, инфраструктуры, финансов и логистики. Исследование актуально для выработки механизмов, позволяющих Казахстану развивать сотрудничество с Китаем, одновременно сохраняя политическую автономность, экономическую устойчивость и собственную субъектность в условиях геополитической нестабильности.

Исследование также актуально в контексте поиска механизмов сопряжения курса Республика Казахстан на построение «Справедливого Казахстана» с китайской концепцией «Сообщества единой судьбы человечества» в сферах

социальной справедливости, экологической устойчивости и региональной безопасности.

Степень разработанности проблемы. Проблеме изучения отношений Китая и Казахстана посвящены многочисленные труды как в зарубежной, так и отечественной литературе.

Среди работ отечественных ученых следует выделить ряд исследований, которые имеют особое значение для темы данной работы. В частности, в трудах К. Л. Сыроежкина [1] через проблематику СУАР раскрываются механизмы безопасности, этнополитики и влияние китайской внутренней стабильности на отношения с Казахстаном. Аналитика в сфере международной безопасности и в современной глобальной политике в полной мере представлена в работе М.Т. Лаумулина [2]. В работе Набижан Мухамедханулы [3]**,** говорится о внешней политике Китая и дипломатических отношениях с Республикой Казахстан. В коллективной работе Н. Алдабек, П.Е. Бектурганова, А.Е. Сериккалиевой, Д. Дауен, М.Б. Асыл [4], проводится комплексный анализ китайской модели реформ и оценка того, как экономический и политический рост КНР влияет на социально-экономическое развитие Казахстана. Концептуальный анализ проблем стратегии взаимодействия Китая с государствами Центрально-Азиатского региона дается в работе С.Ж. Сапанова [5]. В работе К. Хафизовой [6], исследуется геополитика Китая в отношении Центральной Азии. Показаны формирование и развитие дипломатических институтов, влияние на них различных факторов китайской культуры. В работе Е. У. Байдарова [7] и др. рассматриваются отношения между Казахстаном и Китаем в контексте региональной политики и меняющейся геополитической обстановки в Центральной Азии.

В российской историографии следует выделить ряд работ, представляющих особый интерес по вопросам данного исследования. В первую очередь, это работы А.В. Лукина [8], который анализирует китайскую модель как альтернативу западному либерализму. В работах А.В. Ломанова [9] анализируется трансформация внешнеполитической идеологии КНР, начиная с 2013 года. Труды востоковеда Николая Вавилова [10] посвящены глубинному анализу внутриполитической борьбы, структуры госаппарата КНР и механизмов транзита власти. Работа С.Г. Лузянина [11] посвящена анализу стратегии КНР в отношении сопредельных государств. Сюда можно включить и работы посвященные исследованию данной темы и ее теоретическим основам, в частности, статьи И.В. Радикова и Я.В. Лексютиной С.В. [12], Кривохиж [13], Е.М. Харитоновой [14], В.М. Капицына [15], М.В. Ларионовой [16]; работы посвященные исследованию китайской философии, описание жизненного уклада и духовных ценностей китайского народа в работе В. В. Малявина [17] Л. С. Васильева [18]; труды, в которых изучается «мягкая сила» КНР, а именно: работы О. Н. Борох, А. В. Ломанова [19] А.В. Бояркиной, К.Ф. Лыкова, В.Ф. Печерицы [20]; развитие страны, ее модернизация в работе Л.П. Делюсина [21]; вступление Китая во Всемирную торговую организацию изучается у В.В. Карлусова, А.П. Кудина, Д.Б. Калашникова, К.Н. Анкилова

[22]; исследуется китайский опыт геополитической стратегии в монографии В.А. Абрамова [23].

Следует отметить, что зарубежом этой теме также уделяется достаточно серьезное внимание. Фундаментальные работы таких исследователей, как С. Хайльманн [24], подчеркивают способность КПК к институциональному обучению. Школа К. Либерталя и М. Оксенберга [25] объясняет особенности принятия решений в китайской бюрократии. Один из самых влиятельных и цитируемых американских политологов и социологов XX века Самуэль Хантингтон [26] в своей работе утверждает, что стабильность государства зависит от уровня развития его политических институтов. В работах Рональда Инглхарта [27], говорится, что экономическое развитие приводит к изменению ценностей общества и росту потребности в политическом участии. Энергетическое сотрудничество КНР и Казахстана рассматриваются в работах С. Блэнка [28], П. Бустело [29], Н. Сванстрема [30], Д. Стрекера [31], К. Шейвеса [32]. Анализу места и роли ШОС в китайско-казахстанских отношениях посвящены работы Э. Бэйлза [33], Э. Гистоцци [34], Н. Контесси [35], Э. Кули [36], М. Османа [37]. Ричард МакГрегор [38] широко известен работой, которая детально описывает внутреннюю структуру и механизмы власти КПК, что критически важно для понимания политической трансформации. Элизабет Икономи [39], ее работы важны для понимания, как внутренняя политика КНР проецируется вовне.

В китайской историографии особое внимание стоит уделить официальным документам и материалам высшего руководства КНР. Фундаментальное значение для анализа концептуальных основ исследования составили труды и выступления Председателя КНР Си Цзиньпина [40]. В частности, для понимания стратегических векторов развития внешней политики и государственного управления, базовое значение имеют его программные доклады, а также опубликованные сборники избранных статей и выступлений. В этих трудах изложены взгляды лидера Китая по основным вопросам современных международных отношений и обосновывается необходимость создания сообщества единой судьбы человечества. Необходимо также отметить работу классика в области международных отношений и мировой экономики, Пан Чжунъина [41]. Работы Ван Хунина [42] критически важны для понимания идеологического укрепления партии, концепции «новой эпохи» и обоснования централизации власти. Труды известного политолога Чжэн Юннянь [43], чьи работы посвящены государственному управлению, роли КПК, и влиянию глобализации на китайскую политику и экономику. Хороший интерес представляют работы политолога Янь Сюэтуна [44]. Его монография, посвященная понятию силы в древнекитайской мысли, позволяет проследить историю формирования данной концепции в Китае. Кроме того, он является одним из немногих исследователей «мягкой силы», кто использовал количественные методы для подсчета SoftpowerIndex. Работы китайского профессора Ли Син [45], который в своих работах активно разрабатывает тематику перспектив развития проектов «Один пояс, один путь» и сопряжения

«Экономического пояса Шелкового пути» и евразийского экономического союза, работы Сун Сейфена [46] и Юэ Кэпина [47] об участие КНР в построении «гармоничного мира». Несмотря на значительный вклад указанных авторов, их исследования имеют некоторые пробелы, связанные со временем их написания. Большая часть фундаментальных работ была опубликована до 2022 года. Поэтому в них не отражены изменения, произошедшие после XX съезда КПК, включая окончательное укрепление власти и новые кадровые назначения в Государственном совете КНР. В данной работе мы попытаемся исследовать Китай в условиях высокой степени централизации власти. Если Инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) изучена основательно, то новые доктрины такие как: Глобальная инициатива в области развития (GDI) Инициатива глобальной безопасности (GSI), Инициатива глобальной цивилизации (GCI) и Глобальная инициатива управления практически не проанализированы в контексте Казахстана. Новизна заключается в системном анализе того, как политические стратегии Пекина отражаются на Республике Казахстан (РК), например, в контексте сопряжения китайской инициативы и внутренних реформ в Казахстане.

Объектом исследования является политическая система Китая в условиях глобализации и трансформации.

Предметом исследования является причинно-следственная зависимость между процессами политической централизации КНР и трансформацией формата казахстанско-китайского стратегического взаимодействия в период «новой эпохи» Си Цзиньпина.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном анализе трансформации политической системы КНР в XXI веке и выявлении закономерностей влияния этих изменений на внешнеполитическую стратегию Китая и механизмы его стратегического партнерства с Республикой Казахстан.

Реализация поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач:

– проследить, как именно трансформировалась политическая система КНР под давлением глобализации, и установить, за счёт каких механизмов сложилась высокотехнологичная моноцентричная модель управления;

– дать теоретическое обоснование понятию «цифровое конфуцианство» понимаемому как гибридный способ легитимации и консолидации политической власти, сочетающего традиционные этические нормы с цифровым инструментарием контроля;

– отобразить внутреннее устройство китайской стратегии «параллельной глобализации» через системный анализ доктрин GDI, GSI, GCI и GGI как взаимосвязанный инструментарий для проектирования новой нормативной реальности;

– исследовать причинно-следственную связь между процессами политической централизации в КНР в «новую эпоху» Си Цзиньпина и трансформацией внешнеполитического курса в отношении Казахстана;

– разработать и обосновать механизмы, позволяющие Казахстану

укреплять самостоятельность в отношениях с Китаем, снижать дисбаланс интересов и более эффективно адаптировать двустороннее сотрудничество к национальным приоритетам;

– провести сравнительный анализ институциональных основ модернизации Китая и Казахстана на основе концепции «Сообщество единой судьбы человечества» и курса «Справедливый Казахстан», чтобы определить основные направления их стратегического взаимодействия;

– изучить и систематизировать приоритетные направления межгосударственного взаимодействия, включая транзитно-логистический потенциал, энергетический сектор, управление водными ресурсами и обеспечение региональной безопасности, наряду с выявлением существующих противоречий, в частности, в области нормативно-правового регулирования использования трансграничных рек.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляет комплексный подход, базирующийся на положениях неоинституционализма и теории политических систем. В данной работе в качестве основного теоретического подхода определена теория нового институционализма. Она позволяет понять, как деятельность госорганов и КПК в сочетании с конфуцианскими традициями и политической культурой формирует вектор развития и поддерживает системную устойчивость. Теории модернизации С. Хантингтона [48] и Р. Инглхарта [49] применяются для осмысления «китайского пути» развития. В работе анализируется феномен авторитарной модернизации, при которой экономическая открытость сочетается с политической централизацией. Теория неоклассического реализма Дж. Миршаймера [50] послужила методологической основой для объяснения внешнеполитических устремлений КНР, в частности, в период руководства Си Цзиньпина.

Методология исследования базируется на принципах объективности, системности и предсказуемости. Использование методов сравнительного анализа и системного моделирования позволяет выявить детерминированность внешнеполитической активности КНР внутренними институциональными реформами и оценить их влияние на стратегический диалог с Республикой Казахстан. В работе был использован комплексный подход, сочетающий как общенаучные принципы, так и узкоспециализированные методы. Это помогло рассмотреть тему максимально объективно и всесторонне. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию политической системы КНР от традиционных имперских моделей и маоизма до реформ Дэн Сяопина и «новой эпохи» Си Цзиньпина.

Сравнительно-политологический анализ помог сопоставить процессы модернизации в Китае и Казахстане. Это позволило увидеть, в чем наши подходы к госуправлению в глобальном мире схожи, а в чем — принципиально различаются. Структурно-функциональный метод был применен для оценки того, как именно Коммунистическая партия Китая сохраняет устойчивость системы даже при масштабных изменениях.

Контент-анализ и ивент-анализ использовался для работы с первоисточниками — официальными документами КПК, резолюциями съездов, докладами, а также публичными заявлениями руководителей двух стран. Таким образом, применение данных теоретико-методологических подходов к изучению институционального строительства Китая обеспечило комплексное исследование заявленной проблематики.

Эмпирическую и источниковую базу диссертационной работы составляют документы, объединенные по происхождению, содержанию и назначению:

– Устав Коммунистической партии Китая;

– доклады Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на съездах КПК, начиная с XVIII съезда;

– положения Конституции КНР, регулирующие роль КПК и государственное устройство;

– Конституция Республики Казахстан;

– данные Национального бюро статистики РК и Главного таможенного управления КНР по объему двусторонней торговли, инвестициям и реализации совместных проектов;

– материалы периодической печати, новостных интернет-ресурсов, позволяющие отслеживать текущие события по интересующей проблематике.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– глобализация не привела к либерализации политической системы КНР, а напротив, стала ресурсом для её технологического укрепления. А именно, сложившаяся высокотехнологичная моноцентричная модель управления использует инструменты глобальной интеграции для консолидации национального суверенитета, а не его размывания;

– в научный оборот введено и теоретически обосновано понятие «цифрового конфуцианства». Установлено, что данная модель представляет собой не просто технологический инструмент контроля, а качественно новый способ политической легитимации, при котором конфуцианские императивы гармонии и иерархии воспроизводятся через цифровую инфраструктуру государственного управления;

– раскрыта специфика «параллельной глобализации» Китая через призму инициатив GDI, GSI, GCI и GGI;

– обоснован подход, позволяющий Республике Казахстан сохранять самостоятельность и более уверенно выстраивать отношения с Китаем на основе собственных национальных интересов;

– сформулирован подход, направленный на снижение дисбаланса в двусторонних отношениях и более эффективный учет интересов обеих сторон;

– проведено сравнительное исследование институциональных основ модернизации двух стран, представленных концепцией «Сообщества единой судьбы человечества» (КНР) и курса на «Справедливый Казахстан» (РК), что позволило выявить точки стратегического сопряжения и потенциальные зоны интересов;

– выявлена причинно-следственная зависимость между

централизацией политической системы Китая в период Си Цзиньпина и трансформацией механизмов внешнеполитического взаимодействия с Казахстаном, выражающаяся в переходе от экономико-прагматической модели к институционально-стратегической.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация политической системы КНР в условиях глобализации привела к созданию высокотехнологичной моноцентричной модели, где инструменты глобальной интеграции используются не для либерализации, а для укрепления национального суверенитета и адаптивности партийного руководства;

2. «Цифровое конфуцианство» выступает фундаментальной опорой современной власти КНР, представляя собой синтез вековых этико-философских императивов и цифровых технологий. Это позволяет государству проактивно моделировать социальные процессы, интерпретируя цифровой контроль как инструмент достижения общественной гармонии;

3. Стратегия «параллельной глобализации» Китая, реализуемая через инициативы GDI, GSI, GCI и GGI - направлена на создание собственной институциональной среды. В этой архитектуре Казахстан позиционируется как критически важный технологический и ресурсный хаб, обеспечивающий устойчивость китайской модели «двойной циркуляции»;

4. Сохранение самостоятельной позиции Казахстана в отношениях с Китаем возможно при сочетании активного технологического сотрудничества с усилением внутреннего контроля над финансовыми процессами и соблюдением национальных правил;

5. Для снижения неравенства в двусторонних отношениях предлагается перейти от преимущественно торгового взаимодействия к развитию совместного производства и технологий. Это предполагает открытие в Казахстане производственных предприятий и исследовательских центров с участием китайских компаний, что позволит превратить инвестиции в источник экономического развития и технологического обновления Республики Казахстан;

6. Политическая система КНР демонстрирует высокую адаптивность к вызовам глобализации за счет сочетания жесткой партийной вертикали и гибких механизмов государственного управления. Институциональные реформы в КНР напрямую коррелируют с переходом Китая от регионального лидерства к глобальному доминированию;

7. Институциональное сопряжение модернизационных курсов «Сообщество единой судьбы человечества» и «Справедливый Казахстан» базируется на общности интересов в сферах суверенного развития и технологической безопасности, что позволяет выстраивать прагматичное и долгосрочное взаимодействие.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы:

Положения диссертационной работы могут быть использованы при дальнейших исследованиях проблематики казахстанско-китайских

взаимоотношений. Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что выводы, выносимые на защиту, анализ и оценки могут быть использованы в выработке внешнеполитических приоритетов РК в отношениях с Китаем, могут иметь рекомендательный характер для МИД РК, Правительства РК, для администрации Президента РК, а также могут быть использованы для специальных курсов по внешней политике РК, лекционных курсах по современным международным отношениям, по востоковедению и китаеведению. В условиях обострения российско-западных и американо-китайских противоречий, Казахстан вынужден демонстрировать многовекторную политику. Изучение того, как трансформирующаяся политика Китая влияет на этот баланс, имеет непосредственное практическое значение для внешней политики РК.

В практическом плане выводы диссертационного исследования могут быть использованы для последующих комплексных исследований взаимовыгодных отношений между двумя странами. Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в лекционных курсах и спецкурсах по политологии, международным отношениям и мировой геополитике, политической социологии.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедры китаеведения, факультета Востоковедения Казахского Национального Университета им. Аль-Фараби и Института Востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК.

Основные научно-теоретические результаты, материалы и выводы диссертационного исследования были изложены в 16 научных публикациях (из них: шесть статей в изданиях, рекомендуемых КОКСОН МНВО РК; одна научная статья в индексируемой базе Scopus; одна публикация в Научном журнале «Globus», (Международная научно–практическая конференция «Достижения и проблемы современной науки», Россия, г. Санкт–Петербург, 2020), одна публикация на 26–м Международном конгрессе турецких организаций, Испания, г. Мадрид, 2024; и шесть в сборниках международных и республиканских научно–практических конференций); одна статья в Научном журнале Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова «Казахстанское востоковедение».

Существенные положения диссертации были апробированы в докладах и выступлениях в следующих международных и республиканских научно–практических конференциях, форумах, круглых столах и семинарах:

- Участие в Международной научно-практической конференции посвященной актуальным вопросам методики обучения и исследованиям в области китаеведения, Казахский национальный университет им. Аль–Фараби, Центр изучения современного Китая, общественное объединение «Ассоциация китаеведов Казахстана». (Алматы, 02 марта 2018 г.);
- Участие в I Международной научно–практической конференции «Китаеведение в Казахстане и за рубежом». (Алматы, 27 апреля 2018 г.);

– Участие во II Международной научно–практической конференция «Китаеведение в Казахстане и за рубежом». (Алматы, 2019 г.);
– Участие в Международной научно–практической конференции «Достижения и проблемы современной науки». (Санкт–Петербург, 2020 г.);
– Участие в Международной научно–практической конференции «Козыбаевские чтения – 2020: Приоритетные направления развития, достижения и инновации современной казахстанской науки». (Алматы, 2020 г.);
– Участие в Международной научно–практической конференции «Казахстан и страны Востока в меняющемся мире: проблемы безопасности и сотрудничества». (Алматы, 2022 г.);
– Участие в "Международной научной конференции «26–й Международный конгресс турецких организаций». (Мадрид, Испания, 24–25 сентября 2024 г.);
– Участие в Международной научно–практической конференции «Устойчивое развитие и геостратегическая интеграция Центральной Азии: путь между перекрёстком цивилизаций и современными глобальными вызовами». (Алматы, 25 сентября 2025 г.).

Структура диссертационной работы обусловлена логикой раскрытия её темы, особенностями поставленной цели и решаемых задач. Диссертация состоит из введения, трех разделов (включающих по три подраздела каждый), заключения и списка использованных источников.

В заключении подводятся итоги и формулируются выводы диссертационной работы, даётся оценка полноты решения задач и предлагаются рекомендации по использованию результатов исследования.

Объём диссертации составляет 153 страницы. Список использованных источников включает 175 наименований.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ

1.1. Теоретические подходы и методологические инструменты анализа политической системы КНР.

Политическая система Китайской Народной Республики представляет собой один из наиболее сложных и дискуссионных объектов исследования в современной политической науке. Усиление роли Китая в мировой политике и экономике, расширение его участия в процессах глобального управления, а также трансформация механизмов внутреннего государственного регулирования обусловливают необходимость комплексного теоретического осмысления китайской модели развития. Сегодня Китай является не только одной из мощнейших мировых экономических держав. Это, по сути, отдельная цивилизация, которая выбрала свой уникальный путь развития. В нем причудливо переплелись социалистические идеи, рыночная экономика и традиционные для Китая конфуцианские ценности.

Изучению политической системы КНР сейчас придают особенно важное значение. Глобализация как процесс формирования единого экономического, информационного и коммуникационного пространства оказывает значительное воздействие на внутренние политические и социальные процессы государств и сильно меняет жизнь любой страны. Однако китайский опыт наглядно доказывает, что вовсе не обязательно копировать западную модель либеральной демократии чтобы стать частью мировой экономики. Напротив, Китаю удалось сохранить однопартийную систему, не теряя при этом темпов роста и успешно модернизируя государственное управление.

Современные процессы глобализации характеризуются не только усилением взаимозависимости государств, но и ростом противоречий, связанных с международной конкуренцией, трансформацией мирового порядка, борьбой за технологическое лидерство и изменением механизмов глобального управления. В этих условиях Китай становится одним из ключевых акторов мировой политики, активно продвигающим собственное видение международных отношений и мировой экономической архитектуры. Именно поэтому исследование политической системы КНР требует применения современных теоретических подходов и междисциплинарных методологических инструментов, позволяющих выявить закономерности функционирования китайского государства, механизмы его устойчивости и особенности адаптации к глобальным вызовам.

Следует отметить, что адекватная интерпретация политических процессов в Китае невозможна исключительно в ходе европоцентричных моделей политического развития. Китайская политическая система формировалась под влиянием специфических исторических, культурных и цивилизационных факторов. В отличие от западных государств, где модернизация сопровождалась постепенным развитием либеральных институтов и многопартийности, китайская модель основывается на приоритете политической стабильности, централизованного управления и коллективных интересов общества над индивидуалистическими ценностями.

Сложность анализа китайской политической системы обусловлена уникальным синтезом социалистической идеологии, рыночной экономики, конфуцианской традиции и современных цифровых технологий. Это привело к формированию большого количества научных подходов и теоретических концепций, объясняющих особенности функционирования китайского государства.

Одним из первых подходов к анализу политической системы КНР стала теория тоталитаризма. Долгое время западная синология рассматривала Китай через призму тоталитарной модели, сформировавшейся под влиянием исследований нацистской Германии и сталинского СССР. Теория тоталитаризма рассматривает политический режим как форму организации власти, стремящуюся к полному контролю государства над всеми сферами общественной и частной жизни. Ключевыми признаками тоталитарного режима являются наличие официальной идеологии, монополия одной партии на власть, культ личности лидера, подавление оппозиции, использование репрессивного аппарата и всеобъемлющий контроль над обществом.

Возникновение концепции тоталитаризма связано с политическими и социальными потрясениями первой половины XX века. Термин «тоталитаризм» впервые был использован итальянским политиком Джованни Амендолой для характеристики политического режима Бенито Муссолини. Впоследствии концепция получила широкое распространение в западной политической мысли и стала применяться для анализа коммунистических режимов.

На раннем этапе существования КНР многие исследователи действительно рассматривали китайскую систему как разновидность тоталитарного режима. Особенно это касалось периода правления Мао Цзэдуна, когда политическая жизнь характеризовалась жесткой идеологизацией, культом личности, централизованным управлением и масштабными политическими кампаниями. Политика «большого скачка» и «культурной революции» воспринималась как подтверждение тоталитарного характера китайского государства.

Однако после начала политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина классическая тоталитарная модель постепенно утратила объяснительный потенциал. Китайская система начала демонстрировать способность к институциональной гибкости, экономической модернизации и адаптации к изменяющимся условиям мировой экономики. Сохранение монополии Коммунистической партии Китая на власть стало сочетаться с внедрением рыночных механизмов, расширением экономической автономии регионов и постепенной рационализацией государственного управления.

В этих условиях в западной политологии появилась концепция «фрагментированного авторитаризма», разработанная американскими исследователями Кеннетом Либерталем и Мишелем Оксенбергом [51]. Эта теория является одной из самых важных для понимания того, как на самом деле работает политика в современном Китае. Суть идеи «фрагментированного авторитаризма» в том, что китайская власть вовсе не монолитна. На деле управление «размыто» между разными уровнями бюрократии, ведомствами и

регионами. И хотя формально всё решает центр, на практике любое серьезное решение — это всегда результат долгих согласований и поиска компромиссов между участниками процесса. Огромную роль здесь играет то, как центр договаривается с регионами. Местные власти имеют достаточно свободы, чтобы «подстраивать» указания из Пекина под реальные нужды своих провинций. Именно это сочетание жесткого контроля с гибкостью на местах позволило Китаю провести огромные экономические реформы, не сломав при этом политическую систему. Позже немецкий политолог Себастьян Хайльманн [52] развил эти идеи и предложил теорию «адаптивного авторитаризма». Он считает, что устойчивость китайского режима держится не только на запретах, но и на способности системы учиться и меняться. Власти постоянно ищут лучшие способы управления: они проводят локальные эксперименты в отдельных районах, тестируют новые реформы и, если опыт оказывается удачным, распространяют его на всю страну. Этот метод «экспериментального управления» стал одной из главных основ такой адаптации. Центральное руководство формулирует стратегические цели развития, а конкретные механизмы их реализации апробируются в отдельных регионах. Успешные практики затем распространяются на общенациональном уровне. Именно таким образом осуществлялись реформы в сфере сельского хозяйства, промышленности, цифровой экономики и государственного управления.

Система адаптивного авторитаризма предполагает высокую роль бюрократии и партийного аппарата. Эффективность чиновников оценивается по конкретным социально-экономическим показателям, прежде всего по темпам экономического роста, уровню инвестиций и социальной стабильности. Это формирует особую модель политической легитимности, основанную не на демократических процедурах, а на способности государства обеспечивать развитие и повышение уровня жизни населения.

Китайская политическая система в рамках данной концепции рассматривается как своеобразный «живой организм», способный изменяться без потери политической устойчивости. Именно эта способность к институциональной адаптации во многом объясняет долговечность китайской модели.

Особое место в анализе политической системы КНР занимают теории модернизации. Классические теории модернизации исходили из предположения, что экономическое развитие неизбежно приводит к демократизации политической системы. Однако китайский опыт существенно скорректировал данные представления.

Идеи Сэмюэля Хантингтона [53] предполагают, что модернизация представляет собой сложный процесс, который без эффективных политических институтов может привести к социальной нестабильности. Он считал, что для развивающихся стран важнее всего не демократия, а прочный политический порядок и сильные институты, иначе перемены приведут лишь к хаосу. Китайская модель служит подтверждением этим выводам, компартия провела масштабную трансформацию, сохранив полный контроль и избежав кризисов,

через которые прошли многие постсоветские страны. В отличие от этих стран, Пекин сделал ставку на постепенные реформы под присмотром и управлением государственно-партийного аппарата. Это позволило сохранить управляемость системы и избежать масштабного политического кризиса.

Другой известный ученый, Рональд Инглхарт [54] в своей концепции модернизации полагал, что рост благосостояния и образования неизбежно приведет к смене ценностей у людей, заставляя их требовать демократии. Однако Китай снова опровергает эти западные шаблоны. Несмотря на появление среднего класса и высокий уровень образования, массового спроса на западную либеральную модель там не возникло. Напротив, большинство граждан продолжают доверять власти. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, успехи в экономике дают власти реальный авторитет. Помимо этого, следует принять во внимание конфуцианскую культурную традицию, которая ориентирована на коллективизм, иерархию и уважение к власти. К тому же, государство активно контролирует информационное пространство и инструменты воспитания политической культуры. В итоге китайский путь представляет собой некий вызов западным теориям, так как он доказывает возможность бурного экономического роста без перехода к либеральной демократии.

Нельзя забывать и про роль конфуцианства. Хотя официально страна строит социализм, политическая культура Китая до сих пор пропитана конфуцианскими идеями. В этой традиции государство воспринимается как «моральный институт», который обязан поддерживать порядок и гармонию. Главные принципы здесь это уважение к власти, иерархия и понимание того, что интересы общества всегда важнее личных. Современные руководители Китая умело используют это наследие, чтобы укреплять поддержку своей власти. Концепции «гармоничного общества», «китайской мечты» и «сообщества единой судьбы человечества» во многом опираются на традиционные представления о социальной гармонии и коллективном развитии.

На фоне цифровизации государственного управления в научный оборот постепенно входит концепция «цифрового конфуцианства». Данная теория объясняет, каким образом традиционные конфуцианские ценности сочетаются с современными технологиями контроля и управления. В рамках концепции «цифрового конфуцианства» государство рассматривается как гарант общественного порядка и коллективного благополучия, а цифровые технологии становятся инструментом поддержания социальной гармонии. Использование систем видеонаблюдения, больших данных, искусственного интеллекта и механизмов социального рейтинга интерпретируется как способ формирования «ответственного» и «добродетельного» поведения граждан [55].

Важнейшую роль играет система социального кредита, основанная на оценке поведения граждан и организаций. С точки зрения китайской политической философии подобный механизм рассматривается как способ стимулирования социальной ответственности, дисциплины и доверия.

В отличие от западных либеральных подходов, где цифровой контроль часто воспринимается как угроза индивидуальным свободам, китайская модель делает акцент на коллективной безопасности и общественной стабильности. В этом проявляется цивилизационная специфика китайской политической культуры.

Китайская политическая система устроена крайне сложно, что вполне логично, учитывая огромную территорию страны и большие различия между её регионами. Управлять таким гигантским государством, полагаясь только на прямые команды из Пекина, попросту невозможно. Именно поэтому в Китае сложилась многоуровневая структура управления, где полномочия распределены между множеством структур: министерствами, партийными ячейками и местными властями, которые постоянно взаимодействуют, а порой конкурируют друг с другом в поисках компромиссов. Такая организация делает всю систему гораздо более гибкой и устойчивой. Вся работа не завязана на одном человеке или отдельно взятом ведомстве. Даже если где-то на местах возникают серьезные сбои или трудности, остальной государственный механизм продолжает исправно функционировать, обеспечивая общую стабильность в стране. Одновременно важную роль в обеспечении устойчивости китайской политической системы играет идеологическое обоснование государственной политики, которое всё больше связывается с использованием современных технологий и традиционных конфуцианских ценностей. Развитие цифровых инструментов управления, включая системы анализа данных, элементы искусственного интеллекта и цифрового контроля, обёртываются в оболочку с конфуцианскими представлениями о гармонии, общественном порядке, ответственности и уважении к иерархии. Благодаря такому подходу, технологии рассматриваются не как средство наблюдения или контроля, а как инструмент поддержания стабильности и общественной согласованности.

Государство стремится представить использование цифровых инструментов контроля как способ обеспечения безопасности, дисциплины и гармоничного взаимодействия между обществом и властью.

Сочетание указанных элементов формирует особую модель функционирования китайской политической системы. Её устойчивость обеспечивается распределённым характером управления, способностью быстро адаптироваться к изменениям и наличием идеологической основы, связанной с национальными традициями. В результате у Китая появилась собственную модель политического развития, которая в корне отличается от либеральных западных институтов. Китаю удалось объединить современные технологии и элементы традиционной политической культуры, что позволяет государству одновременно сохранять контроль, поддерживать стабильность и приспосабливаться к изменяющимся условиям мирового развития. В современных условиях традиционная конфуцианская концепция «Мандата Неба», согласно которой легитимность власти основывается на моральных качествах правителя и его способности обеспечивать благосостояние народа, получает новое содержание. Эффективность государственного управления все

больше и больше зависит от использования цифровых технологий, позволяющих прогнозировать общественные потребности, быстро реагировать на кризисные ситуации и поддерживать социальную стабильность. Конфуцианские принципы приоритета общественных интересов, социальной гармонии и уважения к установленному порядку находят отражение в цифровых инструментах управления, которые помогают регулировать поведение граждан и стимулируют соблюдение социальных норм. Государство при этом выступает не только как административный институт, но и как своеобразный моральный наставник, поощряющий общественно полезное поведение и ограничивающий действия, нарушающие принятые нормы. Одновременно традиционные представления о мудром и ответственном правлении трансформируются в идею технократической меритократии, где легитимность власти основывается на профессионализме управленческой элиты и ее способности принимать рациональные решения с опорой на современные технологии в интересах общества.

Наряду с теоретическими подходами важное значение имеют методологические инструменты исследования политической системы КНР. Сложность и многомерность китайской модели требуют применения междисциплинарного подхода, объединяющего методы политологии, истории, социологии, экономики и международных отношений.

Одним из важнейших методов исследования является историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию китайской государственности и выявить исторические предпосылки современной политической системы. Использование данного метода особенно важно для анализа преемственности между традиционной имперской моделью управления и современной системой партийно-государственного управления. Исторический анализ показывает, что многие особенности современной политической системы КНР имеют глубокие исторические корни. Сильная централизованная власть, бюрократическая система управления, приоритет коллективных интересов и высокая роль государства традиционно являлись характерными чертами китайской политической культуры.

Другим важным методологическим инструментом выступает структурно-функциональный анализ. Данный метод позволяет исследовать политическую систему КНР как совокупность взаимосвязанных институтов и механизмов, выполняющих определенные функции в обеспечении устойчивости государства. С точки зрения структурно-функционального подхода Коммунистическая партия Китая выступает центральным элементом политической системы, обеспечивающим интеграцию государственных институтов, идеологическое руководство и стратегическое управление развитием страны. В Китае все ключевые институты, начиная от армии, судов и местных администраций работают в неразрывной связке с партийными органами КПК. Главная особенность здесь заключается в том, что, хотя все государственные органы функционируют официально и независимо, именно КПК задает вектор как

внутренней, так и внешней политики, фактически пронизывая собой все уровни управления.

Для глубокого понимания этой системы незаменим институциональный подход. Он помогает увидеть скрытую сторону китайской власти, где внимание уделяется не только формальным структурам власти, но и неформальным механизмам принятия решений, политическим практикам, кадровым сетям и внутрипартийным отношениям. Институциональный анализ позволяет выявить специфику китайской модели управления, основанной на сочетании личных связей, кадровой сети, неформальных договоренностей и влиянию различных элитных групп внутри аппарата. Китайская модель управления представляет из себя тонкий баланс между прописанными процедурами и такими гибкими, неформальными механизмами координации.

Чтобы понять, что именно стоит в приоритете у руководства, используется контент-анализ официальных материалов. Изучая выступления лидеров и программные документы, можно отследить, как меняется риторика власти. Если раньше, к примеру, всё строилось вокруг экономики, то теперь центр тяжести сместился в сторону технологической независимости, национальной безопасности и стремления к лидерству на мировой арене.

Наконец, чтобы увидеть динамику реальных процессов, применяется ивент-анализ для изучения политической системы через призму конкретных событий, будь то принятые реформы или масштабные кризисы. Это особенно важно, для оценки того, как именно Китай трансформировался на различных знаковых этапах, таких как политика открытости, вступление в ВТО, период пандемии и обострения противостояния с США.

Особую значительность для исследования современной политической системы Китая имеет сравнительный метод. Сравнение китайской модели с политическими системами других государств позволяет выявить как универсальные закономерности модернизации, так и цивилизационную специфику китайского развития. Китайский опыт демонстрирует, что модернизация не обязательно предполагает копирование западных институтов. Напротив, КНР сформировала собственную модель развития, основанную на сочетании рыночной экономики, сильного государства и партийного контроля.

Современная политическая система КНР сформировалась после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. Победа Коммунистической партии Китая в гражданской войне стала началом нового этапа китайской государственности.

Согласно Конституции КНР высшим органом государственной власти является Всекитайское собрание народных представителей. Формально именно ВСНП осуществляет законодательную деятельность, принимает государственные планы развития и утверждает ключевые решения внутренней и внешней политики. Однако реальная политическая власть сосредоточена в структурах Коммунистической партии Китая. КПК выступает ядром всей политической системы. Именно партия определяет стратегические направления развития страны, контролирует кадровую политику, вооруженные силы и

государственный аппарат. Высшим органом партии является Всекитайский съезд КПК, который избирает Центральный комитет, Политбюро и Постоянный комитет Политбюро [56].

В современной политической жизни Китая ключевое значение имеет фигура Генерального секретаря ЦК КПК. С приходом к власти Си Цзиньпина в стране заметно усилилась централизация управления и возросла роль партийного руководства. Его правление открыло совершенно новый этап развития всей системы, отличительными чертами которого стали жесткий идеологический контроль, масштабная борьба с коррупцией, строгая дисциплина внутри партии и переход к долгосрочному планированию. Выдвинутая им концепция китайской мечты ориентирована на превращение страны в мощную мировую державу с передовыми технологиями, современной армией и весомым политическим влиянием. Значимым компонентом этой стратегии выступает стремление Пекина участвовать в обновлении системы глобального управления. В последние годы Китай активно продвигает различные международные проекты, среди которых инициатива «Один пояс один путь», а также глобальные инициативы в области развития, безопасности и цивилизации. Эти направления отражают настойчивое желание Китая укрепить свои позиции на мировой арене и предложить миру альтернативную модель международных отношений. Важным шагом для интеграции Китайской Народной Республики в мировую экономику стало ее присоединение к Всемирной торговой организации в 2001 году. Данное событие значительно ускорило экономический прогресс страны и помогло ей стать одним из главных центров мировой экономики. Сразу после вступления в ВТО Китай провел серьезные преобразования законодательства, снизил торговые пошлины и открыл свой рынок для притока иностранных капиталов. В итоге объем внутреннего валового продукта вырос многократно, а сама страна стала важнейшим участником мировых производственных процессов. Параллельно с экономическими переменами усиливалось и воздействие глобализации на политическую структуру страны. Рост международной конкуренции вместе с технологическим соперничеством с США и новыми информационными вызовами потребовали от руководства Китая качественного обновления инструментов государственного управления. Пандемия COVID 19 стала для всей политической системы серьезным испытанием. Применение жестких карантинных мер в сочетании с масштабными цифровыми технологиями контроля и высокой способностью государства к быстрой мобилизации наглядно показали особенности китайской модели управления. Китайские власти смогли довольно быстро взять ситуацию внутри страны под контроль, что послужило дополнительным доводом в пользу результативности централизованной системы управления. При этом события пандемии подстегнули развитие цифровых методов контроля и укрепили позиции государства в регулировании жизни общества. Сегодня Китай сталкивается с рядом серьезных трудностей, включая снижение темпов экономического роста и демографические сложности, а также технологическое противостояние с США и рост международной напряженности.

Тем не менее китайская политическая система по-прежнему показывает высокую устойчивость и способность приспосабливаться к новым условиям. В связи с этим особое значение приобретает дальнейшее исследование механизмов работы политической системы страны, ее институционального развития и того, как именно глобализация влияет на внутренние политические процессы. Особую важность для изучения политической системы Китая имеет анализ связи внутренних и внешних факторов ее трансформации. Китайский пример доказывает, что политическое развитие государства в двадцать первом столетии определяется не только внутренними институциональными процессами, но и мощным воздействием международной среды, глобальной экономики, технологической борьбы и меняющейся геополитической обстановки.

После окончания «холодной войны» международная система вступила в этап глубокой трансформации. Усиление процессов экономической взаимозависимости сопровождалось одновременно ростом международной конкуренции и борьбой за контроль над глобальными финансовыми, технологическими и информационными ресурсами. В данных условиях Китай оказался одним из главных бенефициаров глобализации. Используя преимущества международного разделения труда, привлечение иностранных инвестиций и интеграцию в мировую торговую систему, КНР сумела обеспечить беспрецедентные темпы экономического роста.

Однако одновременно с этим усилилось и воздействие глобализации на внутреннюю политическую систему страны. Рост международной взаимозависимости поставил перед китайским руководством необходимость поиска баланса между экономической открытостью и сохранением политического суверенитета. Именно в этом контексте сформировалась современная китайская модель государственного управления, сочетающая элементы рыночной экономики, стратегического государственного планирования и политического контроля. Следует подчеркнуть, что китайское понимание глобализации существенно отличается от западных интерпретаций данного процесса. В западной политической мысли глобализация часто рассматривается как фактор постепенной унификации политических и экономических систем. Китайская политическая элита, напротив, исходит из необходимости сохранения цивилизационной самобытности и национального суверенитета в условиях глобальной взаимозависимости. В официальном китайском дискурсе глобализация трактуется прежде всего как инструмент экономического развития и расширения международного влияния государства. При этом подчеркивается необходимость предотвращения политической и культурной унификации по западному образцу. Именно поэтому китайская модель интеграции в мировую экономику сопровождается сохранением жесткого государственного контроля над ключевыми секторами экономики, информационным пространством и политической сферой.

Первостепенную важность в китайской модели глобализации занимает концепция «социализма с китайской спецификой». Данная концепция стала идеологической основой реформ Дэн Сяопина и последующего развития страны.

Ее сущность заключается в сочетании рыночных механизмов с сохранением руководящей роли Коммунистической партии Китая. С точки зрения китайского руководства, социализм с китайской спецификой представляет собой особую форму модернизации, основанную на учете исторических, культурных и национальных особенностей Китая [57]. Такой подход позволяет китайским политическим лидерам обоснованно выступать против слепого подражания западным государственным моделям. Важной чертой политической системы Китая является высокая степень институциональной преемственности. Несмотря на проведение масштабных экономических преобразований, государству удалось сохранить основные рычаги партийного контроля и централизованного управления. Этот опыт заметно выделяет Китай на фоне стран Восточной Европы и постсоветского пространства, где процессы трансформации проходили иначе. После запуска политики реформ и открытости в конце семидесятых годов руководство страны провело серьезную модернизацию управления. Была обновлена система государственного планирования, значительно расширены полномочия регионов, созданы особые экономические зоны и введены рыночные принципы регулирования. В тот же период происходило постепенное становление устойчивой партийно-государственной системы. В отличие от времен правления Мао Цзэдуна, когда главную роль играли громкие политические кампании и личный авторитет лидера, акцент был сделан на создании стабильных институтов управления. Огромное значение получила модель коллективного руководства с распределением полномочий между ключевыми партийными органами. Эта схема помогла сделать политические процессы более предсказуемыми и ограничить риски чрезмерной концентрации власти в руках одного человека. При этом приход к руководству Си Цзиньпина ознаменовал новые изменения в сложившейся модели. В последние годы заметно усилилась централизация власти, расширился партийный контроль и укрепилось личное политическое влияние председателя КНР. Многие эксперты воспринимают текущий этап как движение от модели коллективного авторитаризма к системе с более жестким центром. Тем не менее данные изменения не означают сворачивания институциональных механизмов. Напротив, в стране наблюдается укрепление партийной дисциплины, совершенствуются системы контроля над бюрократией и идет дальнейшее встраивание партийных структур в государственный аппарат. Важной частью этих перемен стала антикоррупционная политика. Масштабная кампания, запущенная Си Цзиньпином, преследовала сразу несколько целей, среди которых укрепление дисциплины в рядах партии, повышение результативности работы госаппарата и усиление политического контроля над элитами. Антикоррупционная политика стала важным инструментом укрепления легитимности власти. Борьба с коррупцией активно поддерживалась населением и способствовала формированию образа партии как силы, способной обеспечивать справедливость и порядок [58].

Наряду с внутренними реформами существенное влияние на развитие политической системы КНР оказали процессы международной экономической

интеграции. Особое значение, как было сказано ранее, имело вступление Китая во Всемирную торговую организацию. Присоединение КНР к ВТО стало одним из важнейших этапов интеграции страны в мировую экономику. Вступление в организацию потребовало масштабной адаптации китайского законодательства к международным торговым нормам, либерализации внешнеэкономической деятельности и реформирования ряда отраслей экономики. В результате Китай превратился в крупнейший мировой производственный центр и важнейший элемент глобальных цепочек поставок. Экономический рост сопровождался масштабной урбанизацией, ростом среднего класса и ускорением технологического развития.

Однако усиление экономической взаимозависимости одновременно привело к росту внешнеполитических рисков. Наиболее ярко это проявилось в американо-китайском соперничестве. Соединенные Штаты все чаще рассматривают Китай как главного стратегического конкурента в мировой политике и экономике. Конфликт между США и Китаем охватывает далеко не только торговлю и экономику, но и вопросы технологического доминирования, информационной безопасности, управления цепочками поставок и влияния в международных структурах. Торговое противостояние этих стран ясно показало, насколько сильно политика сегодня влияет на мировую экономику. Санкции против китайских корпораций и попытки западных стран снизить зависимость от китайских товаров стали серьезными стимулами для пересмотра стратегии развития самого Китая. В ответ на внешнее давление китайское руководство сделало ставку на технологический суверенитет и замену импортных разработок своими собственными. Государственные программы вроде Сделано в Китае 2025, и концепция двойной циркуляции нацелены на то, чтобы страна стала менее уязвимой перед колебаниями мировых рынков и снижением зависимости от иностранных технологий [59]. Идея двойной циркуляции подразумевает сочетание внутренней экономической активности с поддержанием внешних связей, где основной упор делается на расширение внутреннего рынка, создание своих технологий и рост собственного потребления. Важнейшей чертой современного китайского управления стало широкое внедрение цифровых технологий. Китай сегодня находится в числе мировых лидеров по уровню цифровизации государственных услуг и внедрению искусственного интеллекта. Новые методы серьезно трансформировали способы общения властей и населения. Анализ больших данных, системы распознавания лиц, алгоритмы оценки поведения и платформы электронного управления позволили существенно повысить качество административной работы. При этом такие новшества значительно расширили возможности государства по отслеживанию общественных процессов. Это проявилось в период пандемии COVID 19, когда цифровые инструменты помогали контролировать перемещения граждан и следить за соблюдением карантинных правил. Пандемия стала серьезной проверкой для китайского политического строя. В то время как многие западные страны испытывали трудности с координацией, китайский аппарат управления показал невероятную способность к мобилизации. Жесткие ограничения и

централизованное руководство помогли быстро справиться с распространением инфекции, что добавило аргументов сторонникам сильной государственной власти как внутри страны, так и за ее пределами. В то же время пандемия спровоцировала новые споры о балансе между безопасностью и личными свободами, подчеркнув разницу между западным либерализмом и восточноазиатской коллективистской культурой. Значительное влияние на политическую систему Китая оказывает многонациональный состав страны. Руководство КНР придает особое значение поддержанию стабильности в таких регионах, как Синьцзян Уйгурский автономный район и Тибет. Национальная политика Пекина держится на сочетании экономического стимулирования, вовлечения окраин в общенациональное пространство и жесткого контроля со стороны государства. Китайская власть считает спокойствие в этнических вопросах необходимым условием для сохранения целостности государства.

Существенное значение имеет и проблема Тайваня. Тайваньский вопрос остается одним из ключевых факторов внешней и внутренней политики КНР. Руководство Китая рассматривает воссоединение страны как стратегическую историческую задачу. Тайваньская проблема оказывает влияние не только на внешнюю политику КНР, но и на внутреннюю легитимность китайского руководства. Идея национального единства занимает важное место в официальной идеологии современного Китая.

В контексте глобализации существенно возрастает роль внешнеполитических инициатив КНР. Китай постепенно переходит от стратегии «скрывать возможности и ждать своего времени», характерной для эпохи Дэн Сяопина, к более активной внешнеполитической линии.

Одним из наиболее масштабных проектов современного Китая стала инициатива ОПОП. Данная инициатива предполагает формирование глобальной инфраструктурной и экономической сети, соединяющей Китай со странами Азии, Европы, Африки и Ближнего Востока. С точки зрения китайского руководства инициатива ОПОП направлена на укрепление международного сотрудничества, развитие инфраструктуры и расширение взаимной торговли. Однако многие государства рассматривают данный проект и как инструмент усиления геополитического влияния Китая.

Наряду с экономическими инициативами КНР активно продвигает собственные концепции глобального управления. Среди них особое место занимают Глобальная инициатива развития, Глобальная инициатива безопасности и Глобальная инициатива цивилизаций. Данные концепции отражают стремление Китая участвовать в формировании нового мирового порядка, основанного на принципах многополярности, невмешательства во внутренние дела государств и уважения национального суверенитета.

Огромное значение в современной китайской политической идеологии имеет концепция «сообщества единой судьбы человечества». Эта концепция подчеркивает взаимозависимость государств и необходимость коллективного решения глобальных проблем.

Вместе с тем китайская внешнеполитическая доктрина тесно связана с национальными интересами КНР и задачами укрепления международных позиций государства. В этом проявляется сочетание идеологических и прагматических элементов китайской внешней политики.

Методологическое исследование современной политической системы Китая требует сочетания различных научных подходов. Использование исключительно западных либеральных моделей анализа нередко приводит к упрощенному пониманию китайской специфики. Именно поэтому в современной политической науке все большее распространение получают цивилизационный и сравнительный подходы. Использование таких подходов позволяет принимать во внимание уникальные исторические и культурные аспекты развития Китая. Цивилизационный метод позволяет изучать эту страну как самостоятельную систему с собственными правилами организации политической системы. В этом случае внимание уделяется не только государственным институтам, но и важным особенностям политической культуры, историческому опыту и традиционным ценностям. Сравнительный анализ доказывает, что современная китайская модель удачно объединяет черты социализма, государственного капитализма, технократии и конфуцианских политических обычаев. Именно такое сочетание делает систему управления КНР особенным объектом для научного изучения. Важной темой остается и роль элит в китайской политике. Эта система отличается значительным влиянием партийной номенклатуры, кадровых технократов и внутренних механизмов подбора руководителей. За последние десятилетия в стране сложилась система продвижения кадров по заслугам, которая основывается на строгой оценке эффективности работы управленцев. Этот подход заметно выделяет китайскую модель на фоне многих других авторитарных режимов. Тем не менее в современной политике страны по-прежнему велика роль неформальных связей, региональных групп влияния и различных коалиций внутри партии. По этой причине глубокий анализ политической системы требует изучения не только официальных структур, но и скрытых механизмов взаимодействия. Необходимо учитывать, что система управления КНР продолжает постоянно меняться. Глобальные экономические перемены, развитие высоких технологий, демографические трудности и обострение геополитического соперничества создают для китайского государства серьезные вызовы. Одной из самых острых внутренних проблем выступает демографический кризис. Постепенное старение граждан, падение рождаемости и уменьшение числа работающих людей могут заметно ограничить экономическую и социальную стабильность страны. Другим серьезным вызовом является высокий уровень социального неравенства. Несмотря на успешное преодоление массовой бедности, значительный разрыв между регионами, городом и деревней, а также между различными слоями населения по-прежнему сохраняется.

Китайское руководство активно пытается решать данные проблемы через концепцию «всеобщего процветания», предполагающую более справедливое распределение доходов и развитие социальной политики.

Важнейшим направлением трансформации китайской модели становится экологическая политика. Масштабный промышленный рост привел к серьезным экологическим проблемам, включая загрязнение воздуха, дефицит водных ресурсов и рост выбросов углекислого газа. В последние годы Китай активно инвестирует в развитие «зеленых» технологий, возобновляемой энергетики и экологической модернизации промышленности. Экологическая политика становится важным элементом государственной стратегии развития.

Завершая обзор теоретических и методологических основ работы, стоит признать, что для анализа политического устройства современного Китая важно отказаться от ограниченных западных шаблонов в пользу всестороннего и междисциплинарного изучения. Китайская государственная модель является самобытным сочетанием социалистических идей, рыночных отношений, конфуцианских ценностей и новейших цифровых инструментов управления, поэтому классические теории тоталитаризма уже не способны в полной мере объяснить специфику современного Китая. Использование концепций фрагментированного и адаптивного авторитаризма в сочетании с цивилизационным подходом позволяет гораздо лучше понять, как государству удается сохранять внутреннюю устойчивость и при этом постоянно обновляться. Триада методов, состоящая из историко-генетического анализа, структурно функционального метода и инструментов работы с дискурсом и событиями, открывает широкие возможности для изучения не только официальных институтов власти, но и скрытых механизмов влияния, неформальных связей между чиновниками элитных коалиций. Сегодня, когда Китай столкнулся с вызовами демографического старения, жесткой технологической борьбой и масштабными изменениями в мировом порядке, именно комплексный подход помогает объективно оценивать способность политической системы подстраиваться под новые условия. Теоретическая база, заложенная в этом параграфе, формирует надежную основу для дальнейшего анализа того, как внешние и внутренние факторы преобразуют китайское государство в двадцать первом веке, позволяя видеть в нем не статичную структуру, а живой и постоянно обучающийся процесс.

1.2. Историко-культурные предпосылки формирования политической системы Китая и политической культуры

Политическая система Китая является одной из старейших и наиболее устойчивых в мире. Ее эволюция охватывает более двух тысяч лет, и на протяжении всей истории Китая политическая система претерпела различные изменения: от феодальных монархий до социалистического государства с уникальной системой власти, основанной на роли Коммунистической партии Китая. Понимание генезиса этой системы позволяет глубже проникнуть в особенности китайской политики с ее ценностями и механизмами функционирования. Формирование китайской политической культуры не может быть рассмотрено вне историко-культурного контекста, который включает в себя философские, религиозные, социальные и экономические изменения,

происходившие на протяжении веков. Важно уделить особое внимание тому, как конфуцианство, легизм и другие философские школы повлияли на развитие политической культуры Китая. Изучая историю китайской государственности от древности до наших дней, необходимо детально разобрать такие важные концепции, как мандат Небес, общественная гармония и жесткая иерархия, а также понять, как они работают в современной политической системе. Основы управления государством и национальная политическая культура начали формироваться в Китае еще в глубокой древности. В этом процессе огромную роль играли старинные народные верования. Почитание Неба как центральный элемент традиционных представлений на протяжении многих веков оказывало решающее воздействие на мышление общества. Идейным фундаментом ранней культуры управления стала концепция «мандата Небес» (天命 – **Tiānmìng**), которая зародилась еще во времена династии Чжоу. Этот принцип гласил, что правитель получает право на власть от высшей силы только в том случае, если он управляет мудро и справедливо, поддерживая порядок и благополучие в обществе. Если же император терял добродетель и переставал заботиться о народе, это рассматривалось как знак утраты мандата, что давало моральное право на смену династии. Именно эта идея стала основой для исторической цикличности Китая и сделала личные моральные качества лидера определяющим фактором политики [60].

Периоды Весны и Осени вместе с эпохой Воюющих царств стали временами серьезных потрясений, но в то же время дали мощный толчок развитию философской мысли. В этот период зародились главные школы, сформировавшие политический облик страны.

Конфуцианство (儒家 – **Rújiā**), созданное Кун Фуцзы (Конфуцием), провозгласило гармонию (和 – **Hé**) высшей ценностью для государства и общества. Это учение ставило во главу угла социальную иерархию (等级 – **Děngjí**), уважение к старшим, почитание традиций и стремление к образованию. Идеальный правитель представлялся в образе добродетельного человека, который руководит страной с помощью своего личного примера и следования правильным ритуалам (礼 – **Lǐ**). На протяжении многих столетий конфуцианство оставалось главным стержнем китайской политической этики и правил государственной службы.

Легизм **(法家 – Fǎjiā)**, представленный такими мыслителями, как Шан Ян и Хань Фэй-цзы, напротив, делал акцент на законе **(法 – Fǎ)** и строгом управлении как единственном способе достижения порядка и процветания государства. Легисты выступали за сильную централизованную власть, всеобщее подчинение закону и систему наград и наказаний. Их идеи легли в основу создания первой централизованной империи Цинь.

Даосизм **(道家 – Dàojiā)**, с его философией следования естественному пути **(道 – Dào)** и принципом «недеяния» **(无为 – Wúwéi)**, не оказал прямого влияния на политическую систему, но способствовал формированию определенной мировоззренческой гибкости и понимания цикличности процессов.

Влияние традиционных верований присутствует в конфуцианстве, даосизме, легизме и даже в буддизме, как та основа, на которой образовалась, и получило свое дальнейшее развитие духовная жизнь китайского общества. Можно сказать, что конфуцианство, даосизм и легизм оказали непосредственное воздействие на формирование политического правления в Древнем Китае: конфуцианство акцентировало этичное управление, даосизм продвигал философию естественной гармонии, а легизм отстаивал необходимость строгого закона и порядка. Одним из наиболее распространенных определений философии является то, что это наука о законах развития природы, общества и человека. Следовательно, философия оказывает существенное воздействие на развитие государства и эволюцию внутренних систем. Философское движение, достигнув значительных масштабов, со временем перерастает в политическую идеологию, которая в свою очередь оказывает первостепенное влияние на политику, проводимую правителем государства. То есть правителям приходится либо подстраиваться под режим, заданный общепринятой идеологией, либо модифицировать данный режим на тот, который будет соответствовать собственным амбициям правителя и поддерживать проводимую им политику. Именно идеологи философских школ конфуцианства и легизма оказали решающее воздействие на формирование теории государства и права, теории на основании которой строилась вся практика государственного управления страной вплоть до свержения последней монархии империи династии Цинь в Поднебесной.

Великий китайский историк Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.), обращаясь к политическому устройству древних китайских династий, в своих «Исторических записках» выделяет три принципа - **чжун** (忠), **цзин** (敬) и **вэнь** (文). По его наблюдению, «в царстве Ся в правлении опирались на чжун, присущее человеческой природе прямодушие; в царстве Инь полагались на цзин, заложенный в человеке инстинкт почитания; в царстве Чжоу – на вэнь, культуру…» [61].

Характерной чертой китайской политической культуры, сохранявшейся на протяжении тысячелетий, служила традиция урегулирования конфликтов через неформальный переговорный процесс, целью которого были примирение и достижение согласия. Общественные отношения управлялись преимущественно на основе ритуальных норм и установлений, что сводило государственное вмешательство к минимуму. Именно эта гармония и являлась тем самым фундаментальным принципом, который определял порядок в обществе на самом непосредственном уровне, одновременно воплощая консенсус между властью и народом, обществом и государством.

«Правитель является устоем для подданного, отец – для сына, муж – для жены» вот основополагающие принципы конфуцианства, которые были спроецированы на систему взаимоотношений Китая с внешним миром, и для которого характерны «вертикальные связи» в международных отношениях – от высшего к низшему, от старшего к младшему. Ключевую роль в формировании данной модели сыграла конфуцианская концепция патернализма с присущей ей

иерархией отношений - в семье, в общине и в отношениях между государствами [62].

Как было отмечено востоковедами, жизненным идеалом Конфуция являлось желание «следовать влечениям сердца, не нарушая правил» «Взращивание конфуцианской «человечности» заключалось в усвоении традиционных семейных добродетелей, а затем распространении их на все более широкие сферы родовой общности, пока «человечность», благодаря правителю, не воцарится во всем мире [63]. Конфуций как основатель конфуцианского учения был убежден, что нравственное влияние обладает огромной силой и способно воздействовать на любых людей, включая тех, кого считали далекими от цивилизации. Он считал, что правителю, который отличается высокой нравственностью, нет необходимости постоянно вмешиваться в государственные дела. Достаточно того, чтобы он своим личным примером показывал правильное поведение и поддерживал порядок в обществе. Поэтому конфуцианство поддерживало такого правителя, который основывал свою власть на моральных принципах и справедливости, а не на расчете и стремлении к выгоде при управлении государством. Одним из главных положений конфуцианского учения является мысль о том, что каждый человек должен выполнять свою роль в обществе. Правитель должен быть настоящим правителем, подданный добросовестным подданным, отец заботливым отцом, а сын почтительным сыном. Этим Конфуций подчеркивал, что государь подобен отцу большой семьи, а народ можно сравнить с его детьми. По этой причине правитель обязан проявлять доброту, справедливость и уважение по отношению к своему народу. Согласно конфуцианской традиции, благородный человек совершает правильные поступки не ради личной пользы или выгоды, а потому что этого требуют нравственные принципы. Конфуций стремился восстановить такой общественный порядок, в котором люди занимают разные положения и исполняют свои обязанности в соответствии со своим местом в обществе. Отношения между людьми должны строиться на доверии, уважении к традициям и соблюдении принятых норм поведения, что обеспечивает гармонию и устойчивость общественной жизни. Значение правил **(礼 – Lǐ)** весьма объёмно: оно включает в себя: жэнь – человеколюбие, и прежде всего подразумевается любовь к родственникам и сородичам; сяо – сыновнюю почтительность к родителям и предкам, уважение к старшим и подчинение им; честность и искренность; постоянное стремление к внутреннему самоусовершенствованию; вежливость и т. д. Конфуций считал, что уступчивость – жан, особенно для людей, исполняющих государственные функции, является обязательным элементом в делах управления» [64]. В противовес конфуцианству существовала и другая политическая школа – легизм. Легисты представляли собой основную силу, противостоящую конфуцианству в области социальной политики и этики, а именно в аспектах, которые были заложены основы учений Конфуция. Теория и практика легизма в нескольких ключевых вопросах резко контрастировали с представлениями выдвигаемыми конфуцианцами. В своих убеждениях легисты полагались больше на логику, а не на нравственность и чувства, помимо этого,

их действия были рациональны и направлены на то, чтобы способствовать укреплению и развитию государства. «В отличие от конфуцианцев с их главенством морали и обычного права, призывом к гуманности и осознанному чувству долга, культом предков и авторитетом личности мудреца, легисты в основу своей доктрины ставили безусловное главенство Закона, сила и авторитет которого предусматривались держаться на палочной дисциплине и жестоких наказаниях. Ни семья, ни предки, ни традиции, ни мораль – ничто не может противостоять закону, всё должно склониться перед ним» [65]. Мыслители этого направления занимались разработкой концепций и методов управления, которые должны были обеспечить наибольшую эффективность государственной администрации как орудия абсолютной власти правителя. В центре легистской традиции находилось учение о законе как об инструменте укрепления абсолютной власти. Создателем этой концепции считается известный реформатор из царства Цинь – Шан Ян, который критиковал конфуцианский образ гуманного правителя, считая его вымыслом. «Человеколюбивый может быть человеколюбивым к другим людям, но он не может заставить людей быть человеколюбивыми, справедливый может любить других людей, но он не может заставить других людей любить друг друга. Отсюда становится ясным, что одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно для того, чтобы добиться хорошего управления Поднебесной» [66]. Шан Ян полагал, что высшая добродетель подданного перед государством – это верность. Человек преданный своему правителю, должен сосредоточиться лишь на двух занятиях – земледелие и военное ремесло, и именно такой узостью интересов очерчивается круг дозволенного. Согласно этой точке зрения считалось, что чем меньше знаний имеют подданные, тем легче поддерживать порядок в государстве. Поощрение распространения знаний, как утверждали сторонники такого подхода, приводит к тому, что люди становятся более самостоятельными, начинают проявлять хитрость и искать способы действовать в собственных интересах. В результате управлять страной становится значительно сложнее, поскольку возрастает вероятность появления обмана и неповиновения власти.

«Вместе с тем он полагал, закон должен быть единым и обязательным для всех подданных, в то время как правитель возвышен над законом и вправе изменять его по своему усмотрению. Любая критика или публичное обсуждение закона, согласно Шан Яну, подлежали пресечению и суровому наказанию жесточайшим образом. Исходя из этого следует, что политика легизма изначально была направлена на то, чтобы вложить всю власть над государством в руки правителя, чтобы он в свою очередь мог оперировать во благо государства, ориентируясь лишь на свою точку зрения, не опираясь на мнение подданных. Синологи также отмечают, что представители школы легизма сознательно разделяли политику и нравственные принципы. Они стремились создать такую систему управления, которая позволяла бы правителю эффективно осуществлять свою власть независимо от его личных качеств, характера или моральных достоинств. [67]. По сути, легизм – единственное из китайских учений, которое носит исключительно антагонистический характер

отношений государя с подданными и считает первоочередной задачей имперского правления ослабление духовного потенциала собственного народа, подвергает остракизму образование и оправдывает невежество, откровенно заявляя, что невежественный люд значительно легче принудить к тяжелому труду и послушанию властям, чем образованных людей. Помимо этого, легизм признаёт войны как инструмент, соответствующий потребностям изначальной природы человека, насущно необходимым для государства и призывающего к физическому уничтожению не только политических противников правящего режима, но и всех инакомыслящих. Политическая практика в русле легизма вела к ограничению влияния наследственной знати, разрушению некоторых механизмов функционирования патриархально–родового строя, усилению роли регулярной администрации и установлению единоличной имперской власти [68]. Исходя из вышесказанного мы понимаем, что главный постулат в легизме это полное подчинение существующему закону. Единственным исключением из этого правила является правитель, которому подчиняется всё вокруг. Единственным верным наказанием для инакомыслящих в контексте легизма являлась смертная казнь. Все решения принимаются исключительно правителем и основаны на принципах власти и закона. Правитель не обязан быть добрым и нравственным по отношению к подданным и прислушиваться к их мнению, его главной задачей является постройка централизованной империи. Данная идеология является полной противоположностью Конфуцианства. Первый император объединённого Китая Цинь Шихуанди, настоящее имя Ин Чжэн, поддерживал идеи легизма, которые были удобными ему для проведения реформ, способствовавшим объединению мелких государств и построению централизованной империи для противостояния государствам кочевников. Самое тяжёлое для конфуцианцев время как раз тесно связано с жизнью и деятельностью могущественного Цинь Шихуанди, объединителя страны и основателя китайской империи. По словам востоковеда, специалиста в области древней, средневековой и новой истории Китая Л.И. Думана, после создания единого централизованного государства Цинь Шихуанди столкнулся с сопротивлением своих политических противников. Чтобы укрепить свою власть, он жестоко подавлял инакомыслие среди представителей старой землевладельческой знати и конфуцианских чиновников, которые выступали против проводимых преобразований. Одним из самых известных проявлений этой политики стало сожжение конфуцианских книг в 213 году до нашей эры, а также казнь более четырехсот ученых конфуцианцев, которые не поддерживали новые порядки и призывали народ вернуться к древней системе государственного устройства. Для укрепления своего идеологического единоначалия, императором были предприняты самые решительные меры. Под запретом было чтение любых книг за исключением тех, что могли принести практическую пользу, к примеру таким относились руководства по земледелию, ремеслами, медицине, гаданию и тому подобное. Несмотря на неверие народа и сопротивление ученых конфуцианцев, проводимые Цинь Шихуанди реформы приносили свои плоды. При императоре была создана четкая система

централизованного управления государством. Вся территория страны была разделена на тридцать шесть крупных областей. Их границы были специально определены так, чтобы они не совпадали с границами прежних царств и княжеств. Во главе каждой области находились губернаторы. Области делились на уезды, которыми управляли специальные чиновники. Уезды разделялись на волости, а затем на более мелкие административные единицы. Каждая такая единица включала десять сельских общин. Все крестьяне империи получили земельные наделы для ведения хозяйства. Во время правления Цинь Шихуанди активно велось масштабное строительство. По всей стране прокладывались почтовые дороги, создавались оросительные системы и возводились оборонительные сооружения. Важным результатом объединения Китая стало введение единой письменности. До образования единого государства в разных княжествах использовались собственные системы письма, что затрудняло культурные связи между регионами. После объединения страны официальной формой письма стала письменность сяочжуань. Использование китайских иероглифов было упорядочено и закреплено на государственном уровне, что оказало большое влияние на дальнейшее развитие китайской культуры.

Кроме того, династия Цинь ввела единую систему мер и весов. Первый император провел денежную реформу и ввел единую денежную систему, что способствовало развитию экономики и укреплению центральной власти.

В период существования империи Цинь продолжилось строительство большой оборонительной стены, которое началось еще в конце четвертого века до нашей эры в царствах Инь, Чжоу и Цинь. Эта стена предназначалась для защиты государства от набегов гуннов. Ее возведение свидетельствовало о высоком уровне развития военного и инженерного искусства в Древнем Китае. Одновременно велось строительство стратегически важных дорог и создавались крупные водные пути, среди которых особое значение имел Великий канал. Цинь Шихуанди также провел реформу системы государственного управления. Теперь министров назначал лично император, и они несли ответственность только перед ним. Вместо отдельных княжеств, которые постоянно соперничали между собой, было создано единое централизованное государство, в котором значительно усилилась власть императора и укрепилась система единоличного управления [69].

Во время правления династии Цинь территория государства значительно расширилась и стала охватывать большую часть современного Китая. Однако все основные расходы и тяжелые работы, связанные с ведением войн, строительством Великой стены, дворцов, дорог и других государственных сооружений, выполнялись за счет крестьянского населения. Именно крестьяне несли основную трудовую повинность и подвергались тяжелой эксплуатации со стороны государства. Все это вылилось в масштабные крестьянские восстания, под натисками которых и пала династия Цинь, уступив место новой династии империи Хань. С крушением династии Цинь легисты были отстранены от управленческого руля и на их место пришли конфуцианцы. Некоторые синологи тем не менее полагают, что времена правления Цинь Шихуанди в китайской

империи являются одним из самых прогрессивных, была построена империя, проведено множество реформ. Реформы, принятые во времена рассвета легизма, оставались актуальными для государства ещё долгое время. А именно школа законников и их принципы, утвержденные императором Цинь Шихуанди на законодательном уровне, внесли огромный вклад в развитие Древнего Китая. Становится ясным, что конфуцианство и легизм являются одними из самых значимых политических школ Древнего Китая. Они оказали свое воздействие в историю развития и становления Китайской империи. Хотя большинство ученых, исследовавших противоборство легизма и конфуцианства, сходятся во мнении, что решающую роль в становлении государственности сыграл именно легизм. Империя Хань, пришедшая на смену Цинь, приняла конфуцианство как основную идеологию, что ознаменовало переход к более мягкой и морально-ориентированной системе управления. Все жесткости предыдущей империи, особенно наказания, были отменены. В стране была объявлена широкая амнистия. Каждый уцелевший после длительной кровавой бойни крестьянин получил земельный надел. Налоги и повинности стали умеренными. Однако, несмотря на ужас репрессий и войн прошедшей эпохи легизма, новая императорская династия нуждалась в богатом теоретическом и практическом опыте административно-бюрократического аппарата государственных управленцев – легистов. Первый император династии Хань Лю Бан был вынужден сохранить основу циньского аппарата власти, особенно на нижнем и среднем уровне, но при этом существенно ограничил и видоизменил его функции, дав немалую власть крестьянским старейшинам.

В итоге сформировалось то, что некоторые ученые обозначают как неоконфуцианство, которое представляло собой синтез моральных норм Конфуция и методологии политической деятельности легизма. Это учение объединило в себе не только традиционные идеи конфуцианства, но и многие положения легизма. В результате оно постепенно превратилось из нравственно философского учения в целостную систему политического и правового управления государством. На протяжении многих столетий эта система сохраняла ведущую роль в государственной идеологии и оказывала большое влияние на развитие китайской культуры и общественной жизни. Практически на всем протяжении последних двух тысяч лет многие высочайшие посты в Китае предоставлялись по результатам испытаний на пригодность каждого претендента к государственной службе.

Особенность исторического развития заключалась в том, что объединение конфуцианства и легизма оказалось устойчивым именно благодаря использованию некоторых идей легистской школы. Это позволило конфуцианству сохранить статус официальной государственной идеологии на протяжении многих веков. Предложенные легистами методы управления показали свою эффективность, хорошо соответствовали общественным и политическим условиям того времени и постепенно изменили само конфуцианское учение. Начиная с эпохи династии Хань сформировалось уже

обновленное конфуцианство, которое отличалось от своего первоначального варианта.

Разумеется, не все было так просто с системой управления государством. Опасения легистов подтвердились, государственный бюрократический аппарат столкнулся с рядом проблем. Государственные чиновники, призванные выражать волю правителя простым людям, все более стремились вырваться из категории управляемых в управляющих. Таким образом реализовались те угрозы, на которые указывали легисты. Для решения этой проблемы сторонники конфуцианства предложили использовать некоторые методы легистской школы при управлении чиновниками. Они считали, что государственных служащих следует поощрять высокими должностями и хорошим материальным обеспечением, но одновременно поддерживать строгую дисциплину и постоянный контроль, чтобы сохранить их послушание и преданность государственной власти. С точки зрения мудрецов, любой государственный служащий не должен забывать источник своего благополучия и необходимость надлежащего поведения для сохранения достигнутого положения.

Важную роль в объединении идей конфуцианства и легизма сыграл император У ди, который правил с 140 по 87 год до нашей эры. Именно в период его правления произошло окончательное укрепление этого синтеза, ставшего основой государственной идеологии и системы управления страной [70]. Именно при нем империя династии Хань достигла высочайшего развития, был открыт Великий шелковый путь, достигнуты значительные успехи в войнах с соседями, а также был издан знаменитый указ, принуждавший всех удельных князей делить свое имущество между всеми наследниками, включая женский пол, что способствовало скорейшему упразднению уделов в империи. Но, пожалуй, самое главное, что было создано при У-ди – это официальное ханьское конфуцианство. При этом в системе государственного управления были вновь использованы многие методы легистской школы. Это проявилось в принятии единых строгих законов, усилении централизации власти в руках императора, постоянном ведении завоевательных войн и жестоком подавлении народных восстаний. Вместе с тем император У ди будучи опытным политиком хорошо понимал, что конфуцианство обладает большим влиянием благодаря своей опоре на древние традиции, нравственные ценности и культурное наследие Китая. Поэтому он, по словам современников, стремился примирить конфуцианские принципы правления со своими собственными, которые считал более эффективными для текущей ситуации.

Политическая культура с этого момента находилась под глубоким влиянием конфуцианства, как идеологии не только императорской власти, но и самого представления о государственности. Понятие государственности в Китае несло на себе неизгладимый отпечаток, проникших через конфуцианство, древних устоев ритуала Чжоу, моральных норм Конфуция, а также легистких методов политической деятельности. На этой основе оно получало свое теоретическое развитие в разные периоды истории. Конфуцианство оказывало системообразующее воздействие на политическую культуру Китая, как

вербализация сложившихся традиционных представлений не только о государственности как таковой, а также всей палитры традиционных отношений в обществе и самой культуры этих взаимоотношений.

Конфуцианство служило идеологической основой для китайской бюрократии в императорский период. Данная философия закрепляла за чиновниками право на власть и обосновывала их статус как особой, необходимой прослойки в обществе. Это достигалось теми качествами, которыми должен обладать чиновник. Чиновник прежде всего верен правителю, но вдобавок к этому он должен обладать определенными моральными и профессиональными качествами, которые воспринимаются неотрывно друг от друга. Этому способствует закрепленное в конфуцианстве представление о цзюнь-цзы как об образованном человеке и, более того, как об учёном. Бюрократы, как было определено, это группа образованных людей в китайском обществе, в обязанности которых входит служба государю и власти. Исторические процессы постоянно подвергали идеологическую доктрину императорского Китая, а вместе с ней и политическую культуру, различным испытаниям. Однако живучесть элементов традиционной политической культуры Китая определяла, прежде всего, само самосознание императорской власти [71]. Особенно ярко это проявилось при проникновении буддизма в Китай.

Буддизм проник в Китай в I – II столетиях н. э. Он получил широкое распространение в IV в. и явился единственной пришедшей извне философией и религией, которая надолго укоренилась в Китае. В VI в. император У–ди, династии Лян (502–549 гг.), утвердил буддизм и способствовал его распространению наряду с традиционными конфуцианством и даосизмом в Китае [72]. Буддизм оказал заметное влияние на китайскую литературу, искусство и философию, однако его роль в формировании политической культуры страны осталась довольно ограниченной. Можно сделать вывод, что удачное слияние строгих методов легизма с высокими идеалами конфуцианства на долгие века обеспечило китайской власти стабильность и высокую эффективность управления. Конфуцианство в итоге нашло общий язык с буквой закона, научившись сочетать следование моральной добродетели с необходимостью наказания, и эта система продолжает развиваться даже в наши дни. Анализ конфуцианской философии позволяет выделить важнейшие характеристики китайской политической традиции, среди которых особую роль играют идеи масштабного объединения страны, концепция срединного пути, восприятие политического порядка как фундаментальной основы государства, а также значимость личной добродетели и ритуалов в политике. Постепенное развитие этих философских и культурных ценностей в современном Китае способствует укреплению исторической преемственности в управлении, что помогает стране добиваться впечатляющих успехов в экономике и социальной сфере. За свою долгую историю Китай накопил огромный управленческий опыт, результатом которого стало появление систематической конфуцианской школы управления и формирование целостной теоретической базы. Фундаментом этой системы стали три принципа, а именно ориентация на законы природы, акцент

на человека как основу практической деятельности и суверенная ориентация как идеологический базис. Данная модель играла важнейшую роль в поддержании государственной стабильности и защите интересов народа. Несмотря на то, что при разных династиях политическая система постоянно менялась и приспосабливалась к новым условиям, основные черты политической культуры такие как централизация власти, строгая иерархия, ставка на образованных чиновников, стремление к общественному согласию и обоснование легитимности власти через благополучие людей оставались неизменными на протяжении многих веков. Тем не менее Опиумные войны девятнадцатого столетия и последующая почти полная потеря суверенитета наглядно продемонстрировали неспособность традиционной системы противостоять вызовам современного мира. Синьхайская революция тысяча девятьсот одиннадцатого года привела к падению монархии, но последовавший за этим длительный период политической нестабильности и гражданских войн закончился приходом к власти Коммунистической партии Китая в тысяча девятьсот сорок девятом году. Основание Китайской Народной Республики (КНР) ознаменовало радикальную трансформацию политической системы, но при этом определенные элементы традиционной политической культуры сохранились. Централизация власти была усилена под руководством КПК, иерархичность трансформировалась в партийную вертикаль, а стремление к единству и стабильности осталось ключевым приоритетом. Однако появились и новые элементы, такие как марксистско-ленинская идеология с китайской спецификой, принцип руководящей роли партии, народная демократия, в понимании КПК, и акцент на социально-экономическом развитии. Реформы Дэн Сяопина, начавшиеся в конце 1970-х годов, привели к значительным изменениям в экономической сфере и некоторой либерализации общественной жизни, но политическая система осталась в своей основе централизованной и управляемой КПК.

Опираясь на ключевые постулаты конфуцианства, сформулированы положения, востребованные в практике организации политической власти в современном Китае. Современное значение конфуцианства подчеркивается возрастающим вниманием к данной политико-философской традиции со стороны Коммунистической партии Китая, что находит свое отражения в апелляции к конфуцианским идеям в публичных выступлениях главы китайского государства Си Цзиньпина. Базовые этические и политико-правовые ценности конфуцианства имеют существенное значение для различных сторон социально-экономического развития Китая, в том числе в контексте ответственного отношения к вопросам экологии. Популярность идей конфуцианства лишний раз подтверждает их огромное культурное значение и особую роль в жизни китайского общества.

С приходом к власти Си Цзиньпина в стране заметно усилилась роль партии и центрального аппарата, ужесточился идеологический контроль и стал еще более заметным акцент на концепции китайской мечты, которая подразумевает великое возрождение нации. При этом традиционные ценности,

такие как искренний патриотизм, коллективизм и неустанное стремление к общему процветанию, продолжают играть важнейшую роль в формировании современной политической культуры Китая.

1.3. Эволюция политической системы КНР: институциональное развитие от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина

Политическая система Китая после создания КНР в 1949 году пережила серьезные трансформации, которые были вызваны как внутренними проблемами страны, так и переменами на мировой арене. Этот путь развития был длительным и сложным. На разных этапах страна развивалась под руководством руководителей Коммунистической партии Китая, среди которых были Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин. Каждый из них внес свой вклад в изменение политической системы и определил особенности развития Китая в соответствующий исторический период. Каждый из этих этапов отражал важные внутренние сдвиги и необходимость реагировать на внешнеполитические вызовы своего времени. Тем не менее многие эксперты по Китаю выделяют в качестве наиболее значимых периодов правление трех поколений лидеров, а именно Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, тогда как время пребывания у власти Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао зачастую рассматривают как своего рода переходную эпоху в развитии страны.

Время руководства страной и КПК Мао Цзэдуном (1949–1976) было ознаменовано утверждением однопартийной системы под руководством Коммунистической партии Китая. КПК осуществляла полный контроль над всеми сферами жизни общества. Идеология марксизма-ленинизма с китайской спецификой, которая была известна за пределами Китая как маоизм, стала основой государственной политики. В этот период политическая система основывалась на жесткой централизованной власти, для которой были характерны репрессии и массовые одиозные кампании.

Официальное провозглашение о создании Китайской Народной Республики (КНР) было сделано 1 октября 1949 года в Пекине. Перед этим, на проходившем 23.04–11.06.1945 в Яньане 7-ой съезд КПК принял устав, в котором впервые было записано, что Коммунистическая партия Китая рассматривает идеи Мао Цзэдуна, которые объединили положения марксизма ленинизма с опытом китайской революции, как основную идейную основу своей деятельности. Именно эти идеи считаются главным ориентиром, определяющим направление работы партии и ее политического курса. За три дня до начала съезда 7-ой расширенный пленум ЦК КПК принял официальную версию истории КПК – «Решение по некоторым вопросам истории партии». Мао Цзэдун, занимавший посты председателя Секретариата ЦК КПК и председателя Политбюро ЦК КПК, был избран также председателем ЦК КПК. После этого в марте 1949 года состоялся второй Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая, а также была опубликована программная работа Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа» [73]. В своем выступлении на Пленуме Мао Цзэдун представил собственную концепцию

развития Китая после завершения гражданской войны. Он считал, что непосредственный переход к социализму невозможен и относится к более отдаленной перспективе. На ближайшем этапе страна должна была пройти период новой демократии, который рассматривался как переходная стадия на пути к социализму. Главной задачей партии было создание сильного промышленно развитого государства, в котором ведущая роль принадлежала бы рабочему классу. Мао Цзэдун также подчеркивал, что новый Китай будет реализовывать поставленные цели, опираясь на поддержку социалистических государств и прежде всего Советского Союза [74]. Как отмечается в биографических источниках, Мао Цзэдун сыграл важную роль в формировании основных принципов и направлений внешней политики Китая. Под его руководством была разработана политика независимости и опоры на собственные силы, которая была направлена на защиту страны от иностранного вмешательства и противодействие господству других государств. Мао Цзэдун считал необходимым сочетать идеи интернационализма с патриотизмом. Он поддерживал борьбу народов за национальную независимость, освобождение, сохранение мира и другие справедливые движения, выступавшие против империализма, а также против старых и новых форм колониализма. Кроме того, он придавал большое значение развитию дружеских отношений и сотрудничества с другими странами, считая, что это будет способствовать миру и общему развитию человечества [75]. Согласно биографическим источникам лидера, значительную роль в укреплении позиций КПК среди широких слоев населения сыграла разработанная Мао Цзэдуном и активно продвигаемая в партийной риторике концепция «новой демократии». В соответствии с данным подходом предполагалось, что на определенном этапе развития китайского общества будет обеспечено сосуществование различных форм собственности, включая государственную, кооперативную и частнокапиталистическую. Кроме того, данная модель предусматривала формирование многопартийной системы и функционирование коалиционного правительства, рассматриваемого в качестве инструмента реализации «объединённой диктатуры нескольких революционных классов».

Наряду с этим, в 1949–52 гг. под руководством КПК были проведены мероприятия по нейтрализации социальных слоёв, потенциально способных оказать сопротивление новой власти. Принятое ЦК КПК в декабре 1951 г. Решение начать кампанию по борьбе против «трёх зол», которыми были коррупция, расточительство и бюрократизм, стало продолжением более ранней кампании, проводившейся с октября по ноябрь 1950 года. Тогда власти вели борьбу с внутренней контрреволюцией и осуществляли демократические преобразования на промышленных, транспортных и других предприятиях. В ходе этой кампании были репрессированы более 2 миллионов человек, которых обвинили в преступлениях против народной власти. В январе 1952 года были опубликованы новые указания о проведении кампании по борьбе против «пяти зол». Она проводилась при опоре на рабочий класс и сотрудничестве с лояльной буржуазией. Основными направлениями стали борьба со взяточничеством,

подкупом должностных лиц, уклонением от уплаты налогов, недобросовестным выполнением государственных заказов, присвоением государственного имущества и незаконным использованием государственной экономической информации в целях получения прибыли. Обе кампании продолжались около шести месяцев и приобрели массовый характер. Из государственных служащих, рабочих и представителей интеллигенции создавались специальные рабочие отряды и проверочные группы, которые направлялись на частные предприятия для проведения проверок. По официальным данным, около 80 % работников государственного аппарата были признаны причастными к различным злоупотреблениям, которые рассматривались как проявление негативного влияния буржуазии. По итогам кампании 4,5 % государственных и партийных работников были осуждены специальными народными трибуналами, а 20,8 % были освобождены от занимаемых должностей. Кроме того, в государственных и партийных органах начиная с уездного уровня было выявлено 108 тысяч человек, обвиненных в коррупции, 52 человека были приговорены к смертной казни, а около 10 тысяч получили различные срока лишения свободы [76]. В 1953 году концепция «новой демократии» все же была объявлена руководством КПК, исторически изжившей себя. Партия выработала «генеральную линию» на переходный период к социализму. Перед партией была поставлена задача в течение длительного отрезка времени постепенно провести индустриализацию страны и поэтапно завершить основные социалистические преобразования в экономике. Главной целью являлось создание современной промышленной базы и последовательный переход к социалистической модели хозяйственного развития.

Следует принять во внимание, что именно в период правления Мао Цзэдуна наблюдалось снижение уровня рождаемости в Китае, что было напрямую связано с политико-экономическими экспериментами, как «Великий скачок» (1958–1962) и «Культурная революция» (1966–1976), что носили бездумно-амбициозный характер. Эти социальные эксперименты стали причиной серьезных экономических проблем, голода и массовых репрессий, что крайне негативно отразилось на качестве жизни людей и уровне рождаемости. Политика Большого скачка привела к краху традиционного аграрного сектора и масштабному голоду, который унес миллионы жизней и нанес тяжелый удар по демографии страны. В 1970 году власти разработали первую антинаталистскую программу по ограничению рождаемости под названием «позже-больше-меньше», которая призывала создавать семьи в более зрелом возрасте, увеличивать промежутки между рождением детей и в целом стремиться к меньшему количеству потомков. Государственные кампании и программы планирования семьи активно продвигали идею иметь меньше детей ради ускорения экономического роста и повышения уровня жизни граждан. Для достижения этих целей применялись различные методы, такие как распространение противозачаточных средств, популяризация поздних браков и введение прямых ограничений на размер семьи. В этот же период происходили масштабные изменения в социальной структуре Китая. Урбанизация,

индустриализация и изменения в образе жизни, впрочем, как и переход к коллективной системе хозяйствования и рост уровня образования также непосредственно поспособствовали сокращению числа детей в семьях. Эти кампании были направлены на мобилизацию населения, устранение политических оппонентов и утверждение абсолютной власти Мао. Правовая система была слабой и часто подчинялась политической целесообразности. Решения принимались на основе указаний партийного руководства, а не на основе законов.

В 1970 годы Мао Цзэдун предложил стратегическую концепцию «трех миров», которая открыла новые возможности для внешней политики Китая. Благодаря этому были нормализованы отношения с Соединенными Штатами Америки и Японией, что создало благоприятные международные условия для проведения курса на модернизацию страны. В период с 1969 по 1972 год правительство КНР смогло восстановить дипломатические отношения, которые были нарушены во время культурной революции, а также установить связи с новыми государствами. К концу 1972 года Китайская Народная Республика поддерживала дипломатические отношения уже с 81 страной [77].

Смерть Мао Цзэдуна в 1976 году дало начало новому рубежу в истории развития китайской государственности, к концу 1970-х годов фактическим лидером партии и страны становится Дэн Сяопин. Проводимые в стране реформы Дэн Сяопин называл второй революцией после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. При этом он подчеркивал, что речь идет не о разрушении существующей политической системы или продолжении классовой борьбы, а о постепенном обновлении социализма путем его внутреннего совершенствования. Принятый в середине 1970 годов курс четырех модернизаций был направлен на развитие сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники. Если четыре модернизации определяли основные направления экономических преобразований, то идейной основой реформ стали четыре основных принципа. К ним относились сохранение социалистического пути развития, демократической диктатуры народа, руководящей роли Коммунистической партии Китая, а также приверженность марксизму ленинизму и идеям Мао Цзэдуна [78].

На VI Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая, который состоялся в июне 1981 года, было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования Китайской Народной Республики». В этом документе руководство партии официально осудило культ личности Мао Цзэдуна, а также дало отрицательную оценку политическим кампаниям «Большой скачок» и «Культурная революция», поскольку они сопровождались массовыми репрессиями, жесткими методами управления и применением насилия. Вместе с тем на пленуме подчеркивалось, что вклад Мао Цзэдуна в становлении партии и государства носит определяющий характер, в то время как допущенные им ошибки квалифицируются как второстепенные.

Дэн Сяопин начал масштабные преобразования, которые получили название «политика реформ и открытости». Он выдвинул концепцию

социализма с китайской спецификой, согласно которой развитие рыночной экономики должно было сочетаться с сохранением руководящей роли Коммунистической партии Китая и ее контроля над основными направлениями развития государства. Это привело к децентрализации управления в экономической сфере. Была предпринята попытка разделить партийные и государственные функции. Началось формирование более структурированной правовой системы, направленной на защиту частной собственности и регулирование экономических отношений.

Дэн Сяопин отказался от единоличного правления, характерного для эпохи Мао, и ввел принцип коллективного руководства. Была установлена система, в которой высшие должности занимались на определенный срок.

По инициативе Дэн Сяопина начались переговоры, направленные на улучшение отношений между Китаем и Советским Союзом. С середины 1980 годов руководство Китая стало развивать концепцию многополярного мира, согласно которой Китайская Народная Республика должна была стать одним из ведущих центров силы не только в Азии, но и на международной арене. В последние годы своей жизни Дэн Сяопин отошел от активного участия в государственном управлении и завершил политическую деятельность. Несмотря на это, за большой вклад в преобразование страны он получил почетное звание архитектора китайских реформ. С переходом к более умеренной политике при Дэн Сяопине и его преемниках система начала адаптироваться к рыночным реформам, в результате чего Китай встал на путь быстрого экономического роста, но при сохранении жесткого политического контроля.

Со временем в китайском обществе усиливались стремления к демократическим преобразованиям, которые выражались в требованиях либерализовать политическую систему социализма. После студенческих выступлений 1989 года Цзян Цзэминь был избран Председателем Китайской Народной Республики как сторонник более жесткого курса во внутренней политике. Дэн Сяопин считал его своим преемником и постепенно передал ему основные полномочия по руководству партией и государством. В официальной государственной идеологии Китая подчеркивается особая роль Мао Цзэдуна как основателя Китайской Народной Республики, Дэн Сяопина как главного инициатора экономических реформ, а Цзян Цзэминя как руководителя, который продолжил развитие политики социализма с «китайской спецификой», сохранив и укрепив достижения предыдущего периода [79]. Период правления Цзян Цзэминя начался в непростое для страны время после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Его основной целью было поддержание политической стабильности при одновременном продолжении экономических преобразований. Главной идейной заслугой Цзян Цзэминя стала концепция, согласно которой Компартия должна представлять не только интересы крестьян и рабочих, но и передовые производительные силы в лице бизнеса, а также передовую культуру, объединяющую интеллектуальную элиту, и при этом защищать коренные интересы подавляющего большинства населения страны. Данная концепция стала идеологическим поводом для приема частных

предпринимателей в партийные ряды, что существенно расширило социальную поддержку партии и ускорило развитие рыночных механизмов. Несмотря на проведение экономических реформ, государственный политический контроль оставался очень строгим, а вся полнота власти была централизована и распределена внутри партийной иерархии. При этом Цзян Цзэминь сделал акцент на укреплении принципа коллективного управления, что стало также заметным отличием от периода единоличной власти Мао Цзэдуна. Именно при Цзян Цзэмине Китай стал полноправным членом Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 году. Это событие имело колоссальное значение для дальнейшего экономического роста страны и ее интеграции в глобальную экономику.

Тринадцать лет, в течение которых Цзян Цзэминь руководил Коммунистической партией Китая и государством, вошли в историю Китайской Народной Республики как период значительного укрепления страны и роста ее совокупной мощи. В это время были достигнуты важные успехи в экономическом и социальном развитии, существенно повысился уровень жизни населения, сохранялись общественная стабильность и единство страны. Этот этап также характеризовался эффективным государственным управлением, устойчивым развитием и благоприятной общественной обстановкой [80].

Распад СССР и последовавшая за ним нестабильность на постсоветском пространстве сняли угрозу с севера, позволив тем самым укрепить положение Китая в регионе Центральной Азии.

Согласно официальной внешнеполитической доктрины КНР, в условиях складывающегося нового миропорядка, концепция «Большого Китая» трактуется прежде всего как вопрос экономического единства, скрепленного этнической общностью. Пекин добивается закрепления за собой весомого места на мировой арене, максимального обеспечения безопасности страны, создания благоприятных условий для своего внутреннего развития, в том числе путём утверждения неформального лидерства в регионе [81]. Авторитетный китайский политический еженедельник «Ляован» еще в 2000 году объяснял, почему приграничные государства занимают важное место во внешней политике Китая. Как отмечалось в статье, основные интересы Китая сосредоточены именно в соседних регионах. В экономической сфере большая часть внешней торговли Китая связана с соседними странами. На них приходится 56% всего объема экспортно-импортных операций, из которых 53,6% относится к странам Юго-Восточной Азии.

В ноябре 2002 года Ху Цзиньтао был избран Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Китая, сменив на этом посту Цзян Цзэминя. В марте 2003 года на сессии Всекитайского собрания народных представителей он был избран Председателем Китайской Народной Республики. В это же время должность премьера Государственного совета КНР занял Вэнь Цзябао, который возглавил правительство страны. Новое руководство Китая определило одним из главных направлений внутренней политики развитие западных районов страны. Значение этих территорий для развития Китая

обсуждалось и раньше, однако официально курс на их масштабное освоение был утвержден 22 сентября 1999 года на 4-м Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая 15-го созыва. Основной целью программы стало сокращение экономического и социального разрыва между западными регионами и более развитыми приморскими провинциями. Для достижения этой цели предусматривались крупные государственные инвестиции, дальнейшее развитие рыночных реформ и более активное участие западных территорий во внешнеэкономической деятельности.

Согласно последней концепции большого освоения западных территорий в программу были включены районы общей площадью 6,79 миллиона квадратных километров, что составляет 70,7 процента территории Китая. В этих регионах в настоящее время проживает около 500 миллионов человек [82]. Особое значение этой программы заключалось в том, что она охватывала приграничные районы, где основную часть населения составляли представители неханьских народов. Большинство этих территорий располагалось вдоль государственных границ и обладало значительными запасами природных ресурсов, которые имели важное значение для экономики Китая. Основное внимание уделялось развитию энергетики, химической и горнодобывающей промышленности, переработке полезных ископаемых, а также переработке продукции сельского хозяйства и животноводства. Такой подход был направлен на то, чтобы богатые природными ресурсами регионы могли ускорить свое экономическое развитие и более эффективно использовать собственный ресурсный потенциал. Весь этот комплекс факторов самым непосредственным образом связан с обеспечением национальной безопасности, и китайское руководство не могло не принимать его во внимание при выработке стратегических решений.

Ху Цзиньтао продолжил курс своего предшественника, но с большим акцентом на решение социальных проблем, возникших в результате стремительного экономического роста. Главной идеологической задачей Ху Цзиньтао стало создание гармоничного социалистического общества. Эта стратегия была нацелена на уменьшение разрыва между обеспеченными и бедными слоями населения, сглаживание неравенства между различными регионами страны и решение насущных проблем в сфере экологии [83]. Руководство Китая стало уделять значительно больше внимания уровню жизни сельского населения и развитию внутренних областей. Ху Цзиньтао продвигал научную концепцию развития, под которой понимался сбалансированный и устойчивый экономический рост. Это подразумевало, что развитие экономики не должно осуществляться ценой ущерба окружающей среде или социального неравенства. Также в этот период началось развитие низовой демократии, когда предпринимались шаги по внедрению демократических элементов в сельских общинах, например, путем проведения выборов деревенских старост. Несмотря на ограниченный характер данных мер, они свидетельствовали о стремлении власти к повышению гласности и прозрачности управления на местах. Оба лидера, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, придерживались принципа коллективного

руководства, заложенного еще, Дэн Сяопином. Это означало, что ключевые решения принимались не единолично, а высшим партийным комитетом, что гарантировало предсказуемость и стабильность политической системы. Период их правления стал эпохой технократов, то есть лидеров с техническим или инженерным образованием, которые отдавали предпочтение прагматике, а не слепому следованию идеологическим догмам. Разница в их подходах заключалась в расстановке приоритетов. Цзян Цзэминь сделал ставку на быстрый рост экономики и включение Китая в мировые процессы, стремясь расширить влияние партии за счет привлечения предпринимателей. Ху Цзиньтао больше заботился о социальной справедливости и стабильности внутри страны, пытаясь смягчить побочные эффекты стремительного развития через построение гармоничного общества для предотвращения конфликтов. Эти два этапа стали важнейшей ступенью развития КНР, создав базу для дальнейших реформ и доказав способность китайской политической системы к модернизации при сохранении однопартийного строя.

С 2012 года после прихода к власти Си Цзиньпина политическая система Китая вступила в новый этап развития, который объединил отдельные черты предыдущих исторических периодов. Главной особенностью этого этапа стал переход от планирования, основанного преимущественно на пятилетних программах, к долгосрочному стратегическому развитию, рассчитанному на несколько десятилетий вперед. Представив концепцию «Китайской мечты», Си Цзиньпин начал проведение ряда реформ, которые затронули ключевые элементы политической системы Китайской Народной Республики.

На XIX съезде Коммунистической партии Китая, который состоялся в октябре 2017 года, были проведены кадровые изменения в составе Центрального комитета КПК, Политбюро, Постоянного комитета Политбюро, Центральной комиссии по проверке дисциплины и Центрального военного совета. Как и предполагалось, Си Цзиньпин был вновь избран Генеральным секретарем Центрального комитета КПК. Однако главным итогом съезда стало значительное укрепление его политических позиций, поскольку на ключевые государственные и партийные должности были назначены руководители, пользующиеся его доверием.

Одним из важнейших решений съезда стало внесение изменений в Устав Коммунистической партии Китая. В обновленном документе была закреплена новая концепция руководящей роли партии, согласно которой КПК в своей деятельности опирается на марксизм ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина, концепцию тройного представительства, научную концепцию развития и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи [84]. Это означает, что политическое положение Си Цзиньпина было поставлено в один ряд со статусом Мао Цзэдуна, которого считают основателем современного Китая, и Дэн Сяопина, признанного инициатором китайских реформ. В обновленном Уставе Коммунистической партии Китая отмечается, что под руководством идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи партия объединяет все народы Китая для достижения национального

возрождения и дальнейшего развития страны. Одной из главных задач нового этапа стало создание современной инновационной экономики, основанной на принципах экологической устойчивости. Для реализации этой цели была запущена государственная экологическая программа «Прекрасный Китай». Уже сегодня более половины экономического роста страны обеспечивают высокотехнологичные отрасли. Согласно решениям съезда, к 2035 году Китай должен стать современным инновационным государством, а к 2050 году превратиться в богатую, сильную, демократическую, гармоничную, культурно развитую и экологически благополучную социалистическую державу. [85]. Это означает, что достижение общества всеобщего достатка стало одним из главных направлений государственной политики Китая, а последующие экономические реформы были ориентированы именно на выполнение этой задачи. Одновременно страна начала постепенно переходить от модели развития, основанной главным образом на экспорте, к экономике, в которой основную роль играет внутренний рынок и внутреннее потребление. Вместе с этим было по-новому определено главное противоречие современного китайского общества. Если раньше оно понималось как противоречие между потребностями народа и недостаточным уровнем общественного производства, то теперь оно рассматривается как противоречие между постоянно растущими потребностями населения в более высоком качестве жизни и неравномерным и недостаточно сбалансированным развитием страны. Такой подход отражает глубокие изменения в стратегии развития Китая, который постепенно переходит от модели развивающегося государства к модели общества с растущим уровнем благосостояния и стремится занять место одной из ведущих мировых держав.

По мнению многих специалистов, новый Устав закрепил основную цель внешней политики современного Китая, которая заключается в продвижении концепции сообщества единой судьбы человечества и дальнейшем совершенствовании системы глобального управления. В резолюции, принятой на XIX съезде Коммунистической партии Китая и определившей основные направления развития страны на следующие 5 лет, было отмечено, что Китай продолжит проводить миролюбивую внешнюю политику и будет содействовать формированию нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, равноправии и взаимной выгоде.

В документе также подчеркивалось, что Китай и дальше будет следовать курсу мирного развития, поддерживать идеи мира, развития, сотрудничества и общей выгоды, а также сохранять главную цель своей внешней политики, которая состоит в укреплении мира во всем мире и содействии совместному развитию [86]. В Уставе также была определена главная задача развития страны, которая заключается в осуществлении великой мечты китайской нации о ее полном возрождении. Поскольку в Китае внешняя политика зависит от внутренних задач государства, ее основной целью является создание благоприятных условий для достижения этой стратегической цели.

При этом особое внимание к внутреннему развитию Китая не означает стремление к самоизоляции или отказ от участия в мировых процессах.

Наоборот, среди решений XIX съезда Коммунистической партии Китая было закреплено включение в Устав партийной инициативы Си Цзиньпина «Один пояс один путь». Эта инициатива представляет собой стратегию экономической интеграции Евразийского пространства, в которой ключевая роль отводится Китаю [87].

В принятой резолюции Коммунистической партии Китая также подчеркивалось, что Китай будет последовательно укреплять дружеские отношения и развивать сотрудничество со всеми государствами. Особое внимание планировалось уделить расширению международного взаимодействия в рамках инициативы ОПОП. Кроме того, Китай намерен активно участвовать в совершенствовании системы глобального управления и содействовать формированию нового типа международных отношений, которые должны строиться на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. [88].

Важнейшим внешнеполитическим решением, закреплённым в этот период, стало возведение инициативы ОПОП в ранг стратегического приоритета общенационального масштаба. С точки зрения эволюции китайской политической системы, выдвижение данной инициативы в 2013 году обозначило качественный рубеж: завершился длительный переход от внешнеполитической линии «скрывать возможности и ждать своего часа» (韬光养晦), сформулированной ещё Дэн Сяопином, к стратегии «активного достижения» (奋发有为), характерной для «новой эпохи» Си Цзиньпина. Если на предыдущих этапах Китай преимущественно встраивался в существующий мировой порядок, минимизируя внешнеполитические амбиции ради сосредоточения на внутреннем развитии, то теперь страна впервые предложила международному сообществу собственный масштабный проект трансрегиональной интеграции под китайским руководством.

Не случайно эта инициатива связана с исторической памятью о древнем Шелковом пути, который на протяжении многих веков соединял китайскую цивилизацию со странами Запада. Такое обращение к историческому и культурному наследию соответствует рассмотренной ранее идее о том, что власть в Китае укрепляет свою легитимность через связь с многовековыми государственными традициями. Используя образ Шелкового пути, руководство Китая показывает современное расширение международного сотрудничества не как новое направление, а как естественное продолжение исторической роли страны в качестве важного центра торговли и культурного обмена в Евразии.

Официальное закрепление этой инициативы произошло на XIX съезде Коммунистической партии Китая, когда положение об инициативе ОПОП было включено в Устав партии. Благодаря этому проект получил статус долгосрочного государственного курса, который не зависит от изменения политической или экономической ситуации. Одновременно инициатива была связана с основной идеей современного развития Китая, которая заключается в осуществлении китайской мечты о великом возрождении китайской нации. В результате инициатива перестала быть только инфраструктурным проектом и стала одним

из ключевых элементов внешнеполитической стратегии Китая, объединив экономические, геополитические и идеологические задачи.
Именно при Си Цзиньпине данная инициатива стала зримым воплощением перехода Китая от регионального к глобальному уровню притязаний, логически завершив траекторию китайской внешней политики, от изоляционизма маоистского периода через прагматичную открытость Дэн Сяопина к активному проектированию мирового порядка в «новую эпоху». Чтобы в полной мере оценить практический масштаб этого перехода и - что особенно важно для настоящего исследования - реальное место Республики Казахстан в реализации проекта, обратимся далее к конкретному содержанию инициативы: её маршрутам, транспортным коридорам и срокам реализации. Инициатива ОПОП включает два основных направления. Первое представляет собой сухопутный Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), а второе является Морским Шелковым путем XXI века (МШП), который развивается сразу по нескольким маршрутам. По данным китайской стороны, к реализации ЭПШП могут присоединиться 67 государств, в которых проживает около 63% населения мира. Предполагается, что выполнение проекта займет около 30 лет. По расчетам его разработчиков, создание ЭПШП позволит значительно сократить сроки перевозки грузов между Китаем и Европой. В настоящее время доставка контейнеров морским транспортом занимает в среднем от 45 до 60 суток, тогда как после реализации проекта этот срок может сократиться примерно до 10 дней. Проект предусматривает не только создание современной транспортной сети, но и развитие таможенного сотрудничества, увеличение объемов финансового взаимодействия между государствами, а также создание финансовых институтов в рамках таких объединений, как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. Большое внимание также уделяется развитию гуманитарного сотрудничества через расширение обменов в сфере культуры, науки, средств массовой информации и молодежных контактов. Согласно опубликованным данным, основой проекта станет строительство 3 железнодорожных коридоров, северного, центрального и южного, которые соединят восточные районы Китая со странами Западной Европы [88].

Северный транспортный коридор проходит через территории Казахстана и России к Балтийскому морю. Его западное направление продолжается через Беларусь и Польшу в Германию и Нидерланды. Центральный коридор считается наиболее сложным для реализации из-за политической ситуации и недостаточного развития транспортной инфраструктуры. Он соединяет порты восточного Китая, включая Шанхай и Ляньюньган, со странами Центральной Азии (Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан), затем проходит через Иран и Турцию, после чего выходит к портам Франции через Балканский полуостров. Для его полной реализации необходимо строительство дополнительного тоннеля под проливом Босфор в Стамбуле. Южный коридор проходит через территорию Бангладеш, Индии и Пакистана. Помимо сухопутных маршрутов Китай предложил проект развития морских торговых путей, получивший название Морской Шелковый путь двадцать первого века (МШП). Эта инициатива была

представлена Си Цзиньпином в октябре 2013 года во время визита в Индонезию. Согласно проекту морской маршрут начинается в городе Фучжоу провинции Фуцзянь, затем проходит через Гуанчжоу, остров Хайнань и Малаккский пролив, далее пересекает Индийский океан, огибает Африканский Рог и через Красное и Средиземное моря выходит к европейским государствам [89].

Второе направление МШП соединяет китайские порты с государствами южной части Тихого океана. Реализация столь масштабных и долгосрочных проектов, поставленных руководством Китая, требует значительных финансовых, экономических и организационных ресурсов. Китайская Народная Республика располагает такими возможностями, что позволяет ей последовательно продвигать намеченные инициативы и реализовывать поставленные стратегические цели.

По мнению международных экспертов, доклад Си Цзиньпина на XIX съезде подтвердил политический курс, которого Китай придерживался в последние годы. Как отмечают специалисты, было закреплено стремление Китая занимать значимое место в существующей системе международных отношений, не разрушая ее основы. Основные изменения, представленные на съезде, касались внутренней политики и не повлияли на внешнеполитический курс страны. Также был подтвержден курс на решительную борьбу с коррупцией. По словам экспертов, такая политика вызывает недовольство среди лиц, причастных к коррупции. Некоторые зарубежные наблюдатели считают, что масштабные антикоррупционные меры могут отрицательно сказаться на инвестиционной привлекательности страны, поскольку многие руководители компаний были освобождены от своих должностей, что, по их мнению, создает определенную нестабильность. Вместе с тем подчеркивается, что подобные оценки в основном высказываются за пределами Китая. При этом в результате антикоррупционной кампании были отстранены от должностей и осуждены десятки тысяч руководителей среднего звена. Эксперты также отмечают, что сама коррупция является одним из факторов, который препятствует экономическому развитию страны.

XX съезд КПК, состоявшийся в октябре 2022 года, стал продолжением тех политических и экономических направлений, которые были намечены ранее, однако в нем можно выделить несколько важных отличий от девятнадцатого съезда, прошедшего в 2017 году. Во-первых, личное влияние Си Цзиньпина как лидера партии заметно усилилось, ведь на этом съезде он получил официальное признание в качестве ядра партии, а его идеи были окончательно закреплены в партийном уставе, что значительно укрепило его авторитет. Во-вторых, если на девятнадцатом съезде была официально принята концепция социализма с китайской спецификой для новой эпохи, то на двадцатом съезде данная концепция была дополнена и детализирована с акцентом на необходимость последовательной политики, нацеленной на поддержание социальной и экономической стабильности, а также на укрепление национальной безопасности. В-третьих, двадцатый съезд еще более настойчиво подчеркнул важность внутренней стабильности, бескомпромиссной борьбы с коррупцией,

безопасности государства и технологической самодостаточности. Особое внимание было уделено развитию китайской модели социализма и утверждению уникальной системы управления страной. На съезде также прозвучали тезисы об укреплении статуса Китая как значимого глобального игрока при сохранении стратегической независимости и необходимости противостоять внешнему давлению. Хотя борьба с коррупцией осталась приоритетной задачей, были внедрены новые инструменты для ужесточения дисциплины в партии и контроля над деятельностью ее структур. По итогам съезда и последовавшего за ним пленума Си Цзиньпин был переизбран на третий срок в качестве генерального секретаря, а также были сформированы составы Постоянного комитета, Политбюро и ЦК. Это событие стало явным свидетельством его доминирующего положения, особенно если учитывать, что ранее традиционный срок пребывания на посту обычно ограничивался двумя периодами. В результате съезда состав Политбюро и Постоянного комитета претерпел серьезные кадровые перестановки, позволившие лидеру окружить себя преданными сторонниками. Это дало ему возможность укрепить контроль над партийной элитой и государственными структурами. Эти изменения в составе Политбюро и Постоянного комитета Политбюро подчеркивают усиление личной власти Си Цзиньпина и его влияние на ключевые решения в партии и государстве. Назначения лояльных к нему людей и уход старых членов демонстрируют его стремление к укреплению контроля и реализации своей стратегии, как и проведение реформ в соответствии с его видением развития Китая на ближайшие годы. Эти признаки указывают на усиление позиции Си Цзиньпина в партийной и государственной иерархии.

По итогам 3 Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 20 созыва, состоявшегося в Пекине 15-18 июля 2024 г., были выделены основные стратегические направления развития Китая. Несмотря на огромные успехи развития Китая в XXI веке, развитие страны неравномерно, равно как инновационный потенциал реализован далеко не в полной степени. Поэтому на пленуме было изложено 60 стратегий и более 300 предложений, относящихся к внутренней политике страны и охватывающих все аспекты социально-экономического развития Китая. Речь шла не только о поддержке инноваций, но и о усилении законности в общественном сознании, культурном развитии, улучшению благосостояния народа. Подчеркивалось, что развитие Китая характеризуется последовательностью и непрерывностью. Касательно внешней политики страны, неоднократно отмечалось, что развитие Китая не предполагает сворачивания глобализации и замыкания крупнейшей экономики мира «на себя». За десять лет реализации стратегической инициативы ОПОП КНР подписала международные договоры со 150 странами мира и 30 международными организациями, и привлекла более триллиона долларов инвестиций. Резкие перемены в международной экономике не влияют на стратегию открытости Китая миру. На Пленуме было объявлено, что к 2035 г. Китай полностью сформирует систему социалистической рыночной экономики высокого уровня развития, что не только приведет к завершению

социалистической модернизации, но и усовершенствованию системы государственного управления. В области международной политики Китай продолжает следовать линии независимой и мирной внешней политики, реализуя инициативы по глобальному развитию, глобальной безопасности и глобальной цивилизации. Китайская модернизация имеет огромное значение для стран Глобального Юга и мира в целом [90].

Руководство Си Цзиньпина в XXI веке ознаменовало новый этап в истории Китая, укрепив модель жесткой вертикальной структуры власти, усилив борьбу с коррупцией и усилив роль Коммунистической партии в управлении страной.

Си Цзиньпин сосредоточил в своих руках беспрецедентную власть. Были отменены ограничения на срок пребывания на посту председателя КНР, что позволило ему оставаться у власти неограниченное время.

Под руководством Си Цзиньпина была развернута масштабная антикоррупционная кампания, которая, помимо очищения государственного аппарата, также использовалась для устранения политических оппонентов.

Внедрена идеология «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху», направленная на укрепление роли КПК и защиту национальных интересов. Китай также активно развивает системы цифрового контроля, включая систему социального кредита, предназначенную для оценивания поведения граждан и компаний, что в свою очередь позволяет государству более эффективно контролировать общество.

Выводы по первому разделу

Проведённый теоретико-методологический анализ показывает, что исследование политической системы Китайской Народной Республики не может опираться на какую-либо одну объяснительную модель и требует комплексного, междисциплинарного подхода. Теории тоталитаризма, фрагментированного и адаптивного авторитаризма, классические концепции модернизации, а также предложенный в настоящей работе концепт «цифрового конфуцианства» освещают разные грани китайской модели и лишь в своей совокупности позволяют воссоздать её целостную картину. Показательно, что традиционные западные теории «демократического транзита» не дают адекватного объяснения феномену, при котором рыночная экономика устойчиво сосуществует с однопартийной монополией, не размывая, а укрепляя её.

Китайский опыт демонстрирует возможность альтернативной траектории модернизации, основанной на сочетании рыночных механизмов, сильного государства, партийного контроля и цивилизационной специфики. В условиях глобализации КНР не просто адаптируется к изменениям мировой системы, но и всё активнее участвует в формировании её новых управленческих механизмов, перехватывая у Запада инициативу в выработке самих правил игры. Именно поэтому применение междисциплинарных методов сохраняет за анализом китайской политической системы статус одного из ключевых направлений современной политической науки.

Под воздействием глобальных процессов политическая система Китая эволюционировала от классической модели жесткого партийного контроля к

передовой высокотехнологичной системе управления, которая успешно совмещает сохранение политической монополии Компартии с активным применением современных цифровых инструментов. Подобное преобразование стало необходимым ответом на вызовы управления сложной экономикой, прочно интегрированной в мировой рынок, а также на потребность поддержания социальной стабильности в эпоху стремительной модернизации. Высокотехнологичная модель управления с единым центром власти сформировалась благодаря ряду ключевых механизмов, среди которых можно выделить масштабную цифровизацию государственного аппарата, внедрение методов анализа больших данных и искусственного интеллекта, создание комплексных систем наблюдения и обработки общественных процессов, а также укрепление координации внутри самой партии и развитие меритократических принципов подбора кадров на основе их реальных достижений. Все это дало возможность существенно повысить скорость и качество принятия управленческих решений, усилить контроль над социально политической ситуацией и сохранить доминирующее положение Компартии в условиях жесткой глобальной конкуренции и непрерывной технологической революции. Обобщение результатов раздела выводит на ключевое наблюдение: устойчивость китайской политической системы определяется её способностью совмещать глубокую историческую преемственность с готовностью к радикальным институциональным перестройкам. Именно эта двойственность - опора на многовековую традицию при одновременной восприимчивости к новому - составляет внутренний нерв китайской модели и объясняет, почему столь масштабные трансформации новейшей истории не разрушили, а лишь модифицировали её базовую конфигурацию.

Результаты теоретико-методологического анализа генезиса и эволюции политической системы КНР в контексте глобализационных процессов позволяют сформулировать следующие основные положения:

– обоснована определяющая роль историко-культурной матрицы в формировании современной политической архитектуры Китая. Показано, что фундаментальные элементы традиционной политической культуры - жесткая централизация, иерархичность, приоритет коллективной стабильности и конфуцианская концепция легитимности через народное благосостояние - сохраняют свою релевантность в XXI веке. Эти элементы выступают в качестве институциональных фильтров, через которые мировые тенденции пропускаются и подгоняются под «китайскую специфику».

– раскрыта диалектическая взаимосвязь между процессами глобализации и модернизацией политической системы КНР. Встраивание Китая в мировое хозяйство, особенно после присоединения к ВТО, не повлекло за собой вестернизации его политических институтов - напротив, оно запустило их качественное преобразование в направлении большей гибкости. Глобализация здесь оказывается не силой, размывающей суверенитет, а ресурсом, за счёт которого страна укрепляет экономическую безопасность и собственную геополитическую субъектность. Было установлено, что рост экономики КНР

ведет к закономерному изменению архитектуры мировых экономических процессов, требуя не попыток сдерживания, а выработки эффективных механизмов многостороннего регулирования и институционального сопряжения национальных стратегий.

– сформулирована специфика «китайского фактора» для стран Центральной Азии и Республики Казахстан. Обосновано, что нарастающее влияние КНР несет в себе как возможности для развития, так и комплекс социально-политических и демографических вызовов. Аргументирован тезис о том, что эффективная разработка национальной стратегии взаимодействия с Пекином невозможна в изоляции и требует глубокого межгосударственного сотрудничества для минимизации рисков в области миграции, занятости и инвестиционного дисбаланса.

– выявлена логика эволюции партийно-государственного управления: от маоистской идеологизации к «технологической централизации» Си Цзиньпина. Был прослежен переход от прагматичной модели Дэн Сяопина к нынешнему современному этапу, характеризующемуся усилением идеологического контроля при помощи цифровых технологий и националистического дискурса. Подобная трансформация служит подтверждением, насколько высока жизнеспособность однопартийной системы, способной сосредотачивать власть ради решения глобальных стратегических задач.

2 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КНР В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИЯ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РЕФОРМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ

2.1. Роль Коммунистической партии Китая в модернизации политической системы и преодолении внутриполитических вызовов

В современном мире Китай играет ключевую роль в глобальной экономике, определяя направления развития и влияя на различные аспекты международных экономических отношений. В последние десятилетия, стремительный рост КНР, его масштабные инвестиции и активная внешняя политика оказывают существенное влияние на мировые рынки и геополитический расклад сил. Еще совсем недавно Китай был лишь одной из многих развивающихся стран, но за сравнительно короткое время он сумел выйти в число ведущих мировых экономик. Это достижение требует обстоятельного изучения, так как оно стало одним из ключевых факторов, определяющих будущее всей мировой экономики. Основным двигателем успеха Китая стала продуманная политика Компартии по всестороннему обновлению общества. Этот путь не был связан с демократизацией, а наоборот, базировался на строгом партийном контроле, долгосрочном планировании и гибкой адаптации, направленной на преодоление тяжелого кризиса, оставшегося после правления Мао Цзэдуна. Экономические перемены опирались на глубокие реформы Дэн Сяопина, стартовавшие в конце семидесятых годов. Важное

значение для развития экономики имели вступление страны в ВТО в 2001 году, модернизация инфраструктуры, внедрение инноваций и запуск глобального проекта Один пояс один путь. В работе подробно рассматриваются причины быстрого роста Китая, среди которых привлечение зарубежного капитала, развитие экспортного потенциала, технологические достижения и укрепление позиций на международной арене. Также анализируются угрозы и сложности, возникшие из-за растущего влияния Китая, включая торговые конфликты, вопросы валютного регулирования и проблемы социального неравенства. Статус Китая как экономической сверхдержавы делает его ключевым участником глобальных процессов, что заставляет искать прогнозы для дальнейшего развития страны в мировом масштабе.

С конца двадцатого и начала двадцать первого века Китай стал страной, к которой приковано всеобщее внимание. Его успехи активно обсуждают ученые всего мира, а стремительный рост, огромные вложения в экономику и активная внешняя деятельность заметно изменили мировые рынки, производственные цепочки и расстановку сил на геополитической карте. Важно помнить, что в 1949 году Китай был отсталой страной, разоренной долгой гражданской войной, где экономика лежала в руинах, люди жили в крайней бедности, а средняя продолжительность жизни не превышала сорока лет. После обретения независимости и образования Китайской народной республики начался процесс строительства социалистической экономики, который проходил с большими трудностями из–за крайне неэффективного хозяйственного управления и перегибов в политике руководства страны. Важным этапом в развитии стратегии Коммунистической партии Китая стало выдвижение Дэн Сяопина на роль фактического руководителя страны в 1978 году. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году это событие стало началом нового этапа, связанного с проведением масштабных экономических и социальных реформ. Для понимания роли Коммунистической партии Китая важно отметить, что предложенный Дэн Сяопином курс реформ с самого начала рассматривался как обновление социализма, а не как отказ от него. Партия поддержала проведение глубоких экономических преобразований, но при этом четко определила их политические границы. Либерализация экономики не должна была затрагивать исключительное право Коммунистической партии Китая на руководство государством. Именно сочетание масштабных изменений в экономике и сохранения неизменного политического курса стало основой китайской модели развития и отличило ее от преобразований, которые проходили в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве. Таким образом, уже в начале реформ был закреплен принцип, который сохраняет свое значение и сегодня. Модернизация страны осуществляется под руководством Коммунистической партии Китая и направлена на сохранение ее ведущей роли в государстве [91].

КПК восстановила коллективное руководство после единоличного правления Мао, что снизило риски политических чисток и борьбы за власть. Был принят принцип разделения партийных и государственных функций для

повышения эффективности управления. Партия приняла стратегическое решение перейти от идеологического приоритета к экономическому прагматизму под лозунгом «социализм с китайской спецификой». Это позволило привлечь иностранные инвестиции и технологии.

По статистическим данным Всемирного банка, в период с 1979 по 2019 года, Валовой внутренний продукт (ВВП) в Китае прибавлял в среднем по 9,4% в год, тогда как среднегодовые общемировые темпы роста мирового ВВП держались на уровне 3% в год. Уже к 1984 году ВВП страны было удвоено и темпы экономического подъема продолжали расти. Уже к 2007 году валовой внутренний продукт Китая достиг 24,7 триллиона юаней. При обменном курсе 8,06 юаня за один доллар США объем ВВП страны составлял около 3,37 триллиона долларов. По этому показателю Китай занимал четвертое место в мире, уступая только Соединенным Штатам Америки, Японии и Германии [92].

По некоторым расчетам экономистов и статистов к 2030 году китайская экономика на 30 % будет превышать американскую, что вполне реально так как Китай согласно подсчётам Всемирного банка и Международного валютного фонда уже сейчас на одном из первых мест по ВВП (ППС). Можно смело предположить, что экономическая борьба в ближайшей перспективе будет разворачиваться между атлантической в лице США и ЕС и тихоокеанской моделью экономики, наиболее выраженной в КНР.

Ряд экономистов и политологов, в первую очередь китайских, одним из главных факторов феноменального роста китайской экономики считают эффективную роль государства в экономике, которое активно продолжало вмешиваться на происходящие процессы на всех этапах экономической реформы. Партийное руководство, выступая в качестве активного игрока в экономике, направляет инвестиции в ключевые отрасли, поддерживая национальные компании и создавая благоприятные условия для ведения бизнеса. На старте перехода от плановой экономики к рыночной Китай, в отличии от многих социалистических государств, отказался от «шоковой терапии» и вместо этого избрал плавный перевод экономики к рынку. Руководство Китая постепенно и последовательно проводило рыночные преобразования по мере того, как в них возникала необходимость. Одновременно создавались основные рыночные институты, развивалась конкуренция, расширялась частная собственность, а государство продолжало проводить модернизацию государственных предприятий, повышая их эффективность и приспосабливая их к новым экономическим условиям. Как мы знаем, государственные компании в Китае определяют общую рыночную конъюнктуру, несут большую социальную нагрузку, обеспечивают внешнеэкономические интересы КНР. Посредством регулирования цен на продукцию госкомпаний, стоящих в начале цепочки производства добавочной стоимости (сырьевые, энергетические и инфраструктурные компании), правительство защищало перерабатывающие предприятия от скачков цен на мировом рынке. Китайский опыт в этой области и в целом китайская модель управляемой рыночной экономики важны и являются альтернативой рыночному традиционализму. Среди ученых до сих пор

нет единого мнения о том, как определить общественно экономический строй, существующий в Китае. Одни считают его государственным капитализмом, другие относят его к социализму. В самом Китае эта модель определяется как социализм с китайской спецификой.

Госкомпании в Китае периодически подвергаются реформированию и очередной этап реформ проходил посредством трехлетнего плана (2020–2022 гг.), уточненного на 2021 год. За первые 11 месяцев 2020 года китайские госкомпании провинциального и центрального подчинения получили 55,61 трлн юаней (около 8,51 трлн. долл.) доходов, что в годовом исчислении на 0,8% превышает показатели 2019 года. Правда, их чистая прибыль после уплаты налогов, составившая около 2,21 трлн. юаней, снизилась за 11–месячный период на 7,1 % в годовом исчислении [93].

Китайская национальная нефтегазовая корпорация /CNPC/, крупнейший производитель и поставщик нефти и газа в стране, сообщила о 62,1% росте чистой прибыли в 2022 году. В предыдущем году чистая прибыль, приходящаяся на акционеров материнской компании, достигла 149,38 млрд юаней / около 21,74 млрд долл. США/, говорится в докладе CNPC, представленном на Шанхайской фондовой бирже. Согласно данным доклада, за отчетный период доход от основной операционной деятельности компании вырос на 23,9 проц. и составил около 3,24 трлн юаней. Как сообщила CNPC, ее свободный денежный поток увеличился на 88,4 проц. в годовом исчислении [94].

Другим фактором стремительного роста китайской экономики стало наличие большого количества трудовых ресурсов. При этом качество рабочей силы постоянно повышалось благодаря развитию образования и профессиональной подготовки, а на начальном этапе реформ уровень заработной платы оставался сравнительно низким, что способствовало снижению производственных издержек и повышению конкурентоспособности китайской экономики. Однако по мере роста заработной платы и квалификации работников, как и общего уровня благосостояния в стране этот фактор постепенно сошел на нет.

Еще один фактор роста экономики, это высокая доля привлечения иностранных инвестиций, в первую очередь в высокотехнологические сферы экономики. Китай предлагает инвесторам ряд преимуществ, таких как низкие налоги, развитая инфраструктура, доступ к огромному рынку сбыта. По оценкам многих международных специалистов, инвестиции обеспечивали также значительную часть прироста ВВП страны. Следует отметить, что появление иностранных инвесторов и конкурентов на внутреннем рынке было постепенным, чтобы не привести к краху национальной промышленности.

Было бы правильно отнести сюда же и вступление страны в конце 2001 года во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) на льготных условиях. Переговоры Китая о вступлении во Всемирную торговую организацию проходили одновременно с проведением экономических реформ. При этом преобразования осуществлялись в условиях активной государственной поддержки отечественных производителей и политики импортозамещения. В

ходе переговоров Китай смог по большинству вопросов добиться признания своего статуса как развивающейся страны. Это позволило ему получить ряд важных преимуществ. Страна получила возможность использовать переходный период продолжительностью в среднем от трех до пяти лет для постепенного открытия внутреннего рынка, снижения импортных пошлин и приведения национального законодательства в соответствие с требованиями Всемирной торговой организации. Кроме того, Китаю было разрешено предоставлять государственную поддержку сельскому хозяйству в размере до 8,5 процента стоимости произведенной продукции, субсидировать внутреннее производство, не связанное с экспортом, по согласованию ВТО, сохранять систему государственной торговли с правом регулирования цен на основные виды продукции, а также постепенно открывать сферу услуг для иностранного капитала. Одновременно Китай отказался присоединяться к соглашениям Всемирной торговой организации о государственных закупках и торговле гражданской авиационной техникой. Китайская сторона также не приняла обязательства, которые не относились непосредственно к условиям вступления в организацию, включая приватизацию государственных предприятий. Были отклонены и требования некоторых стран полностью открыть внутренний рынок, добровольно ограничить экспорт, обеспечить полную конвертируемость юаня и выполнить ряд других условий, которые руководство Китая считало неприемлемыми. [95].

Немаловажным фактором успешного развития китайской экономики стала ее относительно высокая открытость, основанная на экспортно-ориентированной модели роста. Такой подход позволял увеличивать валютные поступления, направлять их на повышение технологического уровня производства, осваивать современные информационно коммуникационные технологии и внедрять передовые системы организации промышленного производства и логистики. Китайская экономика в значительной степени ориентирована на экспорт. Продукция китайских предприятий пользуется спросом во всем мире благодаря своей низкой цене и конкурентному качеству. Тем более этому способствовало его выгодное природно-географическое положение. Страна имеет выход к Тихому океану, а через ее территорию проходят наиболее короткие сухопутные маршруты, связывающие тихоокеанское побережье с европейскими государствами. Это создало благоприятные условия для развития международной торговли и транспортных связей. Кроме того, Китай располагает крупными запасами природных ресурсов. На его территории находятся значительные месторождения нефти, угля и природного газа, а также разнообразных рудных и нерудных полезных ископаемых, включая вольфрам, свинец, цинк, ванадий, титан, олово, молибден и никель. Страна также богата строительными материалами, такими как гипс, барит, фосфатные руды, слюда, асбест и каолин. Помимо этого, по запасам гидроэнергетических ресурсов Китай занимает первое место в мире.

Китайская модель экономического роста основана на достаточно простом принципе. Государство использовало сбережения населения и привлекало

иностранные инвестиции для развития инфраструктуры и создания новых рабочих мест в частном секторе. Частные предприятия производили товары на экспорт, а полученные валютные доходы направлялись на приобретение современных технологий и дальнейшую модернизацию экономики. Постепенно рос и уровень потребления, что повышало внутренний спрос и стимулировало приток новых инвестиций уже в лице мировых транснациональных компаний, которые всеми силами стремились попасть на огромный китайский рынок. Многие транснациональные компании перенесли свои производственные мощности в Китай, чтобы воспользоваться преимуществами дешевой рабочей силы и благоприятного инвестиционного климата. Это привело к сдвигу производственных цепочек из развитых стран в Китай.

Сегодня, Китай стал одним из крупнейших торговых партнеров для многих стран мира. Рост его импорта и экспорта стимулирует рост мировой торговли.

Однако, несмотря на впечатляющие достижения, китайская экономика сталкивается с рядом серьёзных проблем и вызовов. Одной из важных проблем остается рост неравенства в доходах населения. Несмотря на высокие темпы экономического развития, увеличение объемов экономики само по себе не обеспечивает равномерного распределения материальных благ среди многочисленного населения страны. По данным Всемирного банка, уровень доходов на душу населения в Китае по-прежнему соответствует показателям, характерным для развивающихся государств, и составляет менее одной четверти от уровня, достигнутого в развитых странах. Как сообщает «Синьхуа», по данным Государственного статистического управления страны, в Китае среднедушевые доходы населения в 2023 году составили 39 218 юаней около $5511 долларов. Рост по сравнению с 2022 годом: 6,3%. Показательно, что жизнь состоятельных китайцев и набирающего силу среднего класса все заметнее расходится с условиями существования у сельского населения. Средний показатель по стране может скрывать значительную разницу в доходах между различными регионами, отраслями и демографическими группами. Доходы в городах выше, чем в сельской местности. В 2023 году в городах средний располагаемый доход составил 51 821 юань ($7345), а в сельской местности – 21 691 юань ($3056) [96].

Партийное руководство прилагает ряд усилий на различных уровнях, чтобы обеспечить социальную стабильность и единство в условиях растущего социального неравенства и вызовов глобализации. Минимальная зарплата в Китае регулярно повышается, чтобы обеспечить более справедливое распределение доходов. Государство перешло к прогрессивной системе подоходного налога, согласно которой граждане с большими доходами отдают в бюджет более значительные суммы. Правительство активно использует различные социальные выплаты, включая пенсии и пособия для поддержки людей с низкими доходами. Общая система социальной защиты расширяется для того, чтобы как можно больше жителей страны могли пользоваться качественным медицинским обслуживанием, образованием и другими государственными услугами. Значительные ресурсы направляются на

улучшение инфраструктуры и образовательной среды в сельских районах, что способствует появлению там новых рабочих мест и повышению благосостояния сельского населения. На местном уровне власти поддерживают малый и средний бизнес, что благоприятно сказывается на создании новых вакансий и более равномерном распределении финансовых доходов в обществе. Кроме того, повсеместная борьба с коррупционными проявлениями помогает гарантировать справедливое распределение всех общественных ресурсов и предотвращает незаконное обогащение отдельных лиц за счет государственных средств.

Сокращение неравенства доходов является сложной задачей, и потребуется время, чтобы справиться с этой проблемой.

Стремительный экономический рост обернулся острыми экологическими проблемами, среди которых особенно остро встал вопрос загрязнения окружающей среды. Именно эта проблема превратилась в один из главных вызовов, с которым столкнулась страна, и в серьёзную заботу для её высшего руководства. Основные источники загрязнения в КНР это:

– промышленность, Китай является крупнейшим производителем в мире, и его промышленные предприятия выбрасывают в атмосферу большое количество парниковых газов, пыли, токсичных веществ;

– транспорт, рост количества автомобилей в крупных городах, приводит к увеличению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу;

– сельское хозяйство, использование химических удобрений и пестицидов, а также интенсивное животноводство негативно влияют на качество воды и почвы;

– строительство, развитие инфраструктуры и рост городов сопровождаются образованием строительного мусора и пыли.

Смог является серьезной проблемой в крупных китайских городах, что приводит к респираторным заболеваниям, сердечно-сосудистым заболеваниям и даже к преждевременной смерти. Загрязненные водоемы непригодны для питья, орошения и рекреации. Это также негативно влияет на водные экосистемы. Загрязненная почва непригодна для выращивания безопасных продуктов питания. Китай признается одним из главных источников выбросов парниковых газов, которые провоцируют изменения климата и вызывают серьезные экологические последствия. Руководство партии утвердило множество государственных программ, которые нацелены на уменьшение объемов вредных выбросов, повышение чистоты воздуха и воды, а также на активное внедрение возобновляемых источников энергии. В 2022 году страна направила 2,6 триллиона юаней, что составляет примерно 370 миллиардов долларов, в развитие экологически чистой промышленности [97]. Параллельно с этим проводятся общественные кампании, призванные повысить уровень знаний граждан о проблемах экологии и важности ответственного использования природных богатств. Исправление экологической ситуации в стране представляет собой крайне сложную задачу, выполнение которой потребует колоссальной работы от правительства, частных компаний и всего общества в целом. Тем не менее Китай уже начал двигаться в верном направлении, и существуют все основания

полагать, что в перспективе страна сможет достичь весомых результатов в этой сфере.

По мере замедления роста мировой экономики, Китай все больше сталкивается с падением спроса на китайские товары, что негативно влияет на экспорт. Это серьезная проблема для экономики страны. Экономика Китая в значительной степени опирается на экспорт и внутреннее потребление, которые являются основными источниками ее экономического роста. Однако в последние годы темпы роста этих показателей стали ниже по сравнению с предыдущими периодами. Это во многом связано с торговыми разногласиями между Китаем и Соединенными Штатами Америки, которые оказали отрицательное влияние на развитие китайской экономики. Торговые споры с США и другими странами приводят к введению тарифов и других торговых барьеров, что затрудняет экспорт китайских товаров. Плюс ко всему, укрепление китайского юаня делает китайские товары менее конкурентоспособными на мировом рынке. К тому же рост заработной платы в Китае приводит к увеличению производственных затрат, что существенно снижает конкурентоспособность китайских товаров. Некоторые рынки, на которые традиционно экспортировались китайские товары, начинают насыщаться, что также отрицательно влияет на спрос.

По мнению некоторых китайских экспертов, Китаю следует задуматься о расширении рынка на свои товары и увеличение экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Китайский экспорт в значительной степени ориентирован на ограниченное число стран и рынков, что делает его уязвимым к внешним шокам.

Решение проблем с экспортом является комплексной задачей, партийное руководство переключила фокус с количественного роста на качество, инновации и экологию, используя мощный государственный аппарат для направления инвестиций в высокотехнологичные отрасли и уже предпринимает определенные усилия для снижения зависимости экономики от экспорта. Развитие внутреннего рынка и стимулирование внутреннего потребления один из способов решения этой задачи. Другими способами являются:

– повышение конкурентоспособности китайских товаров за счет внедрения инноваций и новых технологий;

– развитие собственного производства сырья и уменьшение импорта;

– переговоры с другими странами о снижении торговых барьеров и улучшении условий доступа на рынки;

– соответствие китайских товаров международным стандартам качества и повышение их конкурентоспособности;

– создание сильных китайских брендов, которые будут пользоваться доверием потребителей на мировом рынке [98].

Как мы видим, Китай уже предпринимает шаги в этом направлении, и есть основания полагать, что ему удастся добиться прогресса в этой области. Успешное решение проблем с экспортом будет иметь большое значение для устойчивого развития китайской экономики.

Старение населения и сокращение рабочей силы еще одна проблема, которая может стать препятствием для дальнейшего роста экономики Китая.

За прошедший период численность населения Китая уменьшилась примерно на два миллиона человек. Это стало не первым годом подряд, когда в стране наблюдается сокращение населения. Основными причинами стали снижение уровня рождаемости и значительный рост смертности после отмены ограничительных мер, введенных ранее в связи с распространением Covid 19. По словам главы Национального статистического бюро Кан И., основной причиной сокращения населения стало снижение рождаемости. По данным ведомства, в 2022 году в стране родилось 9,56 млн детей (годом ранее – 10,62 млн), что стало самым низким показателем по крайней мере с 1950 года. Согласно официальным данным властей КНР, численность населения страны составляет около 1,4 миллиарда человек. Доля детей в возрасте до 14 лет составляет 17,8 % населения, граждане в возрасте от 15 до 24 лет занимают 12 %, самой многочисленной остается возрастная группа от 25 до 64 лет, на которую приходится 58,8 % населения, а люди старше 65 лет составляют 11,5 %. По оценкам Организации Объединенных Наций, в 2023 году Китай, который долгое время был самой населенной страной мира, уступил первое место Индии. Число новорожденных сокращается уже седьмой год подряд, что отражает устойчивое снижение рождаемости и становится одной из долгосрочных экономических и социальных проблем страны. Одновременно население Китая постепенно стареет, что в будущем может замедлить темпы экономического роста и создать дополнительные трудности для социального обеспечения увеличивающегося числа пожилых людей при сокращении количества работников. В 2023 году в стране родилось около 9 миллионов детей, что примерно в два раза меньше, чем в 2016 году [99]. Одной из главных причин такого снижения стала политика одного ребенка, которая действовала с 1979 по 2015 год и была направлена на ограничение роста населения. В городах большинству семей разрешалось иметь только одного ребенка, за исключением случаев рождения двойни или большего числа детей одновременно. В сельской местности, а также для представителей национальных меньшинств допускалось рождение второго ребенка, если первым была девочка. Кроме того, государство поощряло более позднее вступление в брак и рождение детей в более зрелом возрасте, а за нарушение установленных правил применялась система денежных штрафов.

С повышением уровня жизни в стране, естественным образом, выросли расходы на жилье, образование и медицину, что также сдерживают семейные пары от рождения новых детей. Молодые люди в Китае все чаще ориентированы на карьеру и личную жизнь, чем на создание семьи.

Руководство партии и страны пытается решить эту проблему отменив политику «одного ребенка». В 2016 году правительство разрешило семьям иметь двух детей, а в 2021 году – трех. Помимо этого, семьям с детьми предоставляются налоговые льготы, субсидии и другие выплаты. Происходит расширение сети дошкольных учреждений и повышение качества ухода за детьми. Для молодых семей снижают стоимость покупки жилья. Поощряют мужчин к участию в уходе

за детьми и распределению домашних обязанностей и повсеместно проводится кампании по повышению осведомленности о важности деторождения [100].

Пока сложно сказать, насколько эффективно будут работать предпринимаемые меры. Полагается, что для достижения желаемого эффекта потребуется больше времени и возможно более радикальные меры. Хотя, некоторые эксперты считают, что даже при сохранении низкой рождаемости Китай сможет справиться с вызовами демографического кризиса за счет повышения производительности труда и внедрения инноваций.

К 2035 году Китай ставит перед собой цель стать одной из ведущих мировых инновационных держав, рассматривая инновации как главную основу дальнейшей модернизации страны. Правительство планирует расширить покрытие территории современными сетями и технологиями связи 5G более 50% территории государства. В действующем Пятилетнем плане подчеркивается, что инновации являются главным направлением модернизации Китая и должны обеспечить его устойчивое экономическое и технологическое развитие в долгосрочной перспективе. Правительство намерено сосредоточить усилия на достижении значительных результатов в наиболее важных технологических сферах, включая искусственный интеллект нового поколения, производство полупроводников, облачные вычисления и другие передовые направления. Кроме того, планируется создать новые национальные лаборатории и инновационные центры для развития науки и современных технологий. Одной из главных целей Китая к 2035 году является завершение формирования современной экономики, достижение крупных успехов в ключевых технологических областях и превращение страны в одного из мировых лидеров в сфере инноваций [101].

Китай также планирует провести оптимизацию и структурное обновление своей внешнеторговой политики. Основное внимание будет уделено увеличению национальной доли добавленной стоимости в китайском экспорте, особенно в сфере высокотехнологичной продукции. Такой подход направлен на повышение конкурентоспособности страны на мировом рынке и увеличение прибыли от внешней торговли. По итогам 2020 года общий объем внешней торговли товарами Китая составил 32,16 триллиона юаней, что соответствует примерно пяти триллионам долларов США К 2022 году общий объем примерно достиг 42,3 трлн юаней ($6,3 трлн). Из них, экспорт составил примерно 23,03 трлн юаней ($3,38 трлн) а импорт: примерно 19,27 трлн юаней ($2,92 трлн). Рост по сравнению с 2021 годом: 4,4 %. Однако, в 2023 году произошло незначительное снижение общего объема внешней торговли. Это связано с рядом факторов, включая замедление мировой экономики, торговые войны, геополитическую напряженность и локальные вспышки COVID–19 в различных регионах страны. Общий объем китайской внешней торговли составил примерно 41,76 трлн юаней ($5,88 трлн). Однако, в 2024 объем внешней торговли составил 43, 85 трлн юаней (около $6,1 трлн), увеличившись на 5% по сравнению с предыдущим годом. Как сообщило главное таможенное управление Китая (GAC), экспорт вырос до 23,77 триллиона юаней, а импорт снизился на до 17,99 триллиона юаней. Общая

стоимость экспорта новой технологичной «зеленной тройки» Китая, а именно солнечных батарей, литий-ионных аккумуляторов и электромобилей, в 2023 году увеличилась на 29,9 процента до 1,06 триллиона юаней, впервые превысив отметку в один триллион юаней. Стоимость экспорта машин и электронных изделий, составляющих 58,6 % от общего объема экспорта, увеличилась на 2,9 % за указанный период. Хотя общий рост экспорта в 2023 году снизился по сравнению с предыдущими годами, представитель GAC Лю Далян подчеркнул тот факт, что по показателям экспорта страны нельзя не отметить и постоянное улучшение качества внешней торговли КНР [102].

Несмотря на снижение, Китай остается крупнейшим торговцем товарами в мире. Основными торговыми партнерами Китая являются АСЕАН, ЕС, США, Япония и Южная Корея. Основными статьями экспорта являются электроника, машины, текстиль и игрушки. Основными статьями импорта являются нефть, железная руда, соевые бобы и полупроводники.

В 2023 году торговый оборот Китая с США был на сумму $758,8 млрд (экспорт: $581,3 млрд, импорт: $177,5 млрд). Положительный баланс $403,8 млрд. С Европейским Союзом на сумму $868,2 млрд (экспорт: $562,7 млрд, импорт: $305,5 млрд). Положительный баланс $257,2 млрд. Со странами Асеан (Ассоциация государств Юго–Восточной Азии) был на сумму $728,4 млрд (экспорт: $420,9 млрд, импорт: $307,5 млрд). Положительный баланс $113,4 млрд. С Японией был на сумму $346,1 млрд (экспорт: $165,9 млрд, импорт: $180,2 млрд). Отрицательный баланс $14,3 млрд. С Южной Кореей был на сумму $362,4 млрд (экспорт: $162,2 млрд, импорт: $200,2 млрд). Отрицательный баланс $38 млрд. С Гонконгом был на сумму $381,7 млрд (экспорт: $360,4 млрд, импорт: $21,3 млрд). Положительный баланс $339,1 млрд. Эти данные показывают, что Китай имеет положительный торговый баланс с большинством своих крупных торговых партнеров, за исключением Японии и Южной Кореи, с которыми торговый баланс отрицательный [103].

ВВП Китая в 2023 году увеличилось на 5,2 % по сравнению с 2022 годом, и его доля в мировом ВВП продолжает расти. Согласно оценкам Международного валютного фонда, вклад Китая в мировой валовой внутренний продукт увеличился до 18,8%, что еще сильнее укрепило позиции страны в качестве второй экономики планеты [104]. Стабильное экономическое развитие дает Китаю возможность наращивать свое влияние в системе глобального управления, последовательно продвигая идеи многополярного мира и более справедливого распределения ресурсов между всеми государствами. Реализация этой стратегии требует от страны активного вовлечения в работу международных структур и содействия в создании новых инструментов для управления мировыми процессами. Китай является постоянным участником Совета Безопасности ООН, а также принимает деятельное участие в таких значимых агентствах и проектах этой организации, как Всемирная организация здравоохранения, Программа развития ООН и детский фонд ЮНИСЕФ. С 2001 года страна официально входит в число участников Всемирной торговой организации, где играет активную роль в многосторонних переговорах и

помогает урегулировать торговые противоречия. Кроме того, Китай выступает одним из главных акционеров Международного валютного фонда и Всемирного банка, оказывая существенное влияние на их повседневную деятельность. Китай также на регулярной основе принимает участие в саммитах группы двадцати, внося заметный вклад в обсуждение актуальных тем мировой экономики и глобальных финансов. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), где Китай является одним из основателей, деятельность этой региональной межправительственной организации, направленна на укрепление сотрудничества в области безопасности, экономики и культуры в Евразии. Китай также является членом БРИКС куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, группы крупных развивающихся стран, которая работает над укреплением сотрудничества в экономической и политической сферах. Посредством инициативы ОПОП Китай настойчиво реализует инвестиционные проекты, направленные на создание инфраструктуры связывающую Азию, Европу и Африку. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) был учрежден в 2015 году по инициативе Пекина. Основная цель банка – финансирование BRI в Азии для содействия экономическому развитию и улучшению взаимосвязанности в регионе. AIIB стремится поддерживать устойчивые и экологически чистые проекты, включая транспорт, энергетическую инфраструктуру, водоснабжение и другие ключевые области. Банк содействует углублению экономической интеграции и укреплению международного сотрудничества между азиатскими странами и другими регионами. По данным за 2023 год совокупный объем инвестиций Китая при BRI достиг около $44,6 миллиардов в части прямых инвестиций и $43,7 миллиардов на строительные контракты, частично финансируемых за счет китайской системы кредитования. Указанные средства от инвестиций направлены на развитие транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры, а также на формирование новых логистических коридоров. За десятилетие с момента старта проекта общая сумма вложений в инициативу Один пояс один путь перешагнула отметку в $1 триллион [105]. Данные проекты наглядно доказывают желание Китая занимать центральное место в управлении миром и международных делах. Однако вместе с ростом экономической мощи Китая растет и его соперничество с другими мировыми лидерами, в особенности с Соединенными Штатами. Конкуренция между этими двумя государствами затрагивает самые разные области, включая экономику, передовые технологии, геополитику и военный потенциал. В экономическом плане Китай пытается уменьшить свою зависимость от внешних поставок и развивать собственный внутренний рынок, тогда как США стараются ограничить китайскую экспансию с помощью введения пошлин и санкционных мер. Технологическое соперничество проявляется в борьбе за первенство в таких сферах, как связь пятого поколения, искусственный интеллект и выпуск полупроводников. В геополитике Китай увеличивает свое влияние через такие программы, как ОПОП, а США укрепляют свои союзы и партнерские связи для сдерживания китайского роста. В военной сфере обе страны занимаются модернизацией своих

армий и стараются расширить свое присутствие в таких важных районах, как Южно-Китайское море и Тихий океан. Несмотря на серьезное противостояние между этими сверхдержавами, благодаря инициативе уже были проложены тысячи километров железных и автомобильных дорог, а также построены порты, электростанции и другие инфраструктурные объекты во многих странах мира. Развитие этой программы заметно увеличило торговый оборот Китая с партнерами, подтолкнуло экономический рост в ряде государств и обеспечило создание миллионов новых рабочих мест. Тем не менее в реализации этого китайского плана есть и негативные стороны. Некоторые страны, принявшие участие в инициативе, столкнулись с трудностями при погашении долгов из-за высоких процентов по кредитам от Банка развития Китая, к тому же часть объектов оказалась замешана в коррупционных скандалах. Кроме того, программа вызвала опасения у ряда стран, которые видят в ней угрозу усиления влияния Китая на мировые процессы. Стоит подчеркнуть, что Один пояс один путь представляет собой сложный и многоплановый проект, имеющий как положительные, так и отрицательные результаты. Оценка успехов или неудач этой инициативы зависит от того, какие критерии и точки зрения при этом используются. Данная программа продолжает развиваться, поэтому ее долгосрочные последствия пока остаются не до конца понятными.

2.2. Институциональные реформы и политическая централизация в КНР в XXI веке

После того как Си Цзиньпин встал во главе страны в 2012 году, в Китае наступила новая эпоха, которая стала очередным этапом в построении социализма с китайской спецификой. Это время отличается не только дальнейшим развитием экономики, но и серьезными политическими переменами. Если во времена Дэн Сяопина главными были экономические свободы при сохранении контроля со стороны политики, то нынешние реформы сосредоточены на усилении центральной власти, идеологическом единстве и повышении значимости деятельности Компартии во всех областях жизни государства и общества. Ключевые цели, которые перед собой ставит партия, заключаются в утверждении социализма с китайской спецификой для новой эпохи, что включает в себя продолжение курса на открытость и реформирование экономики, укрепление партийного влияния, а также сохранение политической стабильности. Все эти меры направлены на то, чтобы успешно адаптироваться к актуальным внутренним и внешним вызовам, в том числе за счет установления более строгого контроля над важнейшими технологическими и экономическими секторами. Проводится анализ ключевых политических реформ в КНР на пути «строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху». Особое внимание уделяется новым инициативам и стратегиям, выдвинутым на съездах, и их роли в укреплении политической системы Китая и повышении его международного авторитета.

В числе ключевых решений XIX съезда КПК следует выделить внесение поправок в партийный Устав, отразивших обновленное понимание руководящей

миссии партии в КНР. Данный документ определяет идеологическую основу деятельности Коммунистической партии Китая. Она включает марксизм ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теоретическое наследие Дэн Сяопина, концепцию трех представительств, научную концепцию развития, а также идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи [106].

Из этого следует, что политический статус Си Цзиньпина был поднят до уровня Мао Цзэдуна, которого считают основателем современного Китая, и Дэн Сяопина, которого называют главным инициатором современных китайских реформ. В обновленном Уставе Коммунистической партии Китая говорится, что под руководством идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, партия объединяет все народы Китая для достижения национального возрождения и дальнейшего развития страны. Одной из главных задач, поставленных на съезде, стало создание современной инновационной экономики с особым вниманием к охране окружающей среды. Для достижения этой цели была запущена экологическая программа «Прекрасный Китай». Уже сегодня значительную часть экономического роста страны обеспечивают высокотехнологичные отрасли. Согласно целям, обозначенным на съезде, к 2035 году Китай должен стать современной инновационной страной, а к 2050 году превратиться в богатое, сильное, демократичное, гармоничное, цивилизованное и экологически благополучное социалистическое государство [107].

Это означало, что одной из главных целей государственной политики Китая стало создание общества с высоким уровнем благосостояния населения. Именно на достижение этой цели в последующие годы были направлены проводимые экономические реформы. Постепенно Китай начал переходить от модели развития, основанной главным образом на экспорте, к экономике, в которой основную роль играет внутренний рынок. Одновременно было по-новому определено главное противоречие современного китайского общества. Если раньше оно понималось как противоречие между потребностями народа и недостаточным уровнем общественного производства, то теперь оно рассматривается как несоответствие между постоянно растущими потребностями населения в достойной жизни и неравномерным и недостаточным уровнем развития. Такой подход отражает серьезные изменения в национальных целях Китая. Страна постепенно переходит от положения развивающегося государства с невысоким уровнем доходов к обществу с растущим благосостоянием, которое стремится занять место великой мировой державы.

По мнению специалистов, новый Устав закрепил основную цель внешней политики современного Китая, которая заключается в продвижении идеи сообщества единой судьбы человечества и дальнейшем совершенствовании системы глобального управления. В резолюции, принятой на девятнадцатом съезде Коммунистической партии Китая, где были определены основные направления развития страны на ближайшие пять лет, отмечается, что Китай продолжит проводить мирную внешнюю политику и будет содействовать

развитию нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, равноправии и взаимной выгоды [108].

В тексте документа, озвученного в ходе заключительного заседания съезда в Доме народных собраний в Пекине, особо подчеркивается приверженность Китая курсу мирного развития. Отмечается, что КНР намерена и далее последовательно придерживаться данной стратегии, продвигая принципы мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды. При этом в качестве неизменной и базовой цели внешнеполитического курса обозначается стремление к поддержанию глобальной стабильности и содействию совместному развитию на международной арене [109]. В Уставе также была определена основная цель развития Китая, которая заключается в достижении великого возрождения китайской нации и реализации главной мечты страны в современный период. Поскольку в Китае внешняя политика тесно связана с внутренними задачами государства, ее главной задачей является создание необходимых условий для достижения этой цели. При этом большое внимание к внутреннему развитию страны не означает стремление Китая к изоляции или отказ от участия в мировых процессах. Напротив, одним из наиболее важных решений XIX съезда Коммунистической партии Китая стало включение в Устав партии инициативы Си Цзиньпина «Один пояс один путь». Эта инициатива представляет собой долгосрочную стратегию экономической интеграции стран Евразии, в которой Китай занимает центральное место и играет ведущую роль [110]. В принятой резолюции Коммунистической партии Китая также отмечается, что страна будет последовательно укреплять дружеские отношения и развивать сотрудничество со всеми государствами, активно расширяя международное взаимодействие в рамках инициативы ОПОП. Кроме того, Китай намерен принимать активное участие в совершенствовании системы глобального управления и содействовать формированию нового типа международных отношений, основанных на равноправии и взаимном уважении [111].

Особого внимания в контексте институциональной трансформации заслуживает сам факт включения инициативы ОПОП в Устав КПК на XIX съезде. Включение определенного экономического проекта трансрегионального масштаба в главный документ правящей партии является в значительной мере уникальным событием, так как ранее в устав вносились лишь общие идеологические установки и стратегические планы, а не конкретные инфраструктурные инициативы. Этим решением программа была возведена в ранг партийной доктрины, что обеспечило ей статус неизменного государственного курса, защищенного от любых пересмотров при смене лидеров или изменении политической ситуации внутри партии. Подобный ход ярко иллюстрирует главную черту китайской политической модели, которая заключается в безусловном приоритете партии над государственным аппаратом. Изначально сугубо экономический проект был закреплен не законами, принятыми высшим законодательным органом страны, а постановлением партийного съезда. Это наглядно доказывает, что именно партийные структуры определяют ключевые направления развития Китая, в то время как

государственные органы играют роль исполнителей уже утвержденных партией решений. Институционализация инициативы через устав, а не через законодательство, является характерным проявлением той модели партийно-государственного управления, которая последовательно укреплялась на протяжении «новой эпохи».

Важно также отметить, что инициатива была напрямую связана с именем Си Цзиньпина, поскольку в формулировке Устава она была указана как его политическое предложение. Такое объединение крупного государственного проекта с личностью руководителя усилило процесс укрепления роли лидера, который рассматривается в данном разделе. Поддержка этой инициативы стала не только участием в реализации государственной программы, но и показателем отношения к партийному руководству. Для государственных органов и региональных руководителей участие в проекте стало частью политической ответственности, а отказ от активного участия мог восприниматься как недостаточная поддержка общего курса партии.

Таким образом, с точки зрения институционального развития инициатива ОПОП является не только внешнеэкономическим проектом, но и инструментом укрепления внутреннего единства государства. Ее закрепление в Уставе усилило систему партийного контроля, связало государственный аппарат с общей стратегической целью и укрепило политическое влияние председателя КНР. Основные особенности самой инициативы, включая направления, экономические коридоры и этапы реализации, будут подробно рассмотрены в третьем разделе. В рамках данного подраздела важно подчеркнуть, что процесс принятия и закрепления инициативы является примером усиления централизации власти в Китае.

На девятнадцатом съезде Коммунистической партии Китая было отмечено, что в условиях изменений в сфере национальной безопасности и новых требований к развитию сильного государства необходимо последовательно укреплять вооруженные силы страны. В документе подчеркивается важность реализации идей Си Цзиньпина по укреплению армии и адаптации военной стратегии к современным условиям. Также было заявлено о необходимости создать современные и мощные сухопутные войска, военно-морской флот, военно-воздушные силы, ракетные войска и силы стратегической поддержки. Особое внимание уделяется совершенствованию системы управления совместными военными операциями и созданию современной боевой системы с китайской спецификой. По мнению делегатов съезда, выполнение этих задач позволит завершить модернизацию национальной обороны и вооруженных сил, а также превратить Народно-освободительную армию Китая в одну из самых современных армий мира. Еще в ноябре 2015 года председатель КНР Си Цзиньпин объявил о проведении масштабной реформы Народно-освободительной армии Китая. Широкомасштабное реформирование НОАК стало одним из стержневых элементов политической преобразований КНР в «новую эпоху» под руководством Си Цзиньпина. Запущенные на рубеже 2015-2016 годов, эти преобразования, оказались самыми значительными за последние

десятилетия и направлены на превращение НОАК в современную, высокотехнологичную армию, способную вести «информационную войну» и отстаивать глобальные интересы Китая. Ключевыми целями военной реформы по плану является то, что НОАК должна завершить техническую модернизацию к 2027 году, а к 2035 году – стать полностью модернизированной силой мирового класса. Ну и конечно, укрепление абсолютного контроля Центрального военного совета (ЦВС) и его председателя Си Цзиньпина над всеми вооруженными силами. Реформы кардинально изменили организационно-штатную структуру НОАК. Прежняя схема из семи Военных округов (ВО), каждая из которых фокусировалась на обороне своих территорий, была ликвидирована. На смену им пришли пять Командований театров военных действий, ориентированных на ведение объединенных операций в конкретных географических зонах [112]. Была упразднена прежняя структура из четырех Главных управлений (Генеральный штаб, Главное политическое управление, Главное управление тыла, Главное управление вооружений). Их функции были перераспределены и переданы непосредственно ЦВС, что усилило центральный контроль. Проведено сокращение численности армии, особенно административного персонала и традиционных сухопутных войск, с целью освободить ресурсы для развития высокотехнологичных родов войск. Под задачи войн нового типа были сформированы стратегические структуры:

– Ракетные войска НОАК (РВСН). Они отвечают за эксплуатацию всех наземных ядерных и обычных ракетных средств, что подчеркивает их стратегическое значение;

– Силы стратегической поддержки (ССП). Которые включают в себя космические войска, предназначенные для управление спутниками и космическими активами и кибервойска для ведение радиоэлектронной борьбы и кибервойны.

Эти реформы направлены на создание армии, способной обеспечить национальные интересы Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и защищать его глобальные экономические и политические амбиции в контексте ОПОП.

В институциональном измерении состоявшийся в октябре 2022 года XX съезд КПК сохранил преемственность ранее заявленного политико-экономического курса, однако по сравнению с XIX съездом 2017 года имел ряд существенных отличий.

Прежде всего съезд официально подтвердил сосредоточение огромной власти в руках Си Цзиньпина, закрепив за ним статус ядра партии и придав его идеям, ранее включенным в устав, характер обязательной нормативной базы, что значительно усилило его личное влияние. В дополнение к этому концепция социализма с китайской спецификой для новой эпохи, принятая на девятнадцатом съезде, была здесь расширена и детализирована с особым упором на необходимость последовательного проведения курса новой эпохи, где первостепенное значение уделяется поддержанию социально экономической стабильности и укреплению безопасности государства. Наконец в развитие идей предыдущего съезда данный форум более настойчиво выдвинул задачи по

обеспечению внутренней устойчивости, продолжению борьбы с коррупцией, укреплению национальной безопасности и достижению технологической самодостаточности, а также продвижению китайской модели социализма и собственных методов государственного управления. На съезде также подчеркивалась важность укрепления статуса Китая как влиятельного игрока на мировой арене при условии противостояния внешнему давлению и сохранения стратегической независимости. Хотя борьба с коррупцией оставалась приоритетной, были внедрены новые инструменты для ужесточения партийной дисциплины и контроля над расходами и работой партийных подразделений. По итогам съезда и прошедшего следом пленума Си Цзиньпин был переизбран на третий срок в качестве генерального секретаря Центрального комитета Компартии Китая, а также был полностью утвержден новый состав Постоянного комитета, Политбюро и ЦК. Это служит явным признаком его доминирующего положения в партии, что особенно заметно на фоне существовавшей ранее традиции ограничивать пребывание на высшем посту двумя сроками. Результатом съезда стали существенные кадровые перестановки в Политбюро и его Постоянном комитете, которые позволили Си Цзиньпину окружить себя преданными сторонниками. Это дало ему возможность еще сильнее укрепить свой контроль над партийной элитой и всеми государственными структурами. Кроме того, по итогам третьего пленума Центрального Комитета Компартии Китая двадцатого созыва, который прошел в Пекине с 15 по 18 июля 2024 года, были официально обозначены главные стратегические пути развития страны на перспективу. Несмотря на огромные успехи развития Китая в XXI веке, развитие страны неравномерно, равно как инновационный потенциал реализован далеко не в полной степени. Поэтому на пленуме было изложено 60 стратегий и более 300 предложений, относящихся к внутренней политике страны и охватывающих все аспекты социально-экономического развития Китая. Речь шла не только о поддержке инноваций, но и усилению законности в общественном сознании, культурном развитии, улучшению благосостояния народа. Подчеркивалось, что развитие Китая характеризуется последовательностью и непрерывностью. Касательно внешней политики страны, говорилось, что развитие Китая не предполагает сворачивания глобализации и замыкания крупнейшей экономики мира на себя. За десять лет реализации стратегической инициативы ОПОП КНР подписала международные договоры со 150 странами мира и 30 международными организациями, и привлекла более триллиона долларов инвестиций. Резкие перемены в международной экономике не влияют на стратегию открытости Китая миру. На Пленуме было объявлено, что к 2035 г. Китай полностью сформирует систему социалистической рыночной экономики высокого уровня развития, что не только приведет к завершению социалистической модернизации, но и усовершенствованию системы государственного управления. В сфере внешней политики Китай намерен и далее придерживаться курса на независимость и мирное сосуществование, продолжая воплощать в жизнь свои инициативы, касающиеся глобального развития, всеобщей безопасности и мировой цивилизации. Китайский путь модернизации

обладает колоссальным значением как для государств Глобального Юга, так и для всего мира в целом [113].

Как подчеркивают зарубежные специалисты, внутри страны концепция сообщества единой судьбы эффективно способствует укреплению авторитета Компартии и ее лидера, ведь партия позиционирует себя в качестве ответственной мировой силы, стремящейся к миру и процветанию, что закономерно повышает ее престиж в глазах граждан. Осуществление таких грандиозных задач нуждается в наличии крепкого и централизованного управления. Это существенно упрочивает положение Си Цзиньпина и Компартии, давая им возможность принимать стратегически важные решения без какого-либо серьезного сопротивления. Подобные идеи, как например сообщество единой судьбы, постепенно превращаются в неотъемлемую часть официальной партийной идеологии. Их изучение и активное распространение являются обязательными для всех партийных сотрудников и простых граждан, что помогает успешно сплачивать все общество вокруг достижения поставленной общей цели. Успехи на международной арене и признание глобальных инициатив другими странами укрепляют чувство национальной гордости и патриотизма среди китайцев. Это также повышает поддержку политики КПК.

Концепция, как считают западные страны, может служить основой для создания альтернативных международных структур, в которых доминирует Китай, что ослабит роль ООН, ВТО и других западных институтов. Тем более что для воплощения концепции «сообщество единой судьбы человечества» в жизнь Китай, помимо инициативы ОПОП, запустил серию масштабных проектов - Глобальные инициативы в области развития, безопасности и цивилизации, содержательная характеристика которых дана в подразделе 2.3 [114].

Эти инициативы не только направлены на укрепление позиций Китая в мире, но и служат внутренним целям. Они стимулируют развитие китайских технологий, инфраструктуры и бизнеса, а также создают новые возможности для китайских компаний на международном рынке.

Принципиально, что выдвижение Китаем серии глобальных инициатив - в области развития (2021), безопасности (2022) и цивилизации (2023) - следует рассматривать не как обособленный внешнеполитический процесс, а как прямое продолжение той институциональной трансформации, которая анализировалась выше. Сама возможность последовательно генерировать доктринальные проекты планетарного масштаба является функцией достигнутого уровня централизации власти. В условиях «фрагментированного авторитаризма» предшествующих десятилетий, когда полномочия были распылены между ведомствами, региональными элитами и внутрипартийными группами, выработка единой, согласованной и рассчитанной на десятилетия глобальной стратегии была институционально затруднена. Консолидация власти вокруг фигуры Си Цзиньпина и отказ от модели коллективного руководства устранили это ограничение, сформировав единый центр стратегического целеполагания.

Показательна сама хронология выдвижения инициатив, практически зеркально накладывающаяся на этапы укрепления личной власти председателя КНР. Первый проект был озвучен в 2021 году - в период, непосредственно предшествовавший XX съезду, закрепившему за Си Цзиньпином статус «ядра» партии и третий срок полномочий. Последующие инициативы выдвигались по мере дальнейшей институционализации его лидерства, а к середине 2020-х годов были сведены в единую доктринальную систему. Эта синхронность не выглядит случайной, каждый новый внешнеполитический концепт одновременно служил инструментом легитимации внутренней централизации, демонстрируя обществу и партийному аппарату способность руководства ставить и решать задачи глобального уровня.

В институциональном отношении инициативы воплощают характерный для «новой эпохи» принцип «верхнеуровневого проектирования» (顶层设计), при котором стратегические решения формулируются на высшем партийном уровне, а их исполнение распределяется по государственному аппарату через систему руководящих групп и комиссий при ЦК КПК. Именно эти надведомственные органы, выведенные из-под контроля традиционных министерств, обеспечивают межведомственную координацию, без которой проекты подобного масштаба были бы нереализуемы. Тем самым инициативы оказываются не только внешнеполитическим, но и внутриполитическим феноменом, их продвижение требует и одновременно укрепляет вертикаль партийно-государственного управления.

Обращает на себя внимание и функциональное разделение между инициативами - развитие, безопасность, цивилизационный диалог, а с 2025 года и глобальное управление, - которое само по себе свидетельствует о системном, а не ситуативном характере китайского целеполагания. Подобная «специализация» доктрин была бы невозможна при прежней реактивной внешней политике эпохи «скрывать возможности и ждать своего часа»; она предполагает наличие единого замысла, охватывающего все измерения международного порядка, что является прямым признаком моноцентричной модели управления, формирование которой рассматривается в настоящей работе.

Двойственная природа инициатив проявляется и в их идеологической функции. Будучи инкорпорированными в официальный партийный дискурс, они становятся обязательным предметом изучения для кадров и элементом политической социализации населения, что способствует консолидации общества вокруг руководства партии. Внешняя проекция влияния и внутренняя легитимация здесь неразделимы, формируемый вовне образ Китая как ответственного архитектора нового мирового порядка конвертируется во внутренний ресурс национальной гордости и поддержки проводимого курса.

Содержательное наполнение каждой из инициатив - их принципы, приоритетные направления, механизмы реализации и восприятие международным сообществом - подробно раскрывается в подразделе 2.3, посвящённом идеологическим концепциям современного Китая. В рамках же

настоящего подраздела принципиально зафиксировать иной тезис, способность КНР генерировать и продвигать доктринальные проекты планетарного масштаба представляет собой прямое институциональное следствие централизации власти, а сами эти проекты, в свою очередь, служат механизмом её дальнейшего укрепления. Внешнеполитическая активность Пекина и его внутренняя политическая трансформация образуют тем самым единый взаимоусиливающий контур.

Все инициативы Китая отражают эволюцию внешней политики Китая и уроки, извлеченные из его более чем десятилетнего активного участия в международной политике, прошедших с момента запуска инициативы ОПОП.

За более чем 10 лет руководства Си Цзиньпина, Китай вступил в новый этап своего развития который официально называют новой эпохой. За этот период значительно выросла экономическая мощь страны, а ее влияние на международной арене продолжило усиливаться. Одной из главных особенностей этого периода стало проведение масштабных реформ. Си Цзиньпина часто называют одним из крупнейших реформаторов современного Китая наряду с Дэн Сяопином. Когда Дэн Сяопин в конце 1970 годов начал политику реформ и открытости, валовой внутренний продукт на душу населения составлял всего около двухсот долларов США, а экономические преобразования фактически начинались с самого начала. К моменту прихода Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК в 2012 году страна уже стала второй по величине экономикой мира, а валовой внутренний продукт на душу населения превысил шесть тысяч долларов США. Вместе с этим Китай постепенно утратил некоторые прежние преимущества, включая низкую стоимость рабочей силы. За последнее десятилетие было реализовано более 2 тысяч реформ, благодаря которым удалось ликвидировать крайнюю бедность, ускорить совместное развитие городов и сельских районов, усилить борьбу с коррупцией, поддержать предприятия, развивать научно технологические инновации и продвигать экологически ориентированное развитие. Эти меры помогли сохранить устойчивый экономический рост, более чем в 2 раза увеличить объем экономики по сравнению с 2012 годом и сохранить за Китаем роль одного из главных двигателей мировой экономики.

Наиболее значимой политической реформой в Китае стало возвращение к принципу централизации власти и фактический отказ от «коллективного руководства», которое было введено Дэн Сяопином. В 2018 году были внесены поправки в Конституцию КНР, отменившие ограничение на два срока для председателя КНР. Это позволило Си Цзиньпину занимать высший пост в течение неограниченного срока, что стало наглядным признаком перехода от безличного партийного правления к формату личной власти. Отношение партийной элиты и различных группировок к возврату системы централизованного управления и отказу от принципа коллективного руководства при Си Цзиньпине остается довольно сложным и противоречивым. Несмотря на кажущееся единство, отказ от коллегиальности вызвал заметное беспокойство у некоторых партийных фракций, особенно среди тех, кто сохранял значительное

влияние в предыдущие годы. Критики высказывают опасения, что избыточная концентрация власти и отсутствие системы сдержек и противовесов могут привести к возврату ошибок прошлого, допущенных в эпоху Мао Цзэдуна.

Под началом Си Цзиньпина значительно усилилась вертикаль власти Компартии, при этом партийные структуры были глубоко интегрированы в государственные институты, экономические организации и даже в частные компании. Принцип руководящей роли партии во всех сферах стал основным. Были сформированы новые группы и комиссии при Центральном комитете, которые координируют важнейшие стратегические направления, такие как национальная безопасность и кибербезопасность, выводя их тем самым из подчинения обычных государственных министерств.

Широкомасштабная борьба с коррупцией, стартовавшая еще в 2012 году, стала не только способом очищения от взяточничества, но и эффективным инструментом проведения политических реформ и кадровых чисток, что помогло лидеру устранить политических конкурентов и добиться полной лояльности внутри партии. В 2018 году Государственный надзорный комитет был преобразован из органа партийного контроля в самостоятельную государственную структуру, которая получила широкие права по расследованию преступлений, связанных с коррупцией среди чиновников любого ранга, что юридически закрепило механизмы контроля на законодательном уровне.

Проведенные политические изменения также включают масштабное идеологическое обновление, нацеленное на унификацию мышления и укрепление авторитета Компартии. Как уже отмечалось ранее, идея Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи была закреплена в партийном уставе и Конституции страны, став обязательной для изучения и исполнения всеми партийными членами и государственными служащими. Идеологические реформы были направлены на создание культурно правильного общества через ужесточение контроля над средствами массовой информации, интернетом и образовательной системой, что включает в себя усиление цензуры и формирование необходимых государству социальных ценностей.

2.3. Идеологические концепции современного Китая и их значение для внутреннего развития и внешнего сотрудничества

В XXI веке основы внешней политики Китая заметно изменились. Страна прошла путь от пассивного наблюдателя на мировой арене до статуса активного и авторитетного лидера. Ключевым инструментом этих перемен стали новые глобальные инициативы и теория сообщества единой судьбы человечества. Эти идеи отражают внешние амбиции Пекина и одновременно сильно влияют на внутреннее устройство политической системы государства.

Данная концепция, которую Си Цзиньпин впервые озвучил в 2013 году, стала главным стержнем современной внешней политики Китая. Она предлагает альтернативный взгляд на международные отношения, противопоставляя себя моделям, которые строятся на жесткой конкуренции и господстве одной стороны

над другими. Идея сообщества единой судьбы неразрывно связана с именем Си Цзиньпина, который предложил более широкое понимание этого термина и придал всей концепции международное значение. Хотя, как говорят китайские историки, концепция Си Цзиньпина берет свое начало в китайской традиционной культуре тысячелетней давности и представляет собой продолжение мудрости всего китайского народа.

Как отметил Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Республике Казахстан Чжан Сяо, главная цель этой концепции заключается в создании справедливого, безопасного и благополучного мира, в котором будут обеспечены долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное развитие, открытость и взаимное сотрудничество. Для достижения этой цели необходимо совершенствовать систему глобального управления на основе широких консультаций, совместного участия и взаимной выгоды. Особое значение придается соблюдению общечеловеческих ценностей, развитию нового типа международных отношений, реализации инициатив в области глобального развития, глобальной безопасности и межцивилизационного сотрудничества, а также продвижению качественного взаимодействия в рамках инициативы ОПОП. По мнению дипломата, только совместные усилия всех государств позволят эффективно отвечать на современные вызовы и обеспечивать общее процветание. Концепция сообщества единой судьбы человечества отражает стремление народов разных стран к созданию более справедливого и благополучного мира и представляет собой китайское видение того, каким должен быть мировой порядок и каким образом его следует развивать [115].

Китай активно выступает за построение открытой и многополярной системы, в которой все государства, вне зависимости от их размеров, обладают равными правами при принятии глобальных решений. Идеи мирного развития, всеобщего сотрудничества и получения взаимной выгоды выступают фундаментом для совместного преодоления таких серьезных угроз, как изменения климата, эпидемии или кризисы в экономике. Эта концепция активно продвигает принципы справедливости, равноправия и обоюдного уважения как основу всей системы международных связей.

По мнению большинства политологов, внутри самого Китая теория сообщества единой судьбы человечества используется как эффективный способ укрепления законности власти Компартии и лично ее руководителя. Партия создает себе образ ответственного игрока на мировой арене, который искренне заботится о глобальном мире и процветании, что закономерно повышает доверие к ней со стороны простых граждан. Воплощение подобных масштабных замыслов невозможно без крепкого и централизованного управления. Такая ситуация только усиливает позиции Си Цзиньпина и Компартии, позволяя им оперативно принимать важные стратегические решения, не встречая при этом какого-либо значимого сопротивления внутри страны.

Подобные теории постепенно становятся неотъемлемой составляющей официальной идеологии партии. Их изучение и распространение являются обязательными для всех партийных работников и обычных жителей, что

способствует объединению общества вокруг одной цели. Достижения страны на международном уровне и признание китайских инициатив другими государствами помогают воспитывать чувство национальной гордости и патриотизма, а также повышают народную поддержку текущего политического курса.

При этом западные страны относятся к данной концепции с заметным недоверием. Многие из них воспринимают ее как идеологический инструмент, который призван оправдать авторитарную форму правления. Западные аналитики опасаются, что эта теория продвигает идею универсальности китайской модели развития, которая может быть навязана другим странам, что прямо противоречит западным ценностям демократии. Под предлогом общей судьбы Китай может обосновывать расширение своего влияния и при этом пытаться избежать критики со стороны Запада. Также существует вероятность того, что эта концепция станет фундаментом для построения альтернативных международных организаций под руководством Китая, что существенно снизит значение ООН, ВТО и иных западных институтов.

Для практической реализации данных идей Пекин уже запустил ряд глобальных проектов:

1. Инициатива «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) является самым крупным из всех. Это масштабная программа строительства инфраструктуры и вложения инвестиций, нацеленная на создание сети торговых путей, соединяющих Китай с государствами Евразии, Африки и Латинской Америки. Инициатива способствует не только экономическому росту, но и расширяет политическое влияние Китая, укрепляя его связи с партнёрами.

2. Глобальная инициатива в области развития (Global Development Initiative, GDI). Направлена на поддержку целей устойчивого развития ООН, включая борьбу с бедностью, продовольственную безопасность и здравоохранение. Эта инициатива демонстрирует готовность Китая взять на себя лидерство в вопросах глобального развития.

3. Глобальная инициатива в области безопасности (Global Security Initiative, GSI). Предлагает новый подход к международной безопасности, основанный на взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела и разрешении конфликтов мирным путём. Это позиционирует Китай как альтернативу западным военным блокам.

4. Глобальная инициатива в области цивилизации (Global Civilization Initiative, GCI). Подчёркивает разнообразие культур и цивилизаций, призывая к диалогу и обмену, а не к конфликтам и унификации [116].

Помимо внешнеполитических целей, эти инициативы также направлены на решение внутренних задач. Они способствуют развитию китайских технологий, инфраструктуры и предпринимательства, а также создают для национальных компаний новые возможности для выхода и расширения своей деятельности на мировых рынках.

На сегодняшний день, инициатива Китая ОПОП находится на стадии активной и многосторонней реализации. Инициатива перешла от стадии планирования к конкретным проектам и расширению своего охвата. За прошедшее десятилетие Китай заключил соглашения о сотрудничестве по это инициативе с более чем 150 странами и 30 международной организацией. Благодаря инициативе ОПОП Китай активно продвигает инвестиционные проекты, направленные на создание инфраструктуры связывающую Азию, Европу и Африку [117]. Одним из примеров инвестпроекта является строительство железной дороги Китай – Таиланд, которая должна стать частью более крупного проекта по соединению Китая с Юго-Восточной Азией. Проект финансируется Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (AIIB), который был создан в 2015 году по инициативе Китая. Основная цель банка – финансирование BRI в Азии для содействия экономическому развитию и улучшению взаимосвязанности в регионе. AIIB стремится поддерживать устойчивые и экологически чистые проекты, включая транспорт, энергетическую инфраструктуру, водоснабжение и другие ключевые области. Банк также способствует экономической интеграции и укреплению сотрудничества между азиатскими странами и другими регионами. В 2023 году общие инвестиции Китая посредством BRI составили около $44,6 миллиардов на инвестиции и $43,7 миллиардов на строительные контракты, частично финансируемые китайскими кредитами. Эти инвестиции направлены на развитие транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры, а также на создание новых торговых маршрутов.

В рамках инициативы ОПОП Китай поддерживает, а зачастую и полностью финансирует реализацию около 21 тысячи инфраструктурных проектов по всему миру. Griffith University в своем отчете за первое полугодие 2025 года указывает, что совокупный объем инвестиций и контрактов Китая в ходе инициативы ОПОП достиг 1,308 трлн долларов США, из которых 775 млрд долларов США пришлось на строительство и 533 млрд долларов США на инвестиции [118]. Другие направления инициативы – это развитие инфраструктуры для цифровой связи, включая 3G и 4G сети, центры обработки данных и подводные кабели. Усиливается сотрудничество Китая также в области охраны окружающей среды, продвижение «зелёных» технологий и проектов по борьбе с изменением климата, как и развитие сотрудничества в сфере здравоохранения, особенно после пандемии COVID-19, с акцентом на создание общей системы реагирования на кризисы в области здравоохранения.

Китай регулярно проводит форумы ОПОП, последний из которых состоялся в 2023 году. Эти мероприятия служат платформой для обсуждения и координации совместных проектов с участием глав государств и представителей международных организаций. При этом в 2024 и 2025 годах проходили отдельные тематические мероприятия, такие как медиафорумы, экспертные конференции и отраслевые встречи, однако они не являются главным Форумом высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках инициативы

ОПОП. Все эти мероприятия и инициативы демонстрируют стремление Китая играть ключевую роль в глобальном управлении и международных отношениях.

В целом, инициатива ОПОП остаётся одним из ключевых элементов внешней политики Китая, направленной на расширение его экономического и геополитического влияния в глобальном масштабе.

Для западных стран ОПОП одна из наиболее критикуемых инициатив Китая. Критики утверждают, что Китай предоставляет кредиты на невыгодных условиях развивающимся странам. Это может привести к их чрезмерной задолженности и потере контроля над стратегически важными объектами (например, портами или инфраструктурой) в пользу Китая. Чаще всего в этой связи вспоминают историю порта Хамбантота в Шри-Ланке. Для строительства этого объекта Шри Ланка получила крупный кредит от Китая. Однако после завершения строительства проект оказался убыточным, и страна не смогла своевременно выплачивать долг. В результате в 2017 году Шри-Ланка передала порт вместе с прилегающей территорией площадью 15 000 акров в аренду китайской государственной компании сроком на 99 лет. Критики утверждают, что Китай предоставил кредит на невыгодных условиях, чтобы получить контроль над стратегически важным портом в Индийском океане. Однако существуют и другие точки зрения. Некоторые эксперты отмечают, что решение о строительстве порта было принято правительством Шри–Ланки, несмотря на предупреждения о его нерентабельности. Кроме того, долг перед Китаем составлял лишь небольшую часть от общего внешнего долга Шри-Ланки. Хотя порт Хамбантота является самым известным, похожие опасения высказываются и в отношении других стран. Такие страны как Джибути, Замбия имеют огромный долг перед Китаем. Существуют опасения, что в случае дефолта, эти страны могут потерять контроль над ключевыми государственными активами.

По данным международных исследовательских организаций, Пекин ежегодно расходует около 80 миллиардов долларов на кредитование стран с низким и средним уровнем дохода. В то время как, Соединенные Штаты расходуют около 60 миллиардов долларов на аналогичное финансирование развивающихся стран, пытаясь догнать Китай. В 2021 году страны «большой семерки» выступили с инициативой «Построить лучший мир» (Build Back Better World), которая стала попыткой США и их союзников создать противовес проекту ОПОП. В том же году, Европейский Союз провел первый саммит в рамках собственной программы Global Gateway, которая также рассматривается как альтернатива китайскому проекту и, как надеются, поможет сохранить влияние Европы, особенно в странах Глобального Юга. В ходе переговоров были заключены сделки на сумму около 70 млрд евро с правительствами стран Европы, Азии и Африки. Поддержка ЕС, которая в перспективе может достичь 300 миллиардов евро, будет направлена на реализацию проектов, связанных с важнейшими видами минерального сырья, «зеленой» энергетикой и транспортными коридорами [119].

Помимо этого, в 2022 году странами G7 была озвучена «Партнёрство по глобальной инфраструктуре и инвестициям» (PGII). Ее цель – мобилизовать уже

600 миллиардов долларов к 2027 году на финансирование инфраструктурных проектов. PGII направлена на поддержку проектов, которые соответствуют высоким экологическим и трудовым стандартам, способствуют энергетическому переходу, укрепляют цифровые сети и цепочки поставок и сфокусированы на развитии чистой энергетики [120].

Выдвинутая Си Цзиньпином в 2021 году Глобальная инициатива в области развития (GDI) формально привязана к Целям устойчивого развития ООН, однако её функция в архитектуре китайской внешней политики шире декларируемой. Если инициатива ОПОП направлена на развитие физической инфраструктуры, включая порты, дороги и трубопроводы, то Глобальная инициатива развития сосредоточена на других направлениях. Она охватывает вопросы продовольственной безопасности, здравоохранения, цифровой экономики и борьбы с изменением климата. Таким образом, Китай начинает активно работать в тех сферах глобального управления, которые раньше в основном находились под влиянием западных институтов развития и организаций системы ООН. В рамках данного исследования важно отметить, что Глобальная инициатива развития не просто дополняет существующую международную систему, а постепенно создает собственные механизмы сотрудничества под руководством Китая. Именно это отражает концепцию параллельной глобализации. Основу Глобальной инициативы развития составляют шесть ключевых принципов, при этом главное внимание уделяется вопросам развития. Среди других целей инициативы выделяются повышение уровня жизни населения, применение современных технологий для решения задач развития, а также поддержка экологически устойчивого и долгосрочного развития.

При этом, для достижения ощутимых результатов необходимо сфокусироваться на конкретных проектах, сотрудничая с ООН и другими международными организациями.

Инициатива направлена на содействие сотрудничеству в восьми ключевых областях:

- Снижение уровня бедности.
- Продовольственная безопасность.
- Борьба с COVID–19 и улучшение здравоохранения.
- Финансирование развития.
- Изменение климата и зелёное развитие.
- Индустриализация.
- Цифровая экономика.
- Связанность и взаимосвязанность.

В отличие от инициативы ОПОП, инициатива развития имеет более широкую и мягкую направленность. Она концентрируется на социальной и экологической сферах, дополняя ОПОП и другие китайские инициативы. Это позволяет Китаю, опять-таки, позиционировать себя не только как инвестора в инфраструктуру, но и как глобального лидера в вопросах устойчивого развития [121].

Многие развивающиеся страны и агентства ООН положительно восприняли GDI, видя в ней потенциал для получения дополнительной помощи и финансирования для достижения ЦУР. Однако западные страны, особенно США, относятся к инициативе с осторожностью и скептицизмом. Они видят в GDI попытку Китая укрепить своё глобальное влияние и создать альтернативные западным институтам структуры управления. GDI рассматривается как часть стратегии Китая по продвижению собственного видения мирового порядка.

Концептуальный документ инициативы по глобальной безопасности (GSI) был официально обнародован Китаем 21 февраля 2023 года. Этот документ является расширенной версией инициативы, которую председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил 21 апреля 2022 года.

Китайская Инициатива по глобальной безопасности (GSI) предлагает альтернативный подход к международной безопасности, основанный на китайских принципах, в противовес западным моделям, основанным на военных альянсах.

По утверждению лидера КНР, GSI основанная на сотрудничестве и устойчивой безопасности, предлагает отказаться от односторонних подходов и военных блоков. Призывает к уважение суверенитета и территориальной целостности, неприменению силы и невмешательство во внутренние дела других стран. Уважению целей и принципов Устава ООН, соблюдению международного права. Мирному разрешение всех споров, используя двухсторонний диалог и переговоры для урегулирования конфликтов. Содействию безопасности во всех сферах, учитывая не только военные, но и экономические, социальные, и экологические аспекты. GSI нацелена на устранение первопричин международных конфликтов и улучшению глобального управления в сфере безопасности. Её задача в объединении усилия стран в достижении большей стабильности в непредсказуемом мире, а также в содействии устойчивому миру и развитию.

Концепция GSI включает шесть ключевых принципов и 20 приоритетных направлений для международного сотрудничества. В ней также определены платформы и механизмы, которые помогут сформировать единое мнение в мировом сообществе по вопросам безопасности и обеспечить глобальную и региональную стабильность [122]. Приглашает к участию в инициативе всех стран, независимо от их политической системы.

Отношение к GSI неоднозначно. Большинство развивающихся стран с интересом рассматривают инициативу, поскольку она обещает мирное урегулирование конфликтов и уважение суверенитета. Однако западные страны относятся к GSI с большим скептицизмом, считая её инструментом для продвижения китайских геополитических интересов и подрыва существующего мирового порядка. Западными критиками GSI рассматривается как попытка Китая сформировать новый мировой порядок. По их утверждению, Китай стремится создать многополярный мир, в котором его влияние будет равнозначно влиянию США. Инициатива направлена против таких структур, как НАТО, Quad и AUKUS, которые Пекин считает угрозой своей безопасности и

GSI при этом позиционирует Китай как миротворца, выступающего за мирное урегулирование конфликтов, в отличие от Запада. Инициатива используется для обоснования внешней политики Китая, включая невмешательство в дела других стран.

Тем не менее у инициативы GSI есть и множество сторонников. По мнению международного эксперта Гибсона Ниикадзино, Китай всегда играл ключевую роль в поддержании мировой стабильности и безопасности в периоды масштабных глобальных перемен. Эта инициатива делает выбор в пользу диалога, а не противостояния, предлагает подлинное партнерство вместо военных союзов и нацелена на взаимовыгодное сотрудничество, исключающее соперничество, где выигрывает только одна сторона. Программа предлагает свежий подход к устранению истинных причин мировых конфликтов и вызовов безопасности, с которыми сталкивается человечество. Во внешней политике Китай не ведет себя как милитаристская держава и не имеет агрессивных намерений в отличие от западных стран. Эксперт отметил, что если западные подходы к безопасности обычно опираются на силовое вмешательство для решения споров, то китайские предложения направлены на реальную защиту мира и глобальной стабильности. Аналитик выразил сожаление из-за тяжелых последствий агрессивной внешней политики Запада для таких государств, как Афганистан, Ирак, Сирия и Ливия, подчеркнув, что подобные действия лишь обогащают военно-промышленный сектор и делают планету более уязвимой. По его словам, GSI играет ключевую роль в ответе на самые острые вызовы современности, в то время как Запад продолжает упорно изображать Китай агрессором, а не миротворцем. Данные инициативы приносят большую пользу, поскольку мир, особенно регион Африки, может успешно опираться на мудрость Китая, поддержал коллегу экономист из Зимбабве П. Мусодза, возглавляющий ассоциацию студентов своей страны в КНР. Он добавил, что GSI активно содействует глобальному миру и устойчивому прогрессу, так как подлинная безопасность на планете возможна лишь тогда, когда экономики всех государств развиваются и улучшают жизнь обычных людей. Ссылка на эти экспертные оценки приводится в профильных аналитических материалах и публикациях международной исследовательской повестки, посвященных реализации китайских глобальных инициатив.

Китайская Глобальная инициатива в области цивилизации (GCI) была предложена председателем КНР Си Цзиньпином уже в марте 2023 года. Она является частью более широкого набора глобальных инициатив, которые включают в себя GDI (развитие) и GSI (безопасность). GCI направлена на формирование нового мирового порядка, основанного на идее мирного сосуществования и диалога между разными цивилизациями, в противовес концепции «столкновения цивилизаций».

Инициатива глобальной цивилизации основывается на четырех фундаментальных принципах.

Во-первых, это уважение к разнообразию всех существующих цивилизаций. Программа полностью отрицает мысль о том, что какая-то одна

культура может быть выше других, и активно призывает к равноправию и взаимному уважению между всеми народами.

Во-вторых, это продвижение общечеловеческих ценностей. Китай выступает за развитие таких понятий как мир и развитие, справедливость и равенство, а также демократия и свобода, однако особо подчеркивает, что все эти ценности должны трактоваться с обязательным учетом национальных и культурных особенностей каждого конкретного государства.

В-третьих, это важность сочетания культурного наследия и современных инноваций. Инициатива делает упор на необходимость бережного сохранения и развития традиционной культуры, а также ее адаптации к актуальным условиям сегодняшнего дня.

В-четвертых, это активное развитие межцивилизационных обменов. Программа призывает расширять культурные контакты, развивать туризм и налаживать тесное сотрудничество в области образования для укрепления дружбы и лучшего понимания между людьми разных стран.

Главная цель и назначение этой инициативы состоят в попытке Китая предложить собственную идеологическую альтернативу западным либеральным взглядам на мироустройство, которые, по убеждению Пекина, нередко становятся причиной возникновения международных конфликтов. Инициатива служит инструментом «мягкой силы», позволяя Китаю позиционировать себя как мудрого и ответственного лидера, способного строить мосты между культурами. GCI дополняет другие глобальные инициативы Китая. В то время как GDI сосредоточена на экономическом развитии, а GSI – на безопасности, GCI создаёт идеологическую основу для продвижения китайских ценностей.

GCI является также важным элементом современной внешней политики Китая, направленным на формирование более многополярного и инклюзивного мира, в котором китайская цивилизация играет центральную роль.

Как отметил в своем выступлении Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Се Сяоюн, GCI представляет собой последовательную и содержательную концепцию, направленную на развитие взаимодействия и обмена между цивилизациями. В ее основе находятся четыре взаимосвязанных принципа совместных действий. Первый принцип предусматривает уважение многообразия мировых цивилизаций как необходимое условие для их взаимного развития. Подчеркивается важность равноправия, взаимного обучения, открытого диалога и сотрудничества между народами. Такой подход должен способствовать преодолению культурных барьеров, уменьшению предубеждений, предотвращению конфликтов и созданию условий для мирного и гармоничного сосуществования различных цивилизаций. Второй принцип связан с продвижением общих ценностей человечества. Отмечается, что несмотря на различия между странами и культурами, существуют ценности, которые объединяют людей. К ним относятся мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода. При этом подчеркивается необходимость уважать особенности каждой цивилизации, не навязывать собственные ценности другим

государствам и избегать идеологического противостояния. Третий принцип заключается в сохранении исторического и культурного наследия при одновременном развитии инноваций. Предлагается раскрывать современную ценность истории и культуры всех стран, сочетать традиции с требованиями модернизации, использовать опыт разных цивилизаций и создавать новые формы культурного развития. Это должно способствовать сохранению культурного многообразия и дальнейшему развитию мировой цивилизации. Четвертый принцип предусматривает укрепление международного гуманитарного сотрудничества. Особое внимание уделяется развитию контактов между людьми, расширению культурного, образовательного и научного обмена, а также укреплению двустороннего и многостороннего взаимодействия. Предлагается развивать международные механизмы диалога между цивилизациями, которые будут способствовать взаимопониманию, укреплению доверия и сближению народов разных стран. По словам Се Сяоюна, все четыре принципа тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга. Вместе они образуют единую систему, которая раскрывает основные закономерности развития и взаимодействия цивилизаций и открывает новые возможности для международного сотрудничества, общего прогресса и мирного развития человечества [123].

Отношение западных стран к китайской глобальной инициативе в области цивилизации (GCI), как и ко всему предложенному Китаем, в основном скептическое и критическое. Западные государства воспринимают эту инициативу как попытку Китая ослабить современную мировую систему, которая опирается на западные ценности, и заменить её продвижением собственной модели управления и идеологии. По мнению западных стран, эта программа направлена против сложившегося порядка, основанного на установленных правилах. Аналитики на Западе полагают, что призывы к уважению многообразия цивилизаций на практике преследуют цель размыть такие общепринятые нормы, как защита прав человека, развитие демократии и верховенство закона. Это дало бы Китаю и другим авторитарным режимам удобный способ избегать критики за несоблюдение этих норм, ссылаясь на особые культурные традиции. Инициативу видят как прямое идеологическое противопоставление теории о столкновении цивилизаций, предложенной Сэмюэлем Хантингтоном. На Западе уверены, что Пекин пытается сформировать новый образ мира, в котором китайская цивилизация выступает эталоном для подражания, вытесняя западную. Критики указывают на явное противоречие между провозглашаемыми принципами и реальной политикой Китая, например, отмечая подавление прав и культуры уйгурского населения в Синьцзяне при одновременных призывах к уважению культурного разнообразия. Эта инициатива считается частью более широкой стратегии по расширению китайского влияния. Как и другие глобальные проекты Китая, она нацелена на привлечение стран Глобального Юга, которые стремятся к сотрудничеству без жестких политических требований, характерных для Запада. Кроме того, скептики подчеркивают отсутствие четких механизмов реализации программы,

превращающее её скорее в инструмент пропаганды, чем в реальную рабочую стратегию. Западные страны смотрят на это с недоверием, видя в ней не искренний призыв к диалогу, а стратегический рычаг для защиты собственных геополитических интересов и подрыва позиций Запада. Все эти проекты отражают эволюцию внешнеполитического курса Китая, основанную на опыте более чем десятилетнего активного участия в мировых делах после запуска инициативы «Один пояс один путь». Поскольку данные программы занимают центральное место в политике Пекина, другим государствам необходимо внимательно следить за их развитием и учитывать возможные последствия для собственной безопасности. Хотя Казахстан должен поддерживать сотрудничество с Китаем, ему следует избегать безусловной поддержки проектов, которые служат только пропагандистским и национальным целям Китая.

Выводы по второму разделу

Анализируя институциональные реформы и идеологию современного Китая, можно сделать вывод, что главной движущей силой всей китайской модернизации неизменно остается Коммунистическая партия. Её способность сохранять политическое лидерство, гибко адаптируя свои функции под новые вызовы от рыночных реформ до управления сложной экономикой, подарила стране редкое сочетание стратегической уверенности и адаптивности, которые сложно достичь в условиях частой смены власти. При этом перспективы китайской экономики остаются достаточно прочными, несмотря на вероятное замедление роста и внешнее давление, так как их фундаментом служат емкий внутренний рынок, развитая инфраструктура и последовательные вложения государства в исследования и инновации.

Построенная партией система доказала свою эффективность в преодолении кризисов при сохранении контроля и инициативы. Такой курс обеспечил возможность долгосрочного планирования, недоступного странам с демократической сменой руководства. Став крупнейшей экономической державой, Компартия адаптировала свою роль для решения задач высокого уровня, что было необходимо для осуществления сложных стратегий вроде «Сделано в Китае 2025» и реализации глобальных проектов.

Ожидается, что Китай сохранит позиции одного из лидеров мировой экономики, хотя темпы роста, вероятнее всего, будут постепенно снижаться из-за усиления конкуренции на развивающихся рынках. Торговые конфликты с США и другими странами могут негативно повлиять на экспорт, а нынешняя геополитическая напряженность способна спровоцировать неопределенность, что в конечном итоге может неблагоприятно отразиться на уровне инвестиционной активности.

Тем не менее, у Китая есть ряд преимуществ, один из которых огромный внутренний рынок, который будет продолжать расти по мере роста благосостояния населения. Поскольку Китай уже достаточно давно обладает развитой инфраструктурой, которая будет только продолжать улучшаться тем самым стимулируя экономический рост. Партийное руководство играет

активную роль в экономике, и оно будет продолжать инвестировать значительные средства в исследования и разработки, что позволит развивать новые технологии и повышать конкурентоспособность.

В целом, перспективы развития китайской экономики остаются благоприятными. Ожидается, что Китай продолжит играть важную роль в мировой экономике и будет одним из основных двигателей глобального роста в ближайшие годы.

Вторым сквозным мотивом данного раздела является тесная связь между внутренней и внешней политикой Китая. Реформы новой эпохи, направленные на усиление централизации управления и укрепление государственной власти, были тесно связаны с переходом Китая от ограниченного участия в международных делах к более активной роли в формировании мирового порядка. Эта взаимосвязь служит основой для перехода к третьему разделу, в котором изменения политической системы Китая рассматриваются с точки зрения их влияния на внешнюю политику страны и развитие региональных процессов.

Политические реформы в КНР на пути «строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху» представляют собой глубокий и системный процесс. Они направлены на укрепление руководящей роли КПК и персонифицированной власти Си Цзиньпина через централизацию, идеологическое обновление и использование антикоррупционных мер. Эти внутренние изменения тесно связаны с амбициозной внешней политикой, которая стремится утвердить Китай как глобального лидера. Конечной целью этих реформ является создание политической системы, которая сможет обеспечить как долгосрочную внутреннюю стабильность, так и внешнее влияние, необходимое для реализации «китайской мечты о великом возрождении нации».

Трансформация от политики пассивного участия в международных делах к активному формированию нового мирового порядка выражается в четырех взаимосвязанных между собой глобальных инициативах. Эти инициативы, объединённые концепцией «сообщества единой судьбы человечества», служат не только внешнеполитическим инструментам, но и оказывают глубокое влияние на внутреннюю политическую систему Китая.

Внутренне эти инициативы укрепляют легитимность и власть КПК, создавая новый идеологический нарратив, основанный на идее о том, что Китай является ответственным и мудрым мировым лидером. Внешне они предлагают альтернативу западному, «либеральному» мировому порядку. Вместо создания военных союзов и идеологического разделения мира на группы Китай предлагает идею многополярного устройства, которое базируется на взаимном сотрудничестве, уважении независимости каждой страны и принципе невмешательства в чужие внутренние дела.

Таким образом глобальные инициативы Китая и концепция сообщества единой судьбы человечества являются не просто набором внешнеполитических предложений, а представляют собой фундаментальный сдвиг в развитии КНР.

Эти идеи отражают стремление Пекина стать главным архитектором нового мирового порядка и одновременно выступают мощным инструментом для укрепления власти внутри государства. Комплексное изучение процесса трансформации политической системы Китая на современном этапе позволяет сделать следующие важные выводы:

– обоснован статус Компартии как центрального регулирующего органа, который обеспечил уникальное сочетание политической монополии и масштабных рыночных преобразований. Установлено, что именно сохранение жесткого авторитарного контроля дало Китаю возможность реализовать модель долгосрочного планирования, ставшую основой для превращения страны в мировую экономическую сверхдержаву и осуществления таких прорывных проектов как «Сделано в Китае 2025»

– раскрыта сущность изменений в политической системе в новую эпоху Си Цзиньпина, которая характеризуется глубокой централизацией управления и значительной персонификацией власти. Выявлено, что обновление идеологии в сочетании с масштабной борьбой против коррупции выступает не только способом очищения партийных рядов, но и ключевым механизмом обеспечения внутренней стабильности, необходимой для реализации амбициозной концепции «великого возрождения китайской нации».

– аргументирован переход Китая от стратегии простого участия в международных делах к активному проектированию глобального порядка через систему взаимосвязанных инициатив, которые объединены доктриной сообщества единой судьбы человечества. Обосновано, что эти инициативы выполняют двойную задачу. С одной стороны, они представляют китайскую модель управления в качестве полноценной альтернативы западному либеральному миропорядку. С другой стороны, они служат эффективным инструментом для укрепления легитимности Компартии внутри страны, формируя в глазах граждан образ Китая как дальновидного и ответственного глобального лидера.

– выявлена неразрывная связь между внутренней консолидацией власти и внешнеполитической экспансией КНР. Исследование подтверждает, что современные глобальные амбиции Пекина являются прямым продолжением внутренней политической трансформации. Формирование более жесткой и центрированной системы управления внутри страны позволяет Китаю выступать в качестве ключевого архитектора новой международной архитектуры, основанной на принципах многополярности и уважения суверенных моделей развития.

– доказано, что «китайская специфика» политического развития в XXI веке базируется на поиске баланса между технологической модернизацией и сохранением жесткого партийного контроля. Несмотря на внешние вызовы и замедление темпов экономического роста, созданная политическая система демонстрирует высокую адаптивность, используя инструменты глобализации для укрепления национального суверенитета и расширения зон геополитического влияния, в том числе и в регионе Центральной Азии.

3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ И КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

3.1. Внутриполитические факторы трансформации и их влияние на внешнеполитическую доктрину КНР

По мере усиления геополитического значения Китая и роста его влияния в мировой экономике и политике появились две противоположные точки зрения на его роль как мировой державы. Одни считают, что усиление Китая будет способствовать укреплению мира и общему развитию, другие полагают, что страна проводит политику, направленную прежде всего на защиту собственных интересов и расширение своего влияния как в регионе, так и во всем мире. Поэтому сегодня внешнеполитическая концепция Китайской Народной Республики находится под пристальным вниманием международного сообщества и является важным объектом изучения в сфере международных отношений. Она постепенно развивалась с момента образования КНР, менялась вместе с ростом экономической и политической мощи страны и постоянно дополнялась новыми идеями. Это позволяет сделать вывод, что внешнеполитическая концепция Китая становилась более глубокой и содержательной по мере развития государства. Сегодня внешняя политика КНР оказывает большое влияние не только на Азиатско-Тихоокеанский регион, но и на мировую политику в целом. Именно поэтому изучение ее исторического развития помогает лучше понять современный курс Китая и его возможное будущее.

Китай выделяет три главных геополитических направления своей внешней политики, это северо-западное, юго-западное и юго-восточное. Для каждого из них определены ключевые государства и основные направления сотрудничества и взаимодействия. Следует отметить, что китайская геополитическая школа имеет собственные исторические, культурные и философские основы. Она существенно отличается от западного понимания геополитики, которое часто связывается с территориальной экспансией и расширением влияния. Китайская геополитическая традиция с древних времен уделяет основное внимание защите собственных границ, приграничных территорий и национального экономического пространства. Земли, расположенные далеко за пределами китайских границ, обычно не рассматривались как зона жизненно важных интересов государства. Если западная геополитика в большей степени ориентирована на расширение влияния за пределы своих территорий, то китайская геополитика сосредоточена прежде всего на обеспечении безопасности собственных границ и предотвращении появления угроз государству. Интерес к изучению современных геополитических процессов Китая связан с тем, что они могут служить основой для восстановления статуса великой державы. Поэтому такие понятия, как государственные границы, территория, жизненное пространство и национальные интересы, занимают все более важное место в политическом мышлении руководства страны.

В 1970 годы Народно-освободительная армия Китая испытывала серьезные трудности из-за нехватки современной военной техники. По этой причине военная стратегия страны носила полностью оборонительный характер. Китай официально заявлял, что придерживается исключительно оборонительной политики. Она основывалась на сочетании стратегической обороны с готовностью к тактическим наступательным действиям, соблюдении принципов

обороны, самообороны и ответного удара, а также на позиции, согласно которой Китай не начнет военные действия первым, но обязательно даст решительный отпор в случае нападения. После смерти Мао Цзэдуна военная стратегия КНР изменилась, вместе с этим появились новые направления внешнеполитической концепции страны относительно будущего мирового порядка. Китай взял курс на повышение своего международного статуса, усиление влияния и укрепление лидерских позиций в военной сфере. Большое внимание стало уделяться защите не только прибрежных районов, но и интересов страны в открытом море. Кроме того, КНР начала активно развивать военное сотрудничество с другими государствами [124].

Таким образом, Китай пересмотрел свое место в мировой политике и определил четыре основные задачи внешней политики на ближайшую перспективу. Первая задача заключалась в защите государственного суверенитета и обеспечении экономической безопасности. Вторая предусматривала борьбу с гегемонизмом, силовой политикой и терроризмом, а также поддержку формирования более справедливого и рационального международного политического и экономического порядка. Третья была связана с необходимостью приспособиться к изменениям в международных отношениях после окончания холодной войны, включая изменение отношений между ведущими державами и активное развитие региональных и международных организаций сотрудничества. Четвертая задача состояла в адаптации Китая к процессам экономической глобализации и быстрому развитию современных высоких технологий [125].

В современных условиях влияние Китая на мировую политику значительно усилилось. Этому способствовало несколько важных факторов. Во-первых, с начала XXI века Китай занял ведущие позиции в таких международных объединениях, как ШОС, БРИКС и Группа двадцати, где играет одну из ключевых ролей в развитии сотрудничества. Во-вторых, за последние двадцать пять лет страна превратилась в одну из крупнейших экономик мира благодаря устойчивому ежегодному росту даже в условиях нестабильности мировой экономики и финансовой системы. В-третьих, Китай получил возможность более уверенно защищать свои интересы на международной арене, поскольку значительно усилил свои политические, экономические и военные возможности.

Китайские исследователи выделяют три главных геополитических направления внешней политики страны. Первым является северо-западное направление, которое включает Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Этот регион имеет большое историческое значение, так как именно через государства Центральной Азии в древности проходил Великий Шелковый путь, соединявший Китай с западными странами. Его общая протяженность превышала 12 тысяч километров. Сегодня Китай развивает здесь проект Экономический пояс Шелкового пути, целью которого является создание единого торгово-экономического пространства Евразии и крупного транспортного коридора. Этот проект является частью масштабной инициативы ОПОП, которая объединяет Экономический пояс Шелкового пути и Морской

Шелковый путь XXI века. По словам Си Цзиньпина, основными задачами проекта являются развитие региональной экономической интеграции, создание современной транспортной инфраструктуры, устранение торговых и инвестиционных препятствий, расширение использования национальных валют и укрепление гуманитарного сотрудничества. Как отметил Генеральный консул КНР в Алматы Чжан Вэй, документы о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП уже подписали 124 государства и двадцать девять международных организаций [126]. При этом до недавнего времени Китай был вынужден учитывать интересы России, которая как считается, сохраняет все еще влияние на бывшие советские республики. В самом Китае Россию рассматривают как региональную державу, обеспечивающую стратегическую глубину китайской геополитики.

Юго-западный вектор охватывает Индию, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал и Бангладеш. Большая часть китайской границы с государствами Южной Азии проходит вдоль Тибетского нагорья и Гималайских гор, образующих естественную природную преграду. Главным государством этого геополитического направления считается Индия.

Отношения между Китаем и Индией являются одними из самых сложных двусторонних отношений в Азии. Обе страны являются крупнейшими соседями и стремятся укрепить свои позиции как мировые державы, однако при этом им приходится развивать сотрудничество в условиях давно существующих разногласий. Несмотря на это, возможности для взаимодействия между Китаем и Индией остаются очень большими, что подтверждается развитием отношений в последние годы. Общая численность населения двух стран составляет около 40 % населения мира, а в 2015 году их совокупная доля в мировом валовом внутреннем продукте достигала 18,5 % [127].

По оценкам ведущих международных финансовых институтов в 2024 году совокупный ВВП Китая и Индии составляет около 22,4 триллиона долларов США, что составляет около 20% от мирового. Сейчас же совокупная доля Индии и Китая составляет около 28-29% мирового ВВП в номинальном выражении и 28-30% по паритету покупательной способности [128]. Торговый оборот между ними ежегодно растет с головокружительной скоростью. По данным аналитического центра Global Trade Research Initiative, в 2023 году объем товарооборота между Китаем и Индией достиг 118,4 миллиарда долларов США. Китай стал крупнейшим торговым партнером Индии. Одновременно продолжают увеличиваться китайские инвестиции в индийскую экономику. Китайские компании проявляют все больший интерес к вложению средств в различные отрасли Индии. Еще в 2015 году объем китайских инвестиций составлял около 4 миллиардов долларов США. При этом Индия, с одной стороны, поддерживает привлечение китайского капитала, поскольку он способствует развитию экономики. С другой стороны, она одновременно укрепляет свои позиции, в том числе военными средствами, в тех регионах, где стратегические интересы Индии и Китая пересекаются и между ними сохраняется соперничество.

В сентябре 2019 г. состоялся 6–й раунд китайско-индийского стратегического и экономического диалога и Форум экономического сотрудничества между Китаем и Индией, организованные Государственным комитетом по делам развития и реформ КНР и Национальным институтом трансформации Индии. Китайско-индийский стратегический экономический диалог был запущен в сентябре 2011 г., основными задачами диалога являются обсуждение рыночных тенденций, обмен опытом в области городского планирования и энергетики, а также решение вопросов, связанных с двусторонней торговлей и устранением торговых барьеров. Последние очные встречи, включая шестой диалог, который состоялся в Нью Дели в сентябре 2019 года, показали важность развития взаимных инвестиций в такие сферы, как фармацевтика, информационные технологии и туризм. Эта площадка работает при поддержке государственных органов, отвечающих за стратегическое планирование в обеих странах. В ее составе действуют пять рабочих групп, которые занимаются вопросами экономической политики, развития инфраструктуры, экологии, высоких технологий и энергетики. Кроме того, на уровне профильных министерств продолжает работать Совместная экономическая группа по торговле, науке и технологиям, созданная еще в 1988 году. Она координирует сотрудничество в области торговли, науки, технологий и взаимных инвестиций между Китаем и Индией [129]. Китайское руководство считает необходимым расширять практическое сотрудничество в сфере инфраструктуры, инвестиций, информационно коммуникационных технологий и других высокотехнологичных отраслей. Одновременно подчеркивается важность мирного урегулирования существующих разногласий через продолжение переговоров специальных представителей по вопросам государственной границы и укрепление сотрудничества в оборонной сфере. Также большое внимание уделяется развитию гуманитарных связей и расширению контактов между народами двух стран. Подобный, а во многих вопросах практически одинаковый подход, официально поддерживает и руководство Индии.

Юго-восточное направление внешнеэкономической политики Китая охватывает КНДР, Республику Корея, Японию, десять стран АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию и другие государства юго-западной части Тихого океана. Общая протяженность этого направления составляет около 6475 километров сухопутной границы и более 18000 километров морской границы Китая. Именно здесь расположены основные морские рубежи страны. При этом Соединенные Штаты и Япония являются для Пекина одновременно важными стратегическими партнерами и главными соперниками. Эти государства оказывают значительное влияние на ситуацию в данном регионе. По мнению китайского руководства, именно на этом направлении сегодня возникают основные угрозы национальной безопасности страны. Поэтому развитие морской стратегии стало одним из важнейших направлений государственной политики Китая.

Среди двусторонних отношений Китая особое место занимает китайско-американский С 2009 года взаимодействие двух стран осуществляется в рамках «китайско-американского стратегического и экономического диалога». С самого начала в отношениях Китая и США присутствовало соперничество, что вполне закономерно для двух крупнейших экономик мира, каждая из которых стремится занять лидирующие позиции на мировой арене. Китай опирается на свою многовековую историю и богатые культурные традиции. Соединенные Штаты, хотя и имеют более короткую историю, обладают мощной высокотехнологичной промышленностью, развитой наукой и сильным военным потенциалом. В то же время Китай быстро сокращает свое отставание в сфере высоких технологий, активно инвестируя большие средства в науку, образование и инновации. Несмотря на существующие серьезные разногласия по многим важным вопросам, обе страны продолжают поддерживать постоянный двусторонний диалог.

Существуют причины, которые способствуют объединению и успешному сотрудничеству двух стран и, наоборот, причины, которые оказывают негативное влияние на взаимоотношения и служат источником разногласий двух супердержав. Безусловно, объединяющим стимулом для двух стран, прежде всего, являются соображения экономической и финансовой выгоды.

Главной причиной, объединявшей Китай и США на протяжении многих лет, оставалась взаимная экономическая выгода. Крупнейшие американские транснациональные корпорации активно сотрудничали с Китаем и размещали на его территории свои производственные предприятия. Это позволяло им выпускать продукцию с более низкими затратами благодаря сравнительно дешевой рабочей силе, а затем получать высокую прибыль за счет разницы в стоимости производства и продажи товаров. Однако со временем низкая стоимость рабочей силы перестала быть главным преимуществом Китая. Примерно с 2010 года основным фактором, привлекающим американские компании, стал огромный внутренний рынок Китая с его большим количеством потенциальных потребителей. Однако, торговые споры с США и заградительные пошлины на китайские товары, ввозимые в Америку, сделали производство на территории КНР невыгодным. В ответ на введение Америкой пошлин на китайские товары, КНР выдвинули свои. Работать в условиях торговой войны стало очень сложно, поэтому многие технологические компании решили вывести из Китая свои заводы. Самыми популярными странами для переноса своих производств большинство технологических компаний считают Индию, Вьетнам, Таиланд, Малайзию, Индонезию и Филиппины. Тем не менее, несмотря на торговое противостояние торговля между двумя самыми большими экономиками мира продолжает увеличиваться. Динамика торгово-экономических отношений между двумя странами наглядно демонстрирует масштаб произошедших сдвигов. Если в 2001 году совокупный товарооборот между США и Китаем составлял порядка 121,5 млрд долл., то к 2024 году этот показатель вырос до 688,28 млрд долл. – при объёме китайского экспорта в 524,66 млрд и импорта в 163,62 млрд долларов. Тем не менее столь

внушительный рост не устранил структурного дисбаланса в двусторонней торговле, который по-прежнему остаётся одним из главных источников напряжённости в отношениях между Вашингтоном и Пекином [130].

Среди факторов, которые осложняют отношения между США и Китаем, главной остается тайваньская проблема. США оказывают Тайваню финансовую и военную помощь, что вызывает резкое недовольство Пекина. Китай также отрицательно относится к тесному военно-экономическому сотрудничеству США с Японией и Южной Кореей, а также к активным связям Вашингтона со странами АСЕАН, включая поддержку их позиции в территориальных спорах вокруг островов Южно-Китайского моря [131].

Между Китаем и США сохраняются разногласия и по другим вопросам мировой политики. Они связаны с разным взглядом двух стран на международную безопасность и способы расширения своего влияния. Еще одной важной причиной споров являются вопросы прав человека и демократии. В своих ежегодных докладах США уделяют особое внимание ситуации в Тибете и Синьцзян Уйгурском автономном районе. Кроме того, Пекин считает, что давление на его политику оказывается через международные неправительственные организации, которые поддерживают США, а также через помощь оппозиционным силам внутри Китая. Некоторые эксперты также полагают, что США были причастны к организации протестных выступлений в Гонконге, которые начались в 2014 году [132].

Не менее острыми являются вопросы кибербезопасности. Китай обладает наибольшим числом интернет-пользователей в мире и вторым в мире уровнем распространения вредоносных компьютерных программ [133].

Нельзя исключать и такой важный фактор развития отношений между Китаем и США, как военное соперничество. Китай с 2016 по 2020 гг. проводил очередной этап реформы вооруженных сил. По официальным данным, в 2021 году военные расходы КНР составили $293 млрд. долларов США, по оценкам SIPRI – увеличение на 4,7 процента по сравнению с 2020 годом. [134].

В 2016 году Китай завершил масштабную реформу системы военного управления. Одновременно продолжилось изменение структуры вооруженных сил. Основное внимание было уделено сокращению численности сухопутных войск, усилению военно морских сил и созданию мощных возможностей для проведения военных операций за пределами страны. В соответствии с морской стратегией Китай активно развивает океанский флот, включая строительство специальных кораблей для проведения крупных десантных операций на большом расстоянии от своей территории. В 2015 году китайский флот получил первую морскую десантную платформу, подобные корабли имеются также у США. Для реализации стратегии обороны в ближних морях, направленной на сдерживание военно морских сил США в западной части Тихого океана, а также для защиты своих зарубежных интересов Китай развивает современные виды вооружений, включая противокорабельные баллистические ракеты. Кроме того, страна наращивает возможности проведения кибератак на транспортную инфраструктуру, чтобы при необходимости затруднить переброску

американских войск в регион. Большое внимание также уделяется развитию ядерных сил. По некоторым оценкам, Китай обладает ядерным арсеналом, который сопоставим или немного уступает арсеналу Франции, однако точные данные о количестве и возможностях китайского ядерного оружия остаются неизвестными.

Масштабные технологические проекты Китая показывают, что между Китаем и США усиливается технологическое соперничество. В ответ на стратегию США, принятую при президенте Бараке Обаме и направленную на сдерживание Китая, китайское руководство еще в 2017 году утвердило план развития искусственного интеллекта нового поколения. Согласно этому плану, к 2030 году Китай должен стать мировым лидером в этой сфере. Страна делает ставку на развитие крупных государственных технологических компаний и сосредоточивает огромные ресурсы на наиболее важных направлениях, которые находятся под контролем высшего руководства. Одновременно Китай последовательно укрепляет свои вооруженные силы, чтобы занять ведущие позиции в Восточной Азии и ограничить военные возможности США в этом регионе. Также поставлена цель к 2050 году достичь военного паритета с Соединенными Штатами на мировом уровне. По мнению ряда экспертов, Китай может усилить свое влияние в важных для него регионах, особенно в Восточной Азии, и постепенно вытеснить США без прямого военного конфликта, используя сочетание растущей военной силы и экономического влияния.

Для США одной из главных трудностей остается то, что их военные силы и ресурсы распределены по разным регионам мира, тогда как Китай сосредоточивает свои основные возможности в одном стратегически важном регионе. Таким образом, современные отношения Китая и США отличаются высокой активностью и одновременно сочетают элементы сотрудничества и соперничества. Китай придает отношениям с Вашингтоном большое значение, поэтому это направление считается одним из главных во внешней политике Пекина. Несмотря на взаимную критику, в том числе со стороны 47 президента США Дональда Трампа, страны продолжают поддерживать определенный уровень сотрудничества. Это связано с наличием общих интересов, необходимостью совместно решать мировые проблемы и пониманием того, что открытое противостояние невыгодно ни Китаю, ни США. В то же время между ними сохраняются серьезные разногласия по вопросам мировой политики, внутреннего устройства государств, вмешательства во внутренние дела и современных угроз безопасности, однако это не исключает развития взаимовыгодного сотрудничества.

Однако, в последние годы, особенно после XX съезда КПК (2022) и в преддверии ключевых решений 2025–2026 годов, наблюдается качественная трансформация китайской доктрины. Если ранее приоритетом было встраивание в глобализацию, то сегодня акцент сместился на безопасность и суверенитет. Одним из наиболее значимых внутриполитических факторов стала консолидация власти вокруг фигуры Си Цзиньпина. Отказ от принципа коллективного руководства и системы ротации кадров привел к тому, что

внешняя политика стала более персонифицированной и идеологизированной. Внешнеполитический курс теперь напрямую привязан к концепции «Китайской Мечты» о великом возрождении китайской нации, достижением статуса великой державы к 2049 году (100-летию КНР), с сильной экономикой, вооруженными силами и международным влиянием. Параллельно с этим, происходит отход от политики прагматизма Дэн Сяопина. Во внешнеполитическую доктрину были внедрены такие понятия, как «Сообщество единой судьбы человечества», что фактически является предложением альтернативной модели глобального управления. Для воплощения концепции в жизнь Китай запустил несколько масштабных глобальных инициатив, направленных на формирование более справедливой системы глобального управления, усиление влияния КНР как мирового лидера и содействие устойчивому экономическому росту, что соответствует концепции «Китайской мечты».

КНР стремится реформировать международный порядок, продвигая многосторонность, безопасность и взаимовыгодное сотрудничество. Начиная с 2021 года, Китай последовательно выдвинул ряд крупных глобальных инициатив: Инициативу по глобальному развитию в 2021 году, Инициативу по глобальной безопасности в 2022 году и Инициативу глобальной цивилизации в 2023 году. В продолжении этому, на заседании в формате «ШОС плюс» 1 сентября 2025 года, председатель КНР Си Цзиньпин официально выдвинул Инициативу по глобальному управлению (GGI). Инициатива дополняет выдвинутые ранее другие китайские глобальные инициативы. На страницах китайских средств массовой информации говорится, что, данная инициатива в полной мере отражает твердую решимость Китая быть строителем мира во всем мире, активным участником глобального развития, защитником международного порядка и поставщиком общественных благ. В докладе, представленным аналитическим центром китайского информационного агентства Синьхуа во Дворце Наций в Женеве излагается видение Китая более справедливой и равноправной модели глобального управления. Согласно докладу, мир вступил в новый период турбулентности и трансформации. Усиливаются унилатерализм, протекционизм и гегемонизм, сохраняется и нарастает необходимость в мире, развитии, безопасности и управлении. Проблемы, связанные с авторитетом, представительностью и эффективностью системы глобального управления, становятся все более очевидными. На этом фоне ее реформирование и совершенствование стали одним из главных общих запросов международного сообщества. В документе подчеркивается, что Китай, как постоянный член Совета Безопасности ООН и крупнейшая развивающаяся страна мира, по-прежнему привержен делу укрепления мира, содействия глобальному развитию, защиты международного порядка и предоставления общественных благ [135].

Инициатива по глобальному управлению (GGI) выдвигает пять ключевых концепций: обеспечение суверенного равенства, соблюдение международного права, претворение в жизнь многосторонности, внедрение человекоцентричного подхода и поддержание ориентации на действие.

Министр иностранных дел КНР Ван И, выступая на 61 сессии Совета ООН по правам человека, подробно представил основные положения китайской инициативы. По его словам, прежде всего необходимо соблюдать принцип равенства всех государств и сохранять главную цель глобального управления в области прав человека. Ни одна страна не должна считать себя наставником для других, а ни одна модель не может рассматриваться как единственно правильная. Каждое государство должно развивать систему защиты прав человека с учетом своих условий и потребностей своего народа. Также важно, чтобы все страны на равных участвовали в принятии решений, а мнение государств Глобального Юга учитывалось в большей степени для создания более справедливой и открытой системы международного сотрудничества в этой сфере.

Во-вторых, Ван И подчеркнул необходимость соблюдать нормы международного права. По его мнению, права человека не должны использоваться как средство политического давления или оправдание политики доминирования. Основой международного сотрудничества должны оставаться цели и принципы Устава ООН, равное применение международного права и уважение принципа невмешательства во внутренние дела других государств. Он также призвал отказаться от двойных стандартов при обсуждении вопросов прав человека.

В-третьих, министр отметил важность многостороннего сотрудничества. Он заявил, что защита прав человека является общей задачей всего мирового сообщества. Страны должны развивать диалог, совместно бороться с проявлениями колониализма и расовой дискриминации, а также искать решения новых проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта, изменением климата и их влиянием на права человека. Кроме того, необходимо укреплять роль государств членов ООН и поддерживать объективную работу международных организаций.

В-четвертых, главным принципом должно оставаться благополучие человека. Как подчеркивает Ван И, право на достойную жизнь должно быть тесно связано с развитием государства. Поэтому необходимо уделять внимание социальной поддержке населения, заботе о пожилых людях и детях, помощи малообеспеченным гражданам, а также обеспечению доступного здравоохранения. По его словам, международное сообщество должно уделять особое внимание вопросам развития и использовать их для повышения уровня жизни людей.

В-пятых, продвижение прав человека должно выражаться не только в заявлениях, но и в конкретных действиях. Министр напомнил, что Китай успешно провел Глобальный саммит женщин и объявил новые меры поддержки развития международной повестки в этой сфере. При участии Китая Совет ООН по правам человека принял ряд резолюций, направленных на развитие экономических, социальных и культурных прав. Кроме того, Китай делится своим опытом в области защиты прав человека, организует программы подготовки специалистов для развивающихся стран и готов вместе с

международным сообществом продолжать работу по совершенствованию глобальной системы защиты прав человека. [136].

Инициатива уже получила поддержку более чем 100 стран и международных организаций, рассматривающих её как конструктивный путь к преодолению дефицита безопасности и развития в нестабильном мире, утверждает правительство КНР.

Для стран Центральной Азии привлекательность Инициативы по глобальному управлению (GGI) заключается в том, что она предлагает прагматичную альтернативу западным моделям развития, не требуя при этом политической трансформации. Китай ставит решение экономических проблем (бедность, безработица, инфраструктура) выше политических реформ. Для правительств ЦА это означает предсказуемое партнерство без «нравоучений» и вмешательства во внутренние дела. В рамках GGI предполагается, что Китай будет активно делится «софтом» - методами цифрового госуправления, стандартами кибербезопасности и технологиями ИИ. Для ЦА это кратчайший путь к цифровой модернизации на льготных условиях. Инициатива также предлагает коллективные механизмы борьбы с «тремя силами зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), что критически важно для стабильности границ и безопасности региона. GGI дает региону инструменты для роста и защиты, признавая при этом право каждой страны на свой собственный политический путь. GGI можно рассматривать как институциональное дополнение к экономическим проектам Китая в Центральной Азии (ЦА). Если инициатива «Пояс и путь» (BRI) фокусируется на инфраструктуре, то GGI направлена на создание совместных механизмов управления и правовых рамок. Реализуя Инициативу по глобальному управлению, Китай стремится сделать формат «Китай - Центральная Азия» основным и бессрочным инструментом влияния в регионе. Инициатива также может используется Пекином для минимизации внешнего влияния западных стран в регионе. В июне 2025 года был подписан многосторонний «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между Китаем и всеми пятью странами ЦА [137].

Это превращает экономические связи в юридически закрепленную систему регионального порядка

Тем более, что свои глобальные инициативы Китай сопровождает созданием новых финансовых и международных институтов, используя такие структуры, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути и многие другие площадки взаимодействия для реализации своих целей.

Все эти организации дают Китаю возможности для расширения своего влияния в системе управления миром. Совершенно естественно, что усиление китайского присутствия в Центральной Азии не может вызывать радости ни у западных государств, ни у России. Поэтому отношение этих стран к данной инициативе является неоднозначным и варьируется от сдержанного скепсиса до понимания того, что вести диалог с Пекином все же необходимо.

В целом на Западе эту стратегию расценивают как попытку Китая переписать сложившиеся международные правила и укрепить свое воздействие на развивающиеся страны. Западные эксперты и официальные лица усматривают в данных действиях инструмент по созданию альтернативной системы мирового управления, которая способна подорвать доминирование либеральных ценностей и роль западных институтов. Наибольшее беспокойство на Западе вызывает то, что с помощью таких инициатив Китай стремится закрепить свое главенство в цепочках поставок важнейших ресурсов, к примеру редкоземельных металлов, и прибегает к тактике экономического давления. Несмотря на критику, некоторые западные лидеры признают необходимость взаимодействия с Китаем для решения глобальных проблем в таких вопросах как сотрудничество в области «зеленого перехода», управления водными ресурсами и биоразнообразия, что пересекается с экологическими целями GGI. Тем не менее, западные страны воспринимает GGI не как помощь существующей системе, а как конкурирующий проект реформ. Главный вопрос для западных столиц сейчас это, как конкурировать с данной моделью, не доводя дело до полной фрагментации мирового порядка. Так или иначе, участие большого числа стран в проектах свидетельствует о значительной привлекательности китайских глобальных инициатив. Однако, несмотря на значительные преимущества, китайские инициативы сталкиваются с жесткой критикой Запада, а местами и открытым противодействием. Это противодействие в виде санкций, запретов и торговых пошлин, возглавляемое США, направлено на сдерживание технологического и экономического влияния Китая в Евразии.

Когда экономика Китая столкнулась со структурным замедлением и внешним давлением, Пекином в ответ на это была принята стратегия упора на внутреннее потребление и самообеспеченность технологиями. В своей внешнеторговой политике КНР переходит от роли «мировой фабрики» к роли «мирового регулятора и главного покупателя», активно внедряя международные стандарты (бухгалтерия, защита данных, экологические нормы) внутри страны, чтобы иностранному бизнесу было проще заходить, но при этом активно продвигает свои стандарты (в ИИ, 6G и зеленой энергии) на внешние рынки. Осознавая, что его главным преимуществом сегодня является не дешевая рабочая сила, а огромный внутренний рынок, Пекин снижает пошлины и организует гигантские выставки, превращая импорт в инструмент геополитического влияния. Это делает другие страны экономически зависимыми от спроса внутри Китая.

Начиная с 2026 года, Пекин стал активно использовать цифровой юань (e-CNY) в трансграничных расчетах с партнерами по БРИКС+ и ШОС, предлагая торговать «напрямую», минимизируя влияние западных санкций и волатильность доллара. С этого года, Народный банк Китая (НБК) также вводит начисление процентов на средства в e-CNY для стимулирования использования. Как считает руководство КНР, внедрение e-CNY не только упрощает финансовые операции, но и создает новые возможности для международной

торговли, снижая зависимость от традиционной долларовой инфраструктуры, SWIFT, и ускоряя трансграничные платежи [138].

Неожиданным также стало, что Китай начал практиковать одностороннюю открытость в торговле, введением нулевых тарифов для всех африканских стран, имеющих дипломатические отношения с Пекином, без требования симметричных уступок. Таким образом, Китай формирует вокруг себя лояльный блок стран-поставщиков ресурсов и рынков сбыта, вытесняя влияние США и ЕС за счет «мягкой» экономической силы. Западным странам приходится осознавать, что Китай больше не согласен быть просто звеном в их цепочке поставок. Он хочет быть центром, который диктует условия доступа к своему рынку.

В свою очередь, для развивающихся стран (Казахстан, страны ЦА, Африки, Юго-Восточная Азия) это хороший шанс получить инвестиции и технологии в обмен на лояльность и переход на китайские технологические платформы. Для Казахстана и стран Центральной Азии изменение курса Китая в 15-й пятилетке (2026–2030) может означать, что Китай готов вкладывать миллиарды в новые отрасли, хотя, с другой стороны, Пекин становится «требовательным» партнером, который навязывает свои стандарты. Географическое и геоэкономическое положение Казахстана делает его незаменимым звеном китайской инициативы «Один пояс, один путь» в системе трансграничной торговли КНР. Из-за растущей нестабильности глобальных морских логистических цепочек Китай критически нуждается в альтернативных путях доставки грузов. В этой связи Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ, Средний коридор) и проект железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан выступают ключевыми звеньями транзитного сообщения. Они формируют надежный маршрут, соединяющий Китай и страны Европы транзитом через Центральную Азию (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), Каспийское море, Азербайджан и Грузию. Для Казахстана это может означать огромные инвестиции в сухие порты, терминалы и склады. В результате текущих преобразований Казахстан получает реальную перспективу модернизировать свою роль на мировой арене, перейдя от транзитно-сырьевой модели к функциям глобального распределительного узла в настоящее время, посредством наращивания пропускной способности ТМТМ реализуются проекты по модернизации портовой инфраструктуры, в ближайшее время ожидается, что отечественный торговый флот пополнится 4 паромами. По словам вице-министра транспорта РК Жанибек Тайжанова, на 2026 год планируется довести объем контейнеропотока до 90 тыс. ДФЭ. Для укрепления своего транзитного потенциала стороны также договорились увеличить количество контейнерных поездов, активно внедрять цифровые технологии в процессы взаимодействия и заранее обмениваться информацией, необходимой для планирования и управления грузовыми перевозками [139].

Крупные работы также будут проведены в рамках других инфраструктурных проектов. Планируется согласовать строительство вторых железнодорожных путей на участке Алашанькоу-Достык, расширить мощности терминалов и

модернизировать участки Алтынколь-Хоргос и Хоргос-Цзинхэ. Кроме того, особое внимание будет уделено реализации проекта третьего трансграничного железнодорожного перехода Бахты-Тачэн, включая определение предполагаемых объемов перевозок и видов грузов [140].

Большие возможности также открываются для горнорудного сектора Казахстана и Узбекистана. Для китайской программы перехода на новый курс технологического самообеспечения в 15-й пятилетке и увеличения производства электромобилей, батарей нужны литий, медь, редкоземельные металлы и графит. Китаю будет выгодно не просто забирать руду, а строить заводы по ее первичной переработке на месте, чтобы снизить свои издержки. В перспективе это даст региону рабочие места и технологии.

Вполне ожидаемо, что Китай захочет накормить своё немаленькое население качественными продуктами. В связи с этим, агропромышленный комплекс в Казахстане также может привлечь инвестиции в производство мясной продукции, зерновых и масличных культур. Все это вписывается в программу продовольственной безопасности КНР. В настоящее время Китай активно инвестирует в «умные фермы» и системы орошения в ЦА, чтобы гарантировать стабильность поставок. Если раньше акцент делался на простой закупке сырья, то сейчас финансирование направлено на создание перерабатывающих кластеров и технологическую модернизацию. Китайские компании инвестируют в заводы, которые превращают пшеницу и кукурузу в продукты с высокой добавленной стоимостью (крахмал, глютен, лизин). Китайская компания «Xinjiang Lihua (Group) Co., Ltd.» в настоящее время находится на стадии реализации инвестиционного проекта по созданию хлопково-текстильного кластера в Туркестанской области. Проект предусматривает формирование полного производственного цикла, включающего до 10 производственных объектов, охватывающих выращивание и первичную переработку хлопка, выпуск пряжи и текстильной продукции, производство систем капельного орошения и сопутствующих материалов [141]. В марте 2026 года достигнуты договоренности о создании специализированного логистического узла для консолидации казахстанского зерна и его отправки в западные провинции Китая (через хабы в Чэнду). В Северо-Казахстанской области планируется реализация ряда проектов в агропромышленном комплексе с участием китайских инвесторов.

Согласно информации, к 2027 году в регионе может быть введен в эксплуатацию комбикормовый завод стоимостью 1,5 млрд тенге. В настоящее время ведется подготовка проектной документации. Предполагается, что мощность предприятия составит 100 тыс. тонн продукции в год. Кроме того, к 2032 году ожидается запуск крупного комплекса, включающего объекты для хранения зерна, производства кормов и переработки масличных культур. Инвестиции в данный проект оцениваются в 6,5 млрд тенге. Планируется выпуск до 150 тыс. тонн кормов, а также 50 тыс. тонн растительных масел, включая подсолнечное, льняное и сафлоровое. Отмечается, что участок под строительство промышленного объекта уже определен. В целом объем вложений в два проекта

составит около 8 млрд тенге [142]. Таким образом, как было ранее отмечено Китай переходит к модели «инвестиции в обмен на продовольственную безопасность». Пекину нужны гарантированные поставки продуктов, поэтому он готов финансировать не только закупку, но и всю цепочку - от семян и удобрений до заводов по переработке и лабораторий на границе.

Однако, помимо преимуществ, которые Казахстан получает в ходе реализации китайских глобальных инициатив, существуют и риски, с которым может столкнутся казахстанская экономика. Прежде всего это коснется казахстанской легкой промышленности и простого производства. В 2026 году Китай сталкивается с перепроизводством внутри страны. Чтобы «сбросить» излишки, он будет заваливать рынки ЦА дешевыми и качественными товарами. В первую очередь пострадают местные производители одежды, мебели и простой бытовой химии. Им будет крайне сложно конкурировать с китайской эффективностью. Кроме того, в связи с ускоренным переходом Китая на ядерную энергию и водород, зависимость Китая от импорта углеводородов из ЦА начнет постепенно снижаться к концу десятилетия. Это потребует от Казахстана и Туркменистана срочной диверсификации экономики в долгосрочном периоде. Тем не менее, главным выигрышем Казахстана и ЦА в 2026 году является возможность стать «вторым производственным цехом» для Китая. Однако платой за это станет глубокая интеграция в китайскую цифровую и технологическую экосистему. Выиграют те страны, которые смогут договориться о локализации производства (не просто «транзит», а «сборка»), а не просто останутся рынком сбыта.

3.2. Динамика внешнеполитического курса КНР в условиях глобализации: стратегические приоритеты, региональные интересы и институциональные инициативы

Роль Китая в мировой политике, экономике, финансах, торговле, науке и информационных технологиях постоянно усиливается и становится все более заметной. Этому, конечно, способствует то, что Китай входит в число крупнейших экономик мира, его огромное население, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также наличие мощного военного и ядерного потенциала. Все же главными причинами превращения Китая в одну из ведущих мировых держав стали успешные внутренние реформы и очень высокие темпы экономического роста, которые страна сохраняла на протяжении последних тридцати лет. По мере повышения уровня жизни населения менялись государственная стратегия и основные направления внешней политики Китая.

Современная официальная внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики основывается на пяти принципах мирного сосуществования, теории мира и развития Дэн Сяопина, концепции гармоничного мира Ху Цзиньтао и идее китайской мечты Си Цзиньпина. Такой подход показывает, что политическая система Китая развивается постепенно и последовательно. Политическая стабильность в стране традиционно поддерживается благодаря поэтапным изменениям во всех сферах политической

жизни при сохранении основных действующих государственных и политических механизмов.

Пять принципов мирного сосуществования впервые были предложены в 1953 году премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем. К ним относятся взаимное уважение государственного суверенитета и территориальной целостности, взаимный отказ от нападения, невмешательство во внутренние дела друг друга, равноправие и взаимная выгода, а также мирное сосуществование. Эти принципы были включены в Конституцию Китайской Народной Республики 1982 года и считаются основой, на которой Китай строит и развивает дружественные отношения с другими государствами. Вместе с тем с момента образования КНР в 1949 году внешняя политика страны неоднократно менялась. Главными причинами этого были внутренние политические преобразования, изменения в идеологическом курсе, а также экономические и политические особенности периода руководства Мао Цзэдуном.

С завершением маоистского периода китайское руководство во главе с Дэн Сяопином приступило к пересмотру не только внутренней, но и внешнеполитической стратегии; её концептуальной основой стала теория «мира и развития», неразрывно связанная с программой внутренних реформ. Запущенные преобразования имели прямое внешнеполитическое измерение: программа ускоренной модернизации народного хозяйства была неосуществима без притока иностранного капитала, технологий и доступа к мировым рынкам. Именно потребности внутреннего развития продиктовали отказ от прежней конфронтационной линии и переход к доктрине «мира и развития», в рамках которой благоприятная международная обстановка рассматривалась как необходимое условие экономического роста. Внешняя политика оказалась подчинена внутренней повестке: Китай сознательно понижал уровень своих международных амбиций, чтобы сосредоточить ресурсы на хозяйственном подъёме. Эта взаимосвязь внутренних реформ и внешнеполитической сдержанности и определила характер китайской дипломатии вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина [143]. Дэн Сяопин выступал за политику открытости Китая и его активное участие в мировой политике и экономике. Эта идея получила название «социализм с китайской спецификой». Она предполагала, что при сохранении социалистической политической системы экономика страны может постепенно развиваться по рыночным принципам. В связи с этим прежний тезис Мао Цзэдуна о том, что бедный социализм лучше богатого капитализма, был скорректирован. С середины 1980 годов под руководством Дэн Сяопина начала формироваться концепция многополярного мира, согласно которой Китай должен стать одним из ведущих центров силы не только в Азии, но и во всем мире. Для достижения этой цели требовалось провести глубокую модернизацию экономики, изменить внешнеполитический курс и значительно расширить международные интересы страны. Реализация таких преобразований требовала больших финансовых ресурсов, поэтому из-за нехватки собственных средств было принято решение открыть Китай для иностранных инвестиций. Новая внешнеполитическая стратегия предусматривала не только

экономическую, но также политическую, культурную и социальную открытость страны всему миру.

Политика открытости Китая, начатая Дэн Сяопином, получила дальнейшее развитие в теории «гармоничного мира», которую впервые представил председатель КНР Ху Цзиньтао в сентябре 2005 года на заседании, посвященном 60-летию Организации Объединенных Наций. Более подробно основные идеи этой концепции он изложил в 2006 году во время выступления в Йельском университете. Теория «гармоничного мира» направлена на создание гармоничной Азии и гармоничного мирового порядка, укрепление мира, развитие международного сотрудничества и расширение связей Китая с другими государствами. В ее основе лежат традиционные китайские ценности, поскольку идея общественной гармонии всегда занимала важное место в культуре и мировоззрении китайского народа. Поэтому Китай стремится строить гармоничное общество внутри страны и поддерживать добрососедские отношения с другими государствами, выступая за мирное и взаимовыгодное сотрудничество между всеми странами мира [144].

Выступая в 2007 году на XVII съезде КПК, главными требованиями дальнейшего развития страны Ху Цзиньтао назвал решение социальных и экологических проблем, «гармонизацию» общественных отношений, приверженность рыночным реформам, укрепление правовой системы в рамках однопартийной «народной демократии», усиление международного влияния Китая и продвижение во внешней политике лозунга создания «гармоничного мира». В контексте создания «гармоничного общества» и «гармоничного мира» особое место отводилось научной концепции развития. Он подчеркнул, что важнейшим содержанием научной концепции развития является само развитие. В центре этой концепции сам человек, как основа основ [145].

По мнению Китая, построить гармоничный мир невозможно без реализации научной концепции развития. В современных условиях глобализации именно гармоничный мир считается необходимым условием для дальнейшего существования и развития человечества. Эта концепция предполагает устойчивое развитие, рациональное использование природных и энергетических ресурсов, сокращение различий между богатыми и бедными странами, а также совместную борьбу с главными проблемами человечества, такими как бедность, болезни, войны, насилие и терроризм [146]. По мнению Ху Цзиньтао, главная идея теории «гармоничного мира» заключается в том, что все участники международных отношений должны сотрудничать ради обеспечения общей безопасности, сохранения долгосрочного и стабильного мира, а также достижения всеобщего благополучия. Следуя этой концепции, Китайская Народная Республика заявляет, что будет соблюдать принципы Организации Объединенных Наций, активно участвовать в решении международных вопросов, выполнять свои международные обязательства и содействовать созданию более справедливого и разумного мирового порядка [147]. По мнению специалистов, китайская теория гармоничного мира во многом похожа на распространенную концепцию глобального управления. Обе теории уделяют

большое внимание общей судьбе человечества и выступают против односторонних действий наиболее сильных государств, а также против политики гегемонии и доминирования. Они подчеркивают, что международные проблемы должны решаться с помощью сотрудничества между странами, а не под руководством одной державы. В обеих концепциях особая роль отводится Организации Объединенных Наций и поддерживается идея формирования нового мирового политического и экономического порядка. Такой подход отражает китайское понимание глобального управления и показывает, как Китай видит развитие международных отношений в современных условиях [148].

Идея построения гармоничного мира и мирного развития является не только важной стратегической концепцией, но и одной из главных идей внешней политики Китая. По словам Ху Цзиньтао, именно создание гармоничного мира считается конечной целью, которая определяет действия Китайской Народной Республики на международной арене. Исходя из этой цели, Китай стремится развивать мирное сотрудничество с другими государствами, поддерживать стабильность и содействовать общему развитию мирового сообщества.

В 2012 году, после прихода к власти нового лидера КПК Си Цзиньпина, была предложена новая внешнеполитическую концепция – «китайская мечта». В концепции говорится о построение справедливого общества, общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а Китай займет на мировой арене то место, которое соответствовало бы достигнутым государством успехам в экономике и политике и отражало возросшую военную мощь страны.

Толчком к появлению китайской общенациональной идеи стала специфика современного этапа развития страны:

– значительный экономический и социальный рост;

– усиление влияния на мировой арене;

– отход от политики «узкого регионализма» и возникновение амбиций мировой державы;

Сама концепция состоит из трех основных компонентов:

1. сильное и богатое государство;

2. национальное возрождение;

3. народное счастье;

«Китайская мечта», по словам Си Цзиньпина, является общей целью всего китайского народа и стремлением каждого гражданина страны. Для ее достижения государство намерено последовательно и постоянно прилагать все необходимые усилия [149]. Это означает, что реализация «китайской мечты» должна превратить Китай в богатое, сильное, демократическое, культурно развитое, гармоничное и современное социалистическое государство. Для достижения этой цели предполагается укреплять экономические связи и расширять сотрудничество со странами Евразии. Важное место в концепции занимает представление о Китае как о государстве, которое продвигает идеи мирного развития, международного сотрудничества, гармоничного мира, а также традиционные китайские ценности, которые, по мнению страны, могут быть полезны всему мировому сообществу. Большая роль в реализации этой

концепции отводится молодому поколению китайцев. К 2049 году, когда исполнится сто лет со дня образования КНР, страна планирует стать богатым, сильным, демократическим, культурно развитым, гармоничным и современным социалистическим государством [150]. В мае 2013 года в одном из интервью Си Цзиньпин заявил, что Китай намерен не только развивать собственную экономику и общество, но и брать на себя ответственность за развитие всего мира, внося вклад в общее благополучие. По его словам, страна стремится создавать возможности не только для китайского народа, но и для народов других государств. Он подчеркнул, что реализация «китайской мечты» принесет миру стабильность и развитие, станет новой возможностью для международного сообщества, а не источником угроз или потрясений [151]. Как мы видим, за последние десятилетия внешняя политика Китая значительно изменилась. Главным направлением этих изменений стало укрепление международного авторитета страны как миролюбивого и дружественного государства, открытого для разных форм международного сотрудничества.

Действуя в соответствии установленным задачам, основными приоритетами внешней политики Китая стало развитие отношений:

1) с ведущими странами мира: (США, Россией, Францией, Германией, Великобританией);

2) с соседями: (прежде всего с Японией, Кореей, странами Юго-Восточной Азии);

3) с развивающимися странами Африки и Латинской Америки [152].

Самым значительным и ключевым для Китая явилось налаживание выгодных для себя механизмов международного взаимодействия с США. Основанием этого служило полное доминирование Америки во всех мировых процессах за последние полвека, в силу немалых экономических возможностей, высокой динамики научно–технического развития и повсеместном использовании своих громадных военно–политических ресурсов. Благодаря, тесному сотрудничеству с мировыми лидерами, осторожной и взвешенной политике Китаю удалось войти в международную систему, на уровень ведущих стран и даже опередить их по многим параметрам. Сегодня Китай стал одной из крупнейших экономик мира и значительно усилил свое влияние во многих регионах. Теперь, будучи одним из лидеров мировой экономики, уже не Китай, а другие государства вынуждены приспосабливаться к его новой роли. Китай и США сегодня являются ведущими участниками международной политики и могут как создавать серьезные трудности для мировой системы, так и выступать важными партнерами в экономическом сотрудничестве с другими странами. И в Китае, и в Соединенных Штатах понимают, что тесная экономическая взаимозависимость, развитые торговые, инвестиционные и финансовые связи между двумя странами являются необходимым и важным условием дальнейшего экономического развития. Но в долгосрочной перспективе они являются как минимум, соперниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, как максимум, военными противниками. В американской стратегии национальной безопасности, Китай обозначен как конкурент и потенциальный противник, пока

региональный, но с возможностью расширения своего влияния в глобальном масштабе. Соответственно, планы американского военного командования ориентированы в долгосрочном периоде на сдерживание Китая. Торговое противостояние, инициированное в марте 2018 г. администрацией американского президента Д. Трампа, четко отражает эту стратегию в действии. Если в краткосрочном периоде реализуется попытка сокращения торгового дефицита с Пекином, то в долгосрочной перспективе идет противодействие технологическому развитию противника. В современном мире, где геополитическое влияние все больше связано с прогрессом в сфере технологий, США до недавнего времени занимала лидирующие позиции, опережая все остальные страны. Считалось, что американские компании производят самые быстрые компьютеры, суперсовременное вооружение и самых продвинутых роботов в мире. Но развивающаяся экономика Китая, занимавшая до этого второе место в мире, а также огромные государственные инвестиции в технологии начинают постепенно лишать США этих преимуществ. Самого заметного успеха Китай достиг в развитии технологии мобильной связи 5G. Китайская телекоммуникационная компания «Хуавэй» является мировым лидером в сфере сотовых технологий, и в которой Вашингтон, конечно, видит угрозу своей кибербезопасности [153]. «Хуавэй» также является ведущим поставщиком инфраструктуры информационно–коммуникационных технологий и интеллектуальных устройств. Эта компания активно вкладывает средства в свои разработки, включая научные исследования и получение патентов, что дало ей возможность выйти на ведущие позиции в сфере связи пятого поколения и других современных технологий. Компания также успешно развивает направления, связанные с искусственным интеллектом, облачными вычислениями и созданием умных автомобилей. Несмотря на некоторые трудности, вызванные санкционным давлением, данная организация продолжает усиливать свое положение на мировом рынке. Помимо мобильной связи пятого поколения, сегодня между двумя сверхдержавами развернулась борьба за лидерство в таких важнейших инновационных областях, как искусственный интеллект, квантовые технологии, производство полупроводников и выпуск беспилотного автомобиля. Все эти разработки в скором будущем способны кардинально изменить привычный образ жизни человека, его профессиональную деятельность и даже способы ведения вооруженных конфликтов. Искусственный интеллект, например, уже сейчас находит свое практическое применение в таких сферах, как создание дополненной реальности и проведение дистанционных операций в хирургии. Квантовые компьютеры способны существенно помочь в разработке новых медицинских препаратов, а также дать возможность расшифровать данные, которые раньше считались защищенными от любого взлома. Беспилотные автомобили изменят транспортную систему страны, инфраструктуру и способы передвижения людей. Усовершенствованные компьютерные чипы выполняют функции цифрового мозга, превышающий в эффективности во много раз человеческий. Успехи в развитии самых современных технологий способны дать государству

колоссальное преимущество в экономическом, военном и политическом противостоянии. Поэтому совершенно очевидно, что противоречия в технологической сфере между США и Китаем в ближайшие годы будут только нарастать.

Именно из–за успехов в сфере развития технологий Китая президент Трамп и начал вскоре тотальную торговую и экономическую войну с Пекином, которая включает в себя меры экспортного контроля, пошлины, введения санкций против крупнейших китайских компаний, государственных организации и официальных лиц. Вашингтон также потребовал от Пекина прекращения субсидирования промышленности, практику насильственной передачи технологий, защиту интеллектуальной собственности, расширение доступа на рынки Китая американских компании. Помимо всего этого, прозвучали требования о демократических преобразованиях политической системы КНР. Китай ответил зеркальным повышением тарифов на американские товары и ввел санкции против американских НПО, поддерживающих протесты в Гонконге и за вмешательство во внутренние дела КНР. Долгое торговое противостояние, продолжавшееся почти два года и повлекшее за собой многомиллиардные убытки для всей мировой экономики, закончилось временным перемирием, а в 2020 году стороны даже подписали соглашение о первой фазе сделки [154], однако в итоге все условия не были выполнены. Между двумя сверхдержавами до сих пор остаются серьезные разногласия, которые в любой момент могут спровоцировать новый виток торговой войны и привести к спаду на мировых финансовых рынках. В 2025 году ситуация продолжает оставаться напряженной, так как США по-прежнему устанавливает таможенные пошлины на товары из Китая, а китайская сторона отвечает аналогичными действиями. Этот конфликт привел к разрыву глобальных цепочек поставок, увеличению расходов и заставил компании по всему земному шару пересматривать свои планы. Обе страны ощущают негативные последствия, среди которых сокращение объемов взаимной торговли, повышение цен и общая нестабильность для бизнеса. На данный момент эксперты расходятся во мнениях относительно того, сколько еще продлится эта торговая война и к каким долгосрочным итогам она в конечном счете приведет. Некоторые аналитики предсказывают продолжение напряженности и новых витков эскалации, в то время как другие надеются на урегулирование конфликта путем переговоров и достижения новых торговых соглашений. Поэтому, в условиях системного кризиса либеральных институтов глобального управления и фрагментации мирового порядка, Пекин сегодня переходит от стратегии адаптивной интеграции к активному формированию альтернативной институциональной архитектуры, отвечающей вызовам «новой эпохи». Особое внимание уделяется концепции «Сообщества единой судьбы человечества», а также Глобальным инициативам в области развития (GDI), безопасности (GSI), цивилизации (GCI) и управления (GGI) как инструментов укрепления субъектности КНР. Многие аналитики считают, что в условиях эрозии традиционных международных институтов переход Китая к модели «инклюзивного мультилатерализма»,

направленной на пересмотр правил глобального взаимодействия и консолидацию государств Глобального Юга под эгидой новых форматов сотрудничества вполне естественным процессом.

Стратегическое противостояние Китая и США оказывает существенное влияние на взаимоотношения Китая с соседними странами Индо–Тихоокеанского региона (ИТР). Крупнейшие и технологически развитые экономики региона Япония и Южная Корея, входят в список ведущих союзников Вашингтона. На протяжении многовековой истории между соседними странами существовала конкуренция за влияние, имелись претензии на превосходство и велись ожесточенные войны. В настоящем времени, Япония и Южная Корея, обеспокоенные растущей военно–морской мощью Китая укрепляют военно–политическое сотрудничество с американцами, хотя не совсем уверенны в том, что США будет заинтересована обеспечением их интересов, при наличии их собственных. Поэтому, несмотря на попытки Вашингтона демонизировать Китай и выстроить в ИТР «пояс сдерживания» Пекина, эти страны пытаются в определенных рамках проводить самостоятельный курс в отношении Китая. Самым проблемным сегодня в отношениях между Китаем и Японией, помимо прошлых исторических обид, остается вопрос о принадлежности островов Восточно–Китайского моря. Оно является ключевым источником трений между двумя странами.

Вполне естественно, что для Японии и Южной Кореи существует крайняя заинтересованность в развитие взаимной торговли, инвестиционного сотрудничества и обмена технологиями с КНР. Однако перед ними стоит весьма сложная задача, как идти на развитие экономических отношений с КНР, не затрагивая интересов США, своего ключевого союзника по безопасности, с которыми у нее есть собственные торговые проблемы, но которые во многом решаются на двусторонних переговорах. Стороны также пытаются продвигать выгодный трехсторонний проект создания Зоны свободной торговли. Другим аргументом для сближения трех ведущих государств региона становится угроза и ядерный шантаж со стороны КНДР. В связи с тем, что переговоры между президентом США Дональдом Трампом и северокорейским лидером Ким Чен Ыном не принесли никаких результатов, особо значимой становится роль Пекина в урегулирования напряженности на Корейском полуострове. Китай и Северная Корея имеют общую границу и тесные исторические, а также экономические связи, которые восходят к Корейской войне. Китай является главным торговым партнером и основным источником экономической помощи для КНДР. Это дает Пекину значительные рычаги влияния на Пхеньян. КНДР сильно зависит от Китая в плане продовольствия, энергоресурсов и товаров. Любые действия Китая, например, ужесточение или ослабление санкций, могут оказать прямое влияние на экономическую ситуацию в Северной Корее и, соответственно, на её политические решения. Для Китая Северная Корея исторически играет роль буферного государства, отделяющего его от Южной Кореи, где размещены американские войска. Пекин не заинтересован в дестабилизации ситуации на полуострове, так как это может привести к

появлению американских военных баз у его границ, а также к потоку беженцев. После провала двусторонних переговоров между США и КНДР, которые не привели к денуклеаризации, многосторонний формат, в котором Китай является ключевым участником, становится более предпочтительным для решения проблемы. Пекин может выступать в качестве посредника, способного повлиять на обе стороны. Провал переговоров между Трампом и Кимом подчеркивает ограниченность подхода, основанного исключительно на двусторонних контактах. В такой ситуации Китай, обладающий уникальными рычагами влияния и заинтересованный в стабильности региона, становится незаменимым игроком в любом процессе урегулирования. По итогам встречи с президентом Республики Корея председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что все страны региона придерживаются схожей позиции по вопросу Корейского полуострова. По его словам, все стороны заинтересованы в сохранении мира и стабильности на полуострове и считают, что существующие проблемы необходимо решать только путем диалога и переговоров [155].

В общих чертах, отношения стран региона в настоящее время обусловлены целым комплексом противоречивых экономических, геополитических, региональных и территориальных явлений. Как будут дальше развиваться эти взаимоотношения зависит от международной ситуации в целом и способности лидеров стран региона найти пути к полному примирению и взаимовыгодному сотрудничеству без оглядки на внешние силы.

Несмотря на некоторое замедление роста китайской экономики за последние годы, по данным МВФ, темпы ее роста все еще превосходят мировые, более чем в 2 раза. Вместе с ростом экономики увеличивается, что естественно, и влияние КНР на международной арене. Этому также способствует продвижение инициативы ОПОП, где Китай уже позиционируется в роли одного из глобальных лидеров. Как подчеркнул руководитель КНР Си Цзиньпин, Китай намерен активно развивать международное сотрудничество в рамках инициативы ОПОП. Страна будет прилагать все усилия для укрепления политического взаимодействия, развития взаимосвязанной инфраструктуры, расширения торговли, свободного движения капитала и укрепления взаимопонимания между народами. По его словам, это позволит создать новые возможности для международного сотрудничества и станет дополнительным стимулом для совместного развития всех участников [156]. Как мы уже знаем, данная инициатива предполагает реализацию двух мега-проектов – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». По утверждению Китайской стороны, инициатива «Один пояс и один путь», в отличие от политики США, направленной на сохранение своего единоличного лидерства, предлагает международное сотрудничество, взаимосвязанность инфраструктур, свободную торговлю, финансовую интеграцию, согласование национальных стратегий, совместное строительство и совместное использование результатов этой инициативы государствами, находящимися вдоль «Одного пояса и пути» [157].

Реализация инициативы, особенно проекта «Морской Шелковый путь XXI века» предполагает превращение Китая в «сильную морскую державу», что в свою очередь рассматривается как неотъемлемая и важная составная часть «великого возрождения китайской нации». В тоже время, для исполнения проекта необходимо расширение морского стратегического пространства Китая. Как считает руководство КНР, морской потенциал Китая должен соответствовать масштабам его комплексной государственной мощи и отвечать требованиям, которые, диктуются потребностями обеспечения интересов национальной безопасности и развития КНР. Как и ожидалось, отношение военных американских экспертов к проекту Морского шелкового пути оценивается в основном отрицательно. Наибольшую обеспокоенность у США вызывает строительство Китаем портов и участие в развитии портовой инфраструктуры в Пакистане, Бангладеш и других государствах. Также Вашингтон внимательно следит за тем, что Китай постепенно расширяет не только свое торговое, но и военно-морское присутствие в Индийском океане и Персидском заливе. Вполне очевидно, что превращение КНР в «сильную морскую державу» не может не оказывать влияния на страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), значительная часть китайских планов находится, в том числе, и в Южно-Китайском море (ЮКМ), которая является зоной стратегических интересов и суверенных прав государств данного региона. Пекин предлагает странам ЮВА концепцию совместного развития, подкреплённую значительными финансовыми и материальными ресурсами, а также возможность подключения к китайской инициативе ОПОП [158].

По мнению Вашингтона, создание нового Морского шелкового пути даст Китаю возможность усилить свое влияние на страны Юго-Восточной Азии. Вместе с тем после начала реализации этой инициативы в регионе стало заметно снижаться напряжение в Южно-Китайском море, а отношения между государствами начали улучшаться. Это показывает, что политика Китая по укреплению добрососедских отношений со странами, расположенными вдоль его границ, постепенно дает положительные результаты. Однако, с учетом сложных и напряженных взаимоотношений с США и той враждебной риторики, звучащей в последнее время со стороны официальных лиц этой страны, вполне возможно, что Вашингтон постарается не допустить дальнейшего развития проекта морского «Шелкового пути» и как худший вариант, постарается перекрыть основные морские торговые пути КНР.

Другой мега–проект, продвигаемый КНР «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) проходит по территории стран Центральной, Южной Азии, России и Ближнего востока. В сухопутную часть проекта «Новый шелковый путь» входит строительство трех железнодорожных коридоров. Северный маршрут пройдет через Россию, а центральный и южный через страны Центральной и Южной Азии. В дальнейшем железнодорожные линии планируется дополнить автомобильными магистралями. По официальным данным, центральный коридор будет иметь протяженность 8400 километров и соединит Китай, Казахстан, Россию и Европу. Из них около 3400 километров

пройдет по территории Китая, 2800 километров по Казахстану и примерно 2200 километров по России. Южный маршрут Нового шелкового пути пройдет через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Ирак, Сирию и Турцию, после чего продолжится в Европу через Болгарию, Румынию и Чехию до Германии. Общая длина этого маршрута составит около 6500 километров, при этом примерно 4000 километров будут проходить по территории Китая от побережья Тихого океана до западной границы страны [159].

Все страны, участвующие в этом проекте, понимают большое значение развития транспортных связей и модернизации своей транспортной инфраструктуры. Главная цель заключается в более эффективном использовании внутренних и внешних возможностей для транзитных перевозок и создании новых транспортных маршрутов, которые соединят Восток и Запад. За последние десятилетия Китай значительно усилил свою внешнеполитическую деятельность в этом направлении. Поэтому участие страны в Шанхайской организации сотрудничества полностью соответствует ее долгосрочным стратегическим планам. Китай является одним из основателей ШОС и с самого начала рассматривал участие в этой организации как одно из главных направлений сотрудничества со странами Центральной Азии и Россией. При этом китайское руководство всегда уделяло основное внимание развитию экономического взаимодействия. На сегодняшний день КНР слишком зависит от состояния дел в центрально азиатском регионе. Это и поставки энергоресурсов: прежде всего из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Это и торговые маршруты, которые свяжут Китай с Европой и таким образом снизят зависимость КНР от морских коммуникаций, которые частично контролируются Соединенными Штатами и как уже сказано, могут быть ими перекрыты. Основной целью внешней политики Китая в ЦА вначале являлось создание зоны безопасности на западных рубежах КНР, как и недопущение вхождения региона в орбиту влияния США и прихода к власти в центральноазиатских странах недружественных режимов. Постепенное усиление присутствия КНР в ЦА было связано с наращиванием проектно-инвестиционной активности в первую очередь в сырьевых отраслях, развитием трубопроводных и других транспортных проектов для «вывоза сырьевых ресурсов» и дальнейшим открытием рынков государств региона для сбыта китайской продукции, а также соответствующим кредитно-финансовым и политическим сопровождением этих усилий. Интерес Китая к сотрудничеству с Республикой Казахстан (РК) связан, еще и с геоэкономическими условиями, в которых находится республика. Помимо богатств недр среднеазиатской страны, несомненным преимуществом РК, с точки зрения Пекина является транзитный потенциал. Однако для того, чтобы реализовать его в полной мере, КНР необходимы инвестиции в модернизацию транспортной инфраструктуры РК, что вполне укладывается в китайскую концепцию ЭПШП. На сегодняшний день сотрудничество между Казахстаном и Китаем характеризуется высокой динамикой, особенно в области торговли, энергетики, транспорта и логистики, инвестиций, сельского хозяйства и промышленности. Стороны активно развивают межпарламентские и

межпартийные контакты, а также поддерживают культурно-гуманитарное взаимодействие. Китай является важным партнером Казахстана в области энергетики, включая поставки нефти и газа, а также в сфере возобновляемых источников энергии [160].

Руководство Китая вполне осознает важность Казахстана для реализации проекта ЭПШП и вкладывает значительные средства в экономику страны в виде прямых инвестиций, займов, а также существует договоренность об участии китайской стороны в вопросах развития несырьевого сектора экономики Казахстана, предусматривающая создание совместных фондов финансирования проектов развития в индустриальной сфере и обрабатывающей промышленности. Заинтересованность Китая в Казахстане еще в том, что КНР имеет долгосрочные планы развития своих западных регионов, которые граничат со странами ЦА. Западным регионом Китая прежде всего считается Синьцзян Уйгурский автономный район (СУАР), который является самой крупной административной единицей страны по площади. Он занимает около одной шестой территории Китая и имеет общие границы с Казахстаном, Монголией, Кыргызстаном, Таджикистаном, Россией, Афганистаном, Индией и Пакистаном. Благодаря такому расположению в Синьцзяне проживают представители 47 национальностей. При этом коренным населением региона считаются уйгуры, которые исповедуют ислам. Они говорят на языке тюркской группы, поэтому имеют языковую и культурную близость с народами Центральной Азии, а также Турции [161].

СУАР входит в программу «Экономический пояс Шелкового пути», что открывает для региона широкие возможности для развития инфраструктуры и экономики. Район обладает богатыми запасами полезных ископаемых, включая около 40 % угольных запасов и примерно треть запасов нефти Китая. Через территорию СУАР из стран Центральной Азии в центральные районы Китая проходят нефтепроводы и газопроводы. Поэтому надежное обеспечение китайской экономики энергоресурсами во многом зависит от стабильности и безопасности в этом регионе [162]. В силу исторического прошлого региона здесь сильны сепаратистские настроения. До 2016 года радикальные элементы, финансируемые, по утверждению КНР, извне часто организовывали террористические акты в регионе. Кроме того, несколько тысяч уйгуров участвовали в вооруженном конфликте в Сирии на стороне оппозиционных сил. Они рассматривали это участие как возможность получить боевой опыт и подготовиться к борьбе за независимость. В целях недопущения дестабилизации в данном регионе страны, центральные власти проводят в СУАР политику борьбы с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом, основными угрозами современности. Все эти факторы в совокупности дают возможность геополитическим противникам КНР нагнетать традиционно существующие антикитайские настроения среди населения государств региона, в рамках противодействия развитию проекта ЭПШП. Все это делается через раздувание слухов и мифов о происходящем в Китае, в частности в СУАР. Американские и российские СМИ продолжают писать о «трудовых лагерях» в СУАР и массовых

репрессиях против местных мусульман, что, естественно, вызывает резкий протест у мусульман ЦА. Некоторые местные издания и интернет-блогеры пишут о тех же казахах, которых насильно сгоняют в эти лагеря и которых власти Казахстана не защищают. Еще одним способом нагнетания антикитайских настроений является возросшая экономическая активность КНР в странах ЦА. Китай уже давно является крупнейшим торговым партнером, инвестором и кредитором стран ЦА, все то, что не в состоянии предложить Россия. Однако у этого как, казалось бы, положительного процесса, есть и своя негативная сторона. Когда неспособные выплатить китайские кредиты местные власти, зачастую коррумпированные, начинают платить Китаю уступками прав собственности различных месторождений, шахт и даже долгосрочных арендных прав на землю, подобные действия выливаются в настоящие гражданские протесты. Это подпитывается множеством публикаций местных СМИ, особенно электронных, а также аффилированных с Западом правозащитных организаций. Еще одним направлением удара против проекта ЭПШП является общая дестабилизация региона.

Существует большая вероятность, что ЦА может стать целью для стратегического удара американцев по китайскому влиянию, если напряженность в отношениях двух держав перейдет к открытому противостоянию. Помимо США в регионе ЦА фактором дестабилизации выступает и Россия, в попытке отстоять зону, как она считает «своих стратегических интересов». Амбиции России в ЦА направлены, прежде всего, на сохранение остатков влияние в постсоветских республиках, тем самым притязая на роль если не мировой, то, во всяком случае, евразийской державы. Но как писал в конце прошлого тысячелетия видный американский государственный деятель, «проблема Москвы состоит в том, что она не в состоянии полностью закрыть ЦА для внешних сил, так как политически слаба, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области исключительно собственными силами» [163]. На сегодняшний день ситуация практически осталась прежней. К тому же, внешняя политика стран ЦА отличается многовекторностью и российское направление не единственное и далеко не главное. С 2005 по 2018 год Россия инвестировала в экономику Республики Казахстан (РК) $14 млрд., сообщил президент РК Касым-Жомарт Токаев на форуме приграничного сотрудничества в ноябре 2019 года [164].

Хотя, в 2024 году Россия вложила в Казахстан более $4 миллиардов, что вывело ее на первое место по объему иностранных инвестиций в страну. Однако некоторые эксперты связывают это с тем, что в условиях международной изоляции и экономических санкции Россия ищет новые возможности для сотрудничества и инвестирования за рубежом, в том числе в Казахстане. Несмотря на общую границу и совместное членство в Евразийском экономическом союзе, Россия не входит в топ стран инвесторов заинтересованных развивать свой бизнес в Казахстане. Китай, который инвестировал в казахстанскую экономику $26 млрд. за 2005–2019 годы выглядит более заинтересованным в сотрудничестве соседом. Больше всего денег

поступило из США, Нидерландов и Швейцарии, эти три страны инвестировали в Казахстан больше, чем все остальные в совокупности. К тому же, в плане доступа к передовым технологиям и инновациям, установление взаимовыгодного инвестиционного и экономического сотрудничества с США и странами Европейского союза, для Казахстана выглядит куда более предпочтительным. Все региональные интеграционные структуры и объединения куда входят, Казахстан с Россией имеют, по сути, политическую составляющую и выгодность для РК весьма сомнительна с экономической точки зрения. Однако, в условиях социально-экономической нестабильности, различных внутренних и внешних угрозах национальной безопасности, Казахстан вынужден сохранять свое присутствие в организациях, направленных на обеспечение безопасности в ЦА. Тем более что Москва как один из основных региональных игроков выступает на словах за сохранение стабильности и устойчивое региональное развитие. Хотя, политическая нестабильность и угроза конфликтов внутри региона, напряженность на его южных границах дает России повод предложить себя в качестве гаранта против любой угрозы, а взамен Москва потребует просто поступиться частью своего политического, экономического и военного суверенитета. Однако хотелось отметить, что в Казахстане угрозы национальной безопасности связаны больше с такими внутренними проблемами как ухудшение социально-экономического положения широких масс, имущественное и социально-правовое расслоение общества, слабая работа правоохранительных органов, непрозрачность работы государственных и общественных организаций. Можно еще сюда добавить, рост коррупции и как следствие криминализацию общества, утрату многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров в отсутствии государственной или общенациональной идеологии. Хотя, как утверждают официальные власти страны, национальная идеология современного Казахстана строится вокруг концепции «Мәңгілік Ел» (Вечная Страна), ориентированной на построение сильного государства, сохранение независимости, территориальной целостности и единства народа («гражданская нация»). Ключевые акценты сегодня: патриотизм, справедливость (Әділетті Қазақстан), трудолюбие, инновации, сохранение культурного кода и модернизация сознания. Концепция Справедливый Казахстан, продвигаемая президентом К.К. Токаевым, основана на верховенстве закона, политической стабильности, социальном равенстве и борьбе с коррупцией. Пока приходится констатировать, что только небольшая часть населения поддерживает её как символ долгосрочной стабильности и независимости. У «простого народа» накопилась усталость от масштабных лозунгов, избыточного пафоса, декларативности и оторванности от реальных социально-экономических проблем. Отношение населения во многом будет зависеть от того, насколько быстро декларации превратятся в реальные дела.

По поводу китайской угрозы для Казахстана, нужно признать, что отсутствуют серьезные исследования и публикации официальных данных о влияние китайского фактора на территорию Казахстана. Информация о численности, местах проживания, составе трудовых мигрантов из Китая и

проблемах, с которыми они сталкиваются, остается закрытой. Также отсутствуют подробные сведения о крупных казахстанско-китайских торговых, экономических и инвестиционных проектах. Именно недостаток открытой информации способствует появлению различных мифов и опасений о связях руководства Казахстана и Китая. Необходимость изучения китайского фактора для Казахстана объясняется не только тем, что это сравнительно новое и недостаточно исследованное экономическое явление, но и отсутствием опыта реагирования на усиление экономического присутствия Китая в стране. Поэтому существует потребность в создании надежной аналитической базы, которая поможет принимать обоснованные решения в этой сфере.

3.3. Влияние трансформации политической системы КНР на стратегическое взаимодействие с Республикой Казахстан

В условиях стремительных геополитических изменений и процессов глобализации, отношения между Китаем и Казахстаном выходят на новый уровень. Официально провозглашенное «всепогодное и вечное всестороннее стратегическое партнерство» отражает не только экономическую взаимозависимость, но и глубокое политическое сближение. Это партнерство строится также и на пересечении двух национальных идеологических концепций: «Китайской мечты» (实现中华民族伟大复兴 – Великое возрождение китайской нации), выдвинутой Си Цзиньпином, и «Справедливого Казахстана» (Әділетті Қазақстан), инициированной Касым–Жомартом Токаевым. Особое внимание уделяется влиянию двустороннего партнерства на политическое взаимодействие, экономическое сотрудничество и стратегическую безопасность в Центральной Азии. Рассматриваются возможности углубления политической интеграции, взаимодействия в рамках международных организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а также перспективы китайско-казахстанских отношений в условиях меняющегося глобального порядка. Оцениваются потенциальные риски и вызовы, связанные с укреплением двустороннего сотрудничества, как и влияние внешнеэкономических и политических факторов на дальнейшее развитие политических систем обеих стран.

Китай представляет собой однопартийную систему под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Согласно Конституции КНР, высшим органом государственной власти страны является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). В состав ВСНП входят депутаты, избранные от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и вооружённых сил. Депутаты ВСНП избираются на срок 5 лет.

В функции ВСНП входит: законодательная деятельность; контроль соблюдения конституции; принятие важных государственно-политических решений; принятие хозяйственно-экономических планов; решение вопросов войны и мира. Формально все государственные институты и должностные лица подчиняются ВСНП, но фактически и ВСНП, и все государственные институты

«направляются и руководятся КПК. Полномочия главы государства имеет Председатель КНР, избираемый ВСНП на 4 года. Он обладает внешнеполитическими полномочиями, может издавать указы, быть председателем Государственного комитета обороны – органа особого партийно–военного руководства, позволявшего КПК через государственные органы контролировать вооруженные силы. Председатель КНР обладает полномочиями собрать Верховное государственное совещание высших должностных лиц страны, которое имеет право прямо и непосредственно принимать любые решения. Таким образом, законодательная и представительная власть, формально принадлежит ВСНП, фактически распределена между ПК ВСНП и Председателем КНР, при этом в кризисной ситуации Председатель может полностью «взять власть на себя».

Правительственные функции выполняет Государственный совет, несущий ответственность перед ВСНП, которое его и образовывает. Госсовет является коллективным органом, управляющий текущей государственной деятельностью министерств, осуществляет единое руководство работой местных государственных административных органов страны, определяет конкретные границы полномочий центральных государственных административных органов и государственных административных органов провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Его возглавляет премьер Госсовета. Реальное руководство КНР в настоящее время принадлежит, хотя это не вписано в конституцию, коммунистической партии. КПК является направляющей и руководящей силой китайского общества. КПК руководит государственными органами, включая армию, силы правопорядка, органы госбезопасности и разведки. Компартия, а не государственные органы определяют режим работы других, некоммунистических партий и общественных организаций, профессиональных и творческих союзов, даже молодежных, юношеских, детских, женских, экологических и др. организаций. По уставу КПК высшим органом партии является съезд. Съезд собирается раз в пять лет, и насчитывает более двух тысяч делегатов. Съезд избирает центральный комитет в количестве около 350 человек, превышающий по своему составу центральный комитет любой партии мира. Срок полномочий Центрального комитета КПК составляет пять лет, однако он может быть изменен в случае досрочного проведения или переноса Всекитайского съезда партии. В состав Центрального комитета входят Политбюро ЦК КПК, состоящее из 25 членов, Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, в который входят 7 человек, Секретариат ЦК КПК, являющийся главным административным органом партии и возглавляемый Генеральным секретарем ЦК КПК, Центральный военный совет ЦК КПК, выполняющий функции партийного органа военного управления, Главное управление ЦК КПК, которое занимается текущим партийным управлением, организацией работы, контролем и документооборотом, Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины, отвечающая за борьбу с коррупцией и нарушениями внутри партии, Политико-юридическая комиссия ЦК КПК, которая координирует вопросы административной и правовой политики, а также Центральное бюро

безопасности КПК, обеспечивающее политическую безопасность и охрану высшего руководства партии [165].

Действительная власть в партии и стране, конечно, принадлежит политбюро ЦК, а точнее, постоянному комитету политбюро ЦК КПК, а также ЦВС КПК. Государственные органы власти лишь дублируют руководящие партийные структуры и выполняют «решения партии». Персонифицируется верховная партийная власть в лице генерального секретаря КПК, председателя ЦВС КПК, верховная государственная власть в лице председателя КНР и премьера госсовета. Так как вся политическая власть сосредоточена в руках КПК, это обеспечивает быстрые и эффективные решения на всех уровнях. В то время как руководящей идеологией, в настоящий момент, считается «Мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху», то «Китайская мечта» является конечной стратегической целью, которую эта Мысль должна обеспечить. Сущность «Китайской мечты» сводится к двум основным целям:

– Национальное возрождение: Достижение статуса великой державы к 2049 году (100-летию КНР), с сильной экономикой, вооруженными силами и международным влиянием.

– Народное благосостояние: Достижение «среднезажиточного общества» (*сяокан*) и всеобщего процветания.

«Китайская мечта» служит к тому же внутренним мобилизующим фактором для консолидации власти КПК и внешним обоснованием для глобальных инициатив (ОПОП, GDI, GSI), которые направлены на проецирование китайского влияния. Таким образом, говоря по–простому, мы можем сказать, что «Мысль Си Цзиньпина» – это «как» достичь цели (с помощью централизованного партийного руководства и социализма с китайской спецификой), а «Китайская мечта» – это «что» должно быть достигнуто (великое возрождение и процветание). Мысль обеспечивает политический и идеологический фундамент, необходимый для мобилизации ресурсов и населения, в то время как Мечта служит финальным ориентиром и мотивирующим фактором для всей нации.

Экономика в КНР регулируется государством, но при этом активно используется рыночный механизм. Однопартийная система обеспечивает предсказуемость и долгосрочное планирование.

Казахстан, в свою очередь, является президентской республикой с многопартийной системой, где глава государства обладает широкими полномочиями. Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики, назначает премьер–министра (с согласия парламента) и членов правительства, а также является Верховным главнокомандующим.

Законодательная власть в стране осуществляется двухпалатным Парламентом, который состоит из Сената и Мажилиса.

Сенат формируется из депутатов, представляющих регионы и города республиканского значения, а также назначаемых Президентом.

Мажилис (Нижняя палата) состоит из депутатов, избираемых по смешанной системе (партийные списки и одномандатные округа).

Исполнительная власть представлена Правительством во главе с Премьер–министром. Правительство отвечает за реализацию внутренней и внешней политики, утверждённой Президентом и Парламентом, а также за управление экономикой страны.

Судебная власть в государстве осуществляется Верховным Судом и местными судами. Судьи независимы и подчиняются только закону. Отдельно существует Конституционный Суд, который следит за соответствием законодательства Конституции.

В политическую систему Казахстана включены несколько политических партий. Местные исполнительные органы (акиматы) и представительные органы (маслихаты) управляют на уровне областей и городов.

Помимо этого, существует Администрация Президента Республики Казахстан (АП), который обеспечивает выполнение полномочий Президента и выступает его главным рабочим аппаратом. АП не является ветвью власти, а служит для организационного, аналитического, правового и информационного обеспечения деятельности главы государства. АП осуществляет контроль за выполнением поручений и решений Президента государственными органами, включая правительство, министерства и местные исполнительные органы.

Администрация также координирует работу органов, непосредственно подчиненных и подотчетных Президенту (например, Генеральной прокуратуры, Комитета национальной безопасности).

По сути, АП является политическим штабом Президента, который помогает ему эффективно управлять государством, принимая стратегические решения и контролируя их реализацию.

Консультативно–совещательным органам относится Ассамблея народа Казахстана, которая играет важную роль в поддержании межэтнического согласия. Экономика в РК основана на принципах свободного рынка.

Предложенная нынешним Президентом РК Касым-Жомартом Токаевым, концепция «Справедливый Казахстан» основана на фундаментальном общественном запросе на справедливость и является консолидирующей идеей, направленной на трансформацию политической системы, экономики и общественного сознания. В Указе Президента Республики Казахстан от 5 ноября 2025 года, которым утверждены основные принципы, ценности и направления внутренней политики страны, определены ключевые приоритеты государственной политики. В документе также сформулированы основные принципы внутриполитической деятельности, к которым относятся «Закон и Порядок», «Слышащее государство», «Разные мнения единая нация», «Сильный Президент влиятельный Парламент подотчетное Правительство», «Адал азамат» и «Таза Қазақстан» [166]. Верховенство закона и порядка является главным принципом и фундаментом данной концепции. Обеспечение равенства всех людей перед законом и строгое соблюдение правовых норм выступают необходимыми условиями для защиты прав граждан и нормальной работы добропорядочного бизнеса. Важно внедрять механизмы, которые гарантируют соблюдение конституции, в том числе за счет проведения выборных реформ,

расширения полномочий Парламента и создания Конституционного суда. Социальную справедливость при этом следует понимать не как одинаковый уровень доходов для всех, а как предоставление каждому гражданину равной ответственности и равных возможностей. Экономический рост обязан сопровождаться повышением уровня благосостояния населения, сокращением разрыва между богатыми и бедными, а также укреплением среднего класса. Признание права народа на владение землей и природными богатствами должно лечь в основу честного распределения национального дохода. Эта концепция нацелена на формирование нового качества нации через утверждение общенациональных ценностей. Таким образом Справедливый Казахстан представляет собой масштабную программу, которая стремится полностью перестроить отношения между государственным аппаратом, предпринимателями и обществом на принципах верховенства закона, равенства возможностей и ответственности, выступая при этом внутренним гарантом стабильности и важным условием для ведения взвешенной многовекторной внешней политики.

Несмотря на различия в политических системах, Китай и Казахстан имеют ряд точек соприкосновения, которые способствуют их сближению.

В обеих странах сильная центральная власть играет ключевую роль в принятии решений и реализации стратегических проектов. И Китай, и Казахстан делают ставку на экономический рост и модернизацию. Обе страны заинтересованы в формировании многополярного мира, где роль Запада будет сбалансирована. Различия, в свою очередь, создают определенные вызовы, но не являются препятствием для сотрудничества. Разные подходы к политическому устройству могут быть взаимодополняющими, позволяя каждой стране использовать свои преимущества.

Более того, несмотря на различие внутренних приоритетов, где Китай делает акцент на укреплении своих глобальных позиций, а Казахстан сосредоточен на обеспечении социальной справедливости и внутренних преобразованиях, стратегические подходы двух стран имеют общие направления развития. Китайская Народная Республика реализует концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», которая ориентирована на расширение международного сотрудничества и укрепление глобального взаимодействия. Республика Казахстан последовательно осуществляет курс «Справедливый Казахстан», направленный на проведение внутренних политических, экономических и социальных преобразований. Несмотря на различия в масштабах экономики и международном влиянии, обе концепции представляют собой институциональные ответы на современные вызовы развития. Их сравнительный анализ позволяет определить общие направления сотрудничества, выявить взаимодополняющие элементы и обозначить ключевые сферы совпадения стратегических интересов.

Современная институциональная модель развития Китая основана на централизованной системе государственного управления, в которой ведущая роль принадлежит Коммунистической партии Китая. Концепция «Сообщества

единой судьбы человечества», представленная на международном уровне Председателем КНР Си Цзиньпином, отражает внешнее направление внутренней политики модернизации страны, известной как китайская модернизация.

Главной особенностью данной модели является долгосрочное государственное планирование, которое реализуется через пятилетние планы и долгосрочные программы развития. Основные цели закреплены в стратегических документах и определяют приоритеты развития государства на длительную перспективу. Государственные органы, включая Государственный совет КНР и Государственный комитет по развитию и реформам, действуют согласованно, обеспечивая эффективное распределение ресурсов и выполнение поставленных задач.

Экономической основой современной модели развития Китая является концепция двойной циркуляции. Она предусматривает активное развитие внутреннего рынка при одновременном сохранении высокой активности во внешнеэкономической деятельности. При этом основное внимание уделяется не увеличению темпов экономического роста, а повышению его качества. Реализация данного подхода сопровождается значительной государственной поддержкой высокотехнологичных отраслей, включая искусственный интеллект, производство полупроводников, развитие зеленой энергетики и других современных направлений промышленности.

На внешнем уровне процесс оформления сообщества единой судьбы происходит путем формирования новых структур развития, которые дополняют или замещают существующие институты. К таким организациям относятся инициатива ОПОП, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути. В итоге политика модернизации Китая направлена на изменение мировой системы управления в сторону многополярности, в которой Китай становится главным экономическим и технологическим центром.

Модель модернизации Казахстана, запущенная Президентом Касым Жомартом Токаевым, в первую очередь сосредоточена на обновлении институтов внутри страны. Курс на построение Справедливого Казахстана нацелен на отказ от суперпрезидентской системы управления и олигархического капитализма, которые сложились в прошлые годы. Основой этого политического курса является принцип, который предполагает наличие сильного Президента, влиятельного Парламента и подотчетного Правительства. Важнейшим инструментом стала концепция Слышащего государства, обязывающая чиновников быстро отвечать на запросы гражданского общества посредством использования цифровых платформ, таких как eGov или Открытые бюджеты, а также через механизмы общественного контроля.

В области экономики институциональные преобразования направлены на устранение олигополий, развитие конкуренции на основных рынках и возврат незаконно вывезенных капиталов. Казахстан постепенно уходит от политики жесткого государственного капитализма, делая акцент на защите прав частных собственников, поддержке малого и среднего предпринимательства и создании

условий для честной конкурентной среды. Главный орган по экономическим вопросам в лице Высшего совета по реформам делает ставку на диверсификацию экономики и снижение зависимости от экспорта сырья.

Внешняя политика Казахстана по-прежнему основывается на принципах прагматичной многовекторности. Происходит укрепление роли республики как лидера в регионе Центральной Азии, способного быть надежным связующим звеном между Востоком и Западом, крупным транспортным и логистическим узлом, а также предсказуемым партнером для зарубежных инвесторов. Несмотря на фундаментальные различия в целях, где Китай ориентирован на реализацию масштабного глобального проекта, а Казахстан сосредоточен на глубоком внутреннем реформировании, данные модели демонстрируют высокий уровень взаимной дополняемости. Точки сопряжения лежат в пересечении внешних инициатив Китая и внутренних потребностей Казахстана.

Первой и самой надежной точкой для взаимодействия двух стран является транспортно-логистическая сеть. Казахстан объединил свою государственную программу развития инфраструктуры с китайским проектом ОПОП. Важнейшим звеном этого союза выступает Транскаспийский международный транспортный маршрут, известный также как Средний коридор. Для Казахстана это возможность расширить свои экспортные пути, что полностью соответствует стратегии Справедливого Казахстана. Для Китая же этот сухопутный путь является критически важным способом доставки товаров в страны Европейского Союза, так как он защищен от различных геополитических рисков. Такое взаимодействие поддерживается работой совместных сухих портов, например в Хоргосе, а также деятельностью логистических терминалов и исполнением таможенных соглашений.

Второй точкой соприкосновения является партнерство в сфере промышленности и инноваций. Курс на построение Справедливого Казахстана требует создания большого количества новых рабочих мест, диверсификации производства и постепенного отказа от простой продажи сырой нефти и металлов за рубеж. В это же время Китай, стремясь к высококачественному экономическому развитию, активно переносит свои производственные мощности за пределы страны. Объединение усилий происходит за счет запуска совместных предприятий с использованием передовых технологий на территории Казахстана в таких отраслях, как машиностроение, автомобильная индустрия и химическая промышленность. В результате Казахстан получает доступ к новым технологиям, а Китай приобретает локализованные производственные площадки внутри границ Евразийского экономического союза.

В качестве третьего направления выделяется инициатива «Цифровой Шелковый путь» и развитие сферы информационных технологий. Республика Казахстан целенаправленно развивает институты электронного правительства, претендуя на роль ведущего технологического хаба в Центральной Азии. В свою очередь, Китайская Народная Республика обладает передовыми компетенциями и технологиями в сфере обработки больших данных, искусственного интеллекта

и электронной коммерции. Интеграция опыта таких крупных китайских корпораций, как Huawei и Alibaba, с казахстанской инновационной экосистемой Astana Hub позволяет Казахстану значительно ускорить процессы модернизации государственного аппарата и финансового сектора.

Четвертым направлением сопряжения выступает зеленая энергетика и экологическая модернизация. Государства закрепили на институциональном уровне цели достижения углеродной нейтральности к 2060 году как в Китае, так и в Казахстане. Поскольку Китай занимает лидирующие позиции в мире по производству оборудования для возобновляемых источников энергии, а Казахстан располагает значительным потенциалом для развития ветровой и солнечной энергетики, институциональное сотрудничество между двумя государствами способствует привлечению китайских инвестиций в строительство объектов возобновляемой энергетики на территории Республики Казахстан. Данное направление сотрудничества соответствует стратегическим целям устойчивого развития обеих стран и создает условия для дальнейшего расширения инвестиционного взаимодействия.

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые долгосрочные направления взаимной заинтересованности сторон. Для Китая стратегическое значение сотрудничества с Казахстаном определяется прежде всего обеспечением надежного и бесперебойного транзитного сообщения через евразийское пространство, что имеет важное значение для реализации транспортных и логистических проектов. Существенный интерес также представляет стабильный доступ к природным ресурсам Казахстана, включая нефть, природный газ, уран, медь и редкоземельные металлы, необходимые для устойчивого развития высокотехнологичных отраслей китайской экономики. Важным направлением остается поддержание стабильности и безопасности на западных рубежах Китая, а также предотвращение распространения факторов нестабильности и проявлений религиозного экстремизма.

Для Казахстана сотрудничество с Китаем представляет значительный интерес с точки зрения привлечения прямых иностранных инвестиций при сохранении приемлемого уровня долговой нагрузки на государственный бюджет. Одним из приоритетных направлений является расширение присутствия казахстанской продукции на китайском рынке, прежде всего продукции агропромышленного комплекса и товаров с высокой степенью переработки.

Не менее важным является доступ к современным китайским технологиям в промышленности, энергетике и сфере управления водными ресурсами, что способствует повышению технологического уровня национальной экономики.

Вместе с тем различия в масштабах экономического и политического развития двух государств создают предпосылки для возникновения отдельных институциональных противоречий, что обусловливает необходимость своевременного выявления потенциальных рисков и применения эффективных механизмов их управления. Такой подход позволит обеспечить устойчивое

развитие двустороннего сотрудничества и повысить результативность реализации совместных проектов.

Одним из ключевых вызовов для Казахстана остается сохранение сырьевой направленности двусторонней торговли. Реализация курса на концепцию Справедливый Казахстан предполагает развитие равноправного партнерства, в связи с чем государственные институты Республики Казахстан должны обеспечивать контроль уровня локализации производств, соблюдения экологических стандартов при реализации китайских проектов на территории страны, а также поддержание сбалансированного подхода к использованию трудовых ресурсов. В свою очередь, институциональная прозрачность, декларируемая концепцией Слышащее государство, ориентирована на снижение коррупционных рисков в процессе реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов, что способно повысить уровень их общественной легитимности в Казахстане.

Сравнительное исследование показывает, что глобальная стратегия КНР «Сообщество единой судьбы человечества» и внутриполитический курс РК «Справедливый Казахстан» не противоречат, а институционально дополняют друг друга. Китай предлагает глобальные инструменты развития, инфраструктурные сети и технологическую базу. Казахстан, в свою очередь, предлагает стабильные институциональные условия для инвесторов, выгодное географическое положение и готовность к модернизации экономики.

Эффективное сопряжение этих моделей позволяет Казахстану ускорить внутренние реформы, построить диверсифицированную экономику и укрепить суверенитет. Для Китая успешное сотрудничество с РК служит эталоном реализации его глобальной концепции на двустороннем и региональном уровнях, подтверждая жизнеспособность идеи совместного развития.

Процесс сопряжения глобальной стратегии КНР с внутренней модернизацией Республики Казахстан сопровождается последовательной эволюцией двусторонней нормативно-правовой базы. Правовые основы взаимодействия постепенно трансформировались от общего закрепления принципов сотрудничества к формированию комплексных механизмов правовой защиты, соответствующих современным международным стандартам регулирования.

Существенным этапом развития правового обеспечения двусторонних отношений стало подписание и последующая ратификация нового межправительственного соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Указанный документ пришёл на смену соглашениям начала 1990-х годов, утратившим актуальность в условиях изменившейся международной экономической среды, и значительно преобразовал условия ведения предпринимательской деятельности. Закон о ратификации данного соглашения, подписанный Президентом Казахстана в мае 2026 года, закрепил применение принципов национального режима и режима наибольшего благоприятствования на паритетной основе. Это обеспечило юридическое равенство прав

казахстанских и китайских инвесторов, существенно сократив вероятность дискриминационного подхода.

Особую роль в тексте соглашения играет детальное описание условий защиты собственности и процедур, связанных с возможным изъятием активов. Подобные действия разрешены только в том случае, если они продиктованы общественными интересами, и обязательно предусматривают выплату справедливой компенсации. Установленная возможность обращения в международный арбитраж повышает уровень правовой защиты для инвесторов и помогает снизить риски, что полностью отвечает целям построения прозрачной и понятной деловой среды в рамках курса на Справедливый Казахстан [167].

В то же время происходит укрепление правовой базы в области сотрудничества по технологическим и инфраструктурным вопросам. Межправительственные договоры о технико-экономическом взаимодействии фиксируют методы совместного финансирования и предоставления грантов, в том числе для проектов по внедрению цифровых технологий и развитию космических исследований, что находит свое отражение в подписанных соглашениях о выделении Китаем безвозмездной финансовой помощи для нужд Казахстана. Существенным шагом в развитии двустороннего сотрудничества стало также введение безвизового режима, значительно упростившего мобильность предпринимателей и ускорившего реализацию деловых процессов в рамках инициативы ОПОП. В результате нормативно-правовая система двусторонних отношений постепенно трансформировалась из преимущественно регулирующего механизма в инструмент, ориентированный на поддержку и правовую защиту инвестиционного капитала.

В отношениях между Китаем и Казахстаном, на сегодня, наиболее важным соглашением считается «вечное всестороннее стратегическое партнёрство», которое охватывает несколько ключевых направлений. Особо важным направлением для Китая видится то, что Казахстан является ключевым звеном в китайской инициативе ОПОП. Через его территорию проходят важные транспортные коридоры, соединяющие Китай с Европой. Это делает Казахстан главным логистическим партнёром Пекина в Центральной Азии. Китай, в свою очередь, является одним из крупнейших инвесторов и торговых партнёров Казахстана. Казахстан к тому же является важным поставщиком нефти и газа для Китая, что способствует энергетической безопасности обеих стран. «Западная Европа-Западный Китай». Двустороннее взаимодействие между Китаем и Казахстаном охватывает и сферу государственного управления, где накопленный каждой из сторон опыт представляет взаимный практический интерес.

Одним из центральных совместных проектов в рамках инициативы ОПОП как для Казахстана, так и для Китая стал международный транспортный коридор Западная Европа Западный Китай. Этот маршрут позволяет значительно сократить время и расходы на доставку грузов между азиатским и европейским регионами, превращая Казахстан в важный логистический центр между Востоком и Западом. Строительство и обновление железных дорог способствуют

повышению их пропускной способности и улучшению внутренней логистики, что стимулирует экономический рост и привлечение новых вложений. Развитие и модернизация сухих портов, например таких как Хоргос, вместе с созданием современных железнодорожных и автомобильных путей на территории Казахстана являются основными условиями для обеспечения стабильного товарооборота. Китай активно направляет инвестиции в экономику республики, поддерживая различные проекты в секторах энергетики, инфраструктуры и промышленности. Такие вложения помогают создавать рабочие места, внедрять новые технологии и увеличивать государственные доходы.

Обе страны играют важную роль в деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Их совместная работа в рамках этой структуры помогает бороться с тремя силами зла, к которым относятся терроризм, экстремизм и сепаратизм. Это способствует укреплению региональной безопасности и формирует основу для ведения политического диалога. Более того сотрудничество в рамках ШОС создает условия для отказа от применения ядерного оружия и решения территориальных споров, а также помогает эффективнее совместно противодействовать международному терроризму, религиозному экстремизму, национальному сепаратизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, а также нелегальной миграции. Взаимодействие в формате ШОС позволило Казахстану разрешить ряд пограничных споров, а постепенное и открытое сокращение численности вооруженных сил в приграничных зонах помогло окончательно снять остатки военно-политического напряжения [168].

Для Китая поддержание стабильности в Центральной Азии и особенно в Казахстане имеет огромное значение для обеспечения безопасности приграничного Синьцзян Уйгурского автономного района. Это делает Казахстан важным союзником в вопросах региональной стабильности. Помимо взаимодействия в сфере обороны и политики, участие в работе ШОС открывает возможности для сотрудничества в области экологии, а также помогает развивать торгово-экономические отношения между странами. Особый интерес Китай проявляет к энергоресурсам Центральной Азии и Каспийского региона. Быстрые темпы развития экономики вынуждают правительство Китая искать новые источники энергоресурсов. Крупнейшие китайские компании сегодня занимаются добычей нефти на казахстанских месторождениях и активно инвестируют в нефтедобывающий сектор республики. Совместными усилиями в сжатые сроки в 2006 г. был введен в эксплуатацию магистральный трубопровод Атасу – Алашанькоу с проектной мощностью 20 млн. т/г (с возможностью расширения до 40 млн тонн), который расширяет экспортные возможности Казахстана и играет важную роль в диверсификации маршрутов транспортировки казахстанских энергоресурсов на мировые рынки. В 2013 году был введен в эксплуатацию второй нефтепровод Кенкияк–Атырау–Алашанькоу, увеличивший общий объем транспортировки нефти между странами. Одновременно с этим Китай участвовал на равно-долевой основе в строительстве газопровода «Бейнеу–Бозой–Шымкент». Строительство было начато в 2010 году, завершено в 2015 году, стоимость проекта составила 5,5 млрд

долларов США. Маршрут магистрального газопровода диаметром трубы 1067мм проходит по территориям Мангистауской, Актюбинской, Кызылординской и Южно-Казахстанкой областей. Реализация осуществлялось в несколько этапов. Газопровод позволил газифицировать 577 населенных пунктов Казахстана, из которых 230 находятся в Южно-Казахстанской области. До строительства МГП «ББШ» Казахстан импортировал природный газ из Узбекистана и России. Газопровод обеспечил страну собственным газом и снизил зависимость от импорта. В 2024 году начато строительство второй нитки газопровода «Бейнеу–Бозой–Шымкент», которая позволит увеличить пропускную способность до 25 млрд кубометров газа в год [169].

Китай является ведущим торгово-экономическим партнером Казахстана, занимая первое место по объему двусторонней торговли. В 2023 году объем двусторонней торговли между Казахстаном и Китаем достиг значительных масштабов. По данным китайской стороны, объем торговли составил 41 миллиард долларов, что на 32% больше по сравнению с предыдущим годом. В то же время, казахстанская статистика оценила этот показатель в 31,5 миллиарда долларов. Разница в данных объясняется различными методами учета и возможными недочетами в отслеживании торговли. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев поставил задачу перед правительством доведения товарооборота до $100 млрд в ближайшем будущем [170]. По итогам 2024 года объем двусторонней торговли между Казахстаном и Китаем достиг уже $43,8 млрд. Этот показатель стал историческим максимумом и свидетельствует о постоянном укреплении торгово-экономических связей между двумя странами. При этом Казахстан активно работает над диверсификацией своего экспорта и расширением ассортимента поставляемой в Китай продукции.

Китай активно инвестирует в экономику Казахстана. Китайские компании участвуют в различных проектах в сферах энергетики, инфраструктуры, логистики и промышленности. В 2022 году объем китайских инвестиций в Казахстан составил около $20 миллиардов. Значительные инвестиции направлены на развитие инфраструктурных проектов в рамках инициативы ОПОП. Китайские компании также инвестируют в проекты по развитию возобновляемых источников энергии в Казахстане, включая солнечные и ветровые электростанции. Это сотрудничество способствует устойчивому развитию энергетического сектора в обеих странах. Казахстан является одним из крупнейших поставщиков урана для Китая, что играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности Китая. Китайские инвестиции в том числе направлены на развитие казахстанских урановых месторождений. Сотрудничество Казахстана и Китая в индустриально-инвестиционной сфере значительно укрепилось в последние годы. На территории Казахстана работает 3 тыс. совместных предприятия с китайскими компаниями в различных отраслях, включая металлургию, химическую промышленность и машиностроение [171].

Эти предприятия способствуют передаче технологий и увеличению производственных мощностей. Для казахстанских предприятий в совместных проектах наиболее интересным является, конечно, трансфер технологий и

обучение казахстанских специалистов. Нельзя забывать и о защите окружающей среды, Казахстан стремится оптимизировать свою энергетическую структуру и обеспечить устойчивое развитие, активно продвигая проекты по чистой энергетике и инфраструктуре. 10 июня 2024 года президент Касым-Жомарт Токаев издал указ, вносящий изменения и дополнения в Концепцию по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике», с целью уточнения целей и путей достижения зеленого экономического перехода [172]. Казахстан не менее заинтересован и в проектах по развитию цифровых технологий и укреплению сотрудничества в сфере инноваций.

Эти итоги свидетельствуют о глубоких и многогранных экономических связях между Казахстаном и Китаем, направленных на укрепление экономических связей и совместное развитие в различных сферах.

Взаимовыгодное сотрудничество Казахстана и Китая в аграрном секторе является одним из важнейших направлений двусторонних отношений. Казахстан экспортирует в Китай пшеницу, мясо, молочные продукты, масличные культуры, фрукты и овощи. Из Китая в Казахстан идут фрукты, овощи, рис, соя, рыба и морепродукты. Китайские компании инвестируют в строительство элеваторов, заводов по переработке сельхозпродукции, а также в развитие орошения и мелиорации. Страны плодотворно сотрудничают в области обмена опытом и знаниями в области сельского хозяйства, предоставляя казахстанским аграриям доступ к спутниковым технологиям, которые позволяют оптимизировать использование земель, воды и удобрений. Казахстанские аграрии сегодня внедряют передовые китайские агротехнологии, такие как точное земледелие, системы капельного орошения, использование высокоурожайных сортов семян и т.д.

В Казахстане реализовано несколько крупных совместных инвестиционных проектов в сфере АПК. Хорошим примером может послужить проект по развитию животноводства в Алматинской области, между ТОО «Караой» и CITIC Construction, создавшие вертикальный кластер по свиноводству, включающий фермы, мясоперерабатывающий комбинат и генетический центр.

Другой хорошей инициативой является проект по строительству завода по производству дождевальных оросительных систем. Китайская компания «VODAR» строит завод в Жамбылской области, который будет производить дождевальные системы орошения по доступным ценам. Сюда можно отнести и Китайскую компанию Wanlin Group, которая строит также в Жамбылской области предприятие по глубокой переработке и сублимации белого лука.

Помимо этих проектов, реализуется множество других инициатив, направленных на укрепление сотрудничества между Казахстаном и Китаем в аграрном секторе. Сотрудничество с Китаем дает Казахстану возможность:

– Увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции.
– Привлечь инвестиции в АПК.
– Внедрить передовые технологии.
– Развить инфраструктуру.

– Создать новые рабочие места.

Ожидается, что сотрудничество Казахстана и Китая в аграрном секторе будет и дальше развиваться, что будет способствовать продовольственной безопасности обеих стран.

На фоне положительной динамики развития торгово–экономического сотрудничества, вопросы совместного использования водных ресурсов трансграничных рек не выглядят столь впечатляющими.

Казахстан и Китай имеют 2 крупных трансграничных речных бассейна, Ертисский и Балхаш-Алакольский, а также несколько более мелких бассейнов, включающих 24 трансграничные рек и водотоков. Среди них 6 относятся к бассейну реки Ертис, 7 к бассейну реки Иле и 3 к бассейну реки Эмель, а также другие водные объекты.

По оценкам казахстанских специалистов, выполненным Научно-исследовательским институтом водного хозяйства, Казгипроводхозом и Комитетом по водным ресурсам в 2005 и 2010 годах, для надежного водоснабжения и сохранения экологического баланса в бассейнах рек Ертис и Иле необходимо учитывать дальнейший рост забора воды на территории Китая. Увеличение водопотребления связано с ростом населения, особенно после начала государственной программы освоения западных регионов Китая, переселением жителей из центральных районов в Синьцзян Уйгурский автономный район, развитием промышленности, добычей нефти и расширением площади орошаемых земель. Если Китай полностью использует водные ресурсы участков рек Ертис и Иле, расположенных на своей территории, годовой объем стока этих рек может значительно сократиться. Река Ертис берет начало в Китае, затем протекает через Казахстан и Россию, после чего впадает в реку Обь. Река Иле начинается в горах Тянь Шаня на территории Китая на высоте 3540 метров в месте слияния рек Кунгес и Текес. Общая длина реки составляет 1439 километров, из которых 815 километров, или более половины, находятся на территории Казахстана. Иле впадает в западную часть озера Балхаш и обеспечивает его значительной частью пресной воды. В Государственной программе управления водными ресурсами Казахстана на 2014 и 2040 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан № 786 от 4 апреля 2014 года, отмечается, что ожидаемое сокращение поверхностного стока связано главным образом с уменьшением притока воды из трансграничных рек. Такой прогноз основан на том, что соседние государства в последние годы увеличивают объемы водозабора из-за экономического и социального развития своих регионов. Наибольшему риску снижения притока воды подвержены реки Ертис и Иле, которые берут начало на территории КНР [173].

Экономическое значение реки Иртыш для Казахстана очень велико. В ее бассейне на территории страны проживает около 2,5 миллиона человек. Здесь находятся крупные промышленные города Усть-Каменогорск, Семипалатинск и Павлодар. Вода реки используется для обеспечения потребностей Центрального Казахстана. Кроме того, дальнейшее развитие энергетики, промышленности и сельского хозяйства во многом зависит от эффективного использования водных

ресурсов Иртыша. Увеличение объемов использования воды этой реки на территории Китая может привести для Казахстана к серьезным социально экономическим и экологическим последствиям.

В последние годы Казахстан и Китай создали достаточно развитую договорно правовую основу для сотрудничества в сфере использования и охраны трансграничных рек. Она включает несколько соглашений и протоколов, регулирующих взаимодействие двух стран. Наиболее важным документом стало Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области использования и охраны трансграничных рек, подписанное 12 сентября 2001 года. Документ предусматривает совместную работу по созданию единых методов наблюдения, измерения, анализа и оценки количества и качества воды, а также по изучению возможных изменений водности и состояния трансграничных рек в будущем. Для выполнения положений этого соглашения 31 октября 2003 года была создана Совместная казахстанско-китайская комиссия по использованию и охране трансграничных рек. В рамках ее деятельности сформированы рабочие группы, которые занимаются обменом гидрологической и гидрохимической информацией. Соглашение 2001 года имеет общий рамочный характер, поэтому его положения предполагалось развивать и уточнять через принятие новых соглашений по отдельным вопросам сотрудничества, конкретным рекам и направлениям совместной работы. Позднее были подписаны соглашения об экстренном оповещении при чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях на трансграничных реках в 2005 году, а также соглашение о развитии научно-исследовательского сотрудничества на трансграничных реках в 2006 году. В 2011 году Казахстан и Китай подписали два важных межправительственных соглашения. Первое касалось охраны качества воды в трансграничных реках, а второе было посвящено сотрудничеству в области охраны окружающей среды. Одновременно с заключением общих соглашений продолжилось развитие договорно правовой базы по отдельным трансграничным рекам. Одним из таких документов стало соглашение между представителями Райымбекского района Алматинской области Республики Казахстан и представителями уезда Джау Су Или Казахской автономной области Китайской Народной Республики о сотрудничестве в использовании трансграничных рек Сумбе и Кайшибулак, которое было подписано 12 июля 2004 года.

Новым этапом в развитии сотрудничества между Казахстаном и Китаем, в том числе по вопросам трансграничных рек, стало подписание Совместной декларации о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства. Этот документ был подписан главами двух государств 7 сентября 2013 года. В тот же день было заключено Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об управлении и эксплуатации совместного гидроузла «Достык» на реке Хоргос. В соответствии с этим соглашением две страны совместно построили и эксплуатируют гидроузел и гидрологический пост на трансграничной реке Хоргос. Распределение воды осуществляется на равных условиях, при которых

каждая сторона получает по 50 процентов водных ресурсов независимо от численности населения, проживающего в приграничных районах. Реконструкция совместного водозаборного сооружения на реке Сумбе и строительство совместной селезадерживающей плотины «Чукурбулак, позволила обеспечить бесперебойное водоснабжение населения и промышленных предприятий в приграничных районах Казахстана и Китая. Помогло снизить риск наводнений и повысить надежность и безопасность водоснабжения. Таким образом, этот проект стал наглядным примером успешного сотрудничества Казахстана и Китая в сфере использования и охраны трансграничных водных ресурсов. В ходе реализации подписанных соглашений стороны регулярно обмениваются гидрологической информацией, разрабатывают единые стандарты измерений и формируют открытую базу данных по речным бассейнам. Также были решены вопросы совместного управления гидроузлами, реконструкции устаревших объектов и строительства сооружений для защиты от селевых потоков.

Несмотря на заметные успехи в работе совместных комиссий и экспертных групп, ряд вопросов пока остается нерешенным. В настоящее время Казахстан и Китай проводят совместное исследование для оценки водных ресурсов во всем бассейне трансграничных рек Ертис, Иле и Емель. В рамках этой работы планируется определить объемы естественного речного стока, ежегодно формирующегося на территории обеих стран. По словам Скляра, отвечавшего на запрос депутатов Мажилиса от Народной партии Казахстана, результаты исследования будут использованы для определения доли водных ресурсов каждой стороны и расчета потребностей природных экосистем, включая озера Балхаш, Зайсан, Алаколь и дельту реки Иле [174]. Основным вопросом сотрудничества между РК и КНР является разработка нормативно-правовой базы по делению водных ресурсов трансграничных рек. Согласованная структура проекта Соглашения включает 31 статью, по данным на конец 2024 года, более 60% статей проекта соглашения уже согласованы. Переговоры по остальным пунктам продолжаются. Этот процесс является сложным, так как требует учета множества факторов, включая потребности экономики, экологии и населения обеих стран.

Основная задача этого документа – гарантировать стабильный приток воды, необходимый для сохранения озера Балхаш на оптимальном уровне. В проекте также предусмотрены нормы, учитывающие потребности экосистем других водоемов, таких как Зайсан и Иртыш. Над проектом соглашения работает совместная казахстанско-китайская рабочая группа, в которую входят эксперты обеих стран. Хотя переговоры по вододелению начались еще в 2013 году, они не были завершены. Отсутствие нормативно-правовой базы по делению водных ресурсов является главной проблемой в двустороннем сотрудничестве по этому вопросу. На данный момент действуют более старые соглашения, которые регулируют сотрудничество в сфере использования и охраны трансграничных рек, но не содержат конкретных норм по вододелению.

Вопрос трансграничных рек по-прежнему остается частью повестки двух стран, последнее заседание Китайско-Казахстанской совместной комиссии по использованию и охране трансграничных рек состоялось 29 мая 2025 года в Пекине. В ходе встречи стороны обсудили вопросы совместного контроля за состоянием трансграничных рек, сотрудничество в области охраны окружающей среды и обменялись информацией о гидрологической ситуации. По итогам заседания был подписан протокол. На заседании выступили официальные представители с двух сторон со словами о дружбе и сотрудничеству двух стран по трансграничным рекам. Однако, как мы могли заметить, Китай никуда не торопиться и не спешит с согласованием всех пунктов предстоящего межгосударственного соглашения. В отношении трансграничных рек Китай избегает принятия каких-либо обязанностей по соблюдению международных правил и как общеизвестно, Китай не присоединился к двум основополагающим международным соглашениям, как Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков и Конвенция об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер. Вопросы регулирования трансграничного водотока, Китай предпочитает проводить путем двухсторонних переговоров, но на практике это не дает каких-либо значительных результатов. По мнению международных экспертов, Китай, на территории которого берут начало многие трансграничные реки, с самого начала имеет более выгодное положение в отношениях с соседними государствами, включая Казахстан, Россию, Индию, Непал, Бутан, Мьянму, Лаос и Вьетнам. Именно поэтому китайская сторона не торопится заключать со всеми соседними странами соглашения о совместном использовании и охране международных водных ресурсов. Китай предпочитает внимательно и всесторонне анализировать все вопросы, связанные с использованием водных ресурсов, рассчитывая свои действия на долгосрочную перспективу. При этом учитываются демографические изменения, рост потребностей страны и возможность максимально полного использования водных ресурсов, находящихся на собственной территории. По нашему мнению, для Казахстана в данной ситуации, наиболее эффективным инструментом решения водных проблем с Китаем, является использование потенциала ШОС. И это с учетом того, что одним из ключевых целей организации является совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, а также защита окружающей среды стран-участниц. Тем более, что заинтересованными сторонами решения этого вопроса будут выступать Россия и Индия. Оба крупных участника этой организации имеют такие же проблемы с Китаем, связанные с использованием водных ресурсов трансграничных рек, и будут весьма заинтересованы в урегулировании этого вопроса на основе признанных норм международного права. В случае отказа китайской стороны соблюдать условия соглашения, важно предусмотреть необходимые санкции со стороны международных правовых организаций. Помимо этого, для оптимизации двустороннего сотрудничества в этом направлении, можно в соглашение о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных

рек внести ряд предложений таких как включение в него цифровых механизмов совместного мониторинга (IoT-датчики, спутниковые данные) в режиме реального времени. Это позволит минимизировать политические спекуляции и опираться на объективные технические показатели. Предложить создание постоянно действующего Межгосударственного научно-исследовательского центра по изучению экосистем рек Или и Иртыш. В рамках центра следует проводить совместные экспертизы влияния климатических изменений и антропогенной нагрузки, что создаст общую доказательную базу для переговорного процесса. Увязать водный вопрос с участием Казахстана в китайских экологических проектах (например, «Зеленый Шелковый путь»). Рекомендуется продвигать тезис о том, что сохранение водного баланса в приграничных районах является необходимым условием для долгосрочной стабильности и безопасности всей инициативы «Один пояс, один путь».

В области же преодоления инвестиционного дисбаланса рекомендуется внедрить механизм «стратегической локализации», то есть установить для китайских инвесторов в обрабатывающем секторе KPI по поэтапному увеличению доли казахстанского содержания в производстве, а также обязательства по трансферту технологий и обучению местных кадров. Целесообразным является и внедрение диверсификации инвестиционного портфеля путем создания совместных предприятий (СП) в высокотехнологичных и аграрных отраслях, ориентированных на экспорт готовой продукции обратно в КНР. Это позволит перейти от модели «сырье в обмен на инвестиции» к модели «совместное производство для общего рынка».

Разработать систему «инвестиционного скоринга» при Министерстве национальной экономики РК для оценки соответствия предлагаемых китайских проектов целям стратегии «Справедливый Казахстан». Приоритет должен отдаваться проектам с минимальной долговой нагрузкой на бюджет и максимальным мультипликативным эффектом для малого и среднего бизнеса.

Выводы по третьему разделу

Проведённый в третьем разделе анализ замыкает логическую линию всей работы. Если первый раздел раскрыл историко-культурные и теоретические основания китайской модели, а второй - внутреннюю механику её трансформации, то здесь прослеживается, как эти внутренние сдвиги конвертируются во внешнеполитическое действие и в конкретную практику казахстанско-китайских отношений. Тем самым исследование выходит на свой прикладной уровень: абстрактные закономерности эволюции политической системы КНР проверяются на материале двустороннего взаимодействия, где они приобретают зримое, поддающееся оценке выражение.

Применительно к Республике Казахстан рассмотренная трансформация задаёт качественно новую переговорную среду, отличающуюся растущей асимметрией потенциалов и повышенными требованиями к самостоятельности национальной стратегии. Именно поэтому в разделе акцент сделан не на общих оценках, а на прикладных механизмах - в сферах трансграничного

водопользования, инвестиционного баланса и многостороннего позиционирования, - позволяющих республике сохранять субъектность при углублении партнёрства.

Проведённый анализ влияния трансформации политической системы КНР на её внешнеполитическую стратегию и казахстанско-китайское сотрудничество позволяет сформулировать следующие итоговые положения:

1. Установлено, что современная внешнеполитическая доктрина КНР перестала быть лишь инструментом обеспечения благоприятных условий для экономического роста и трансформировалась в прямое продолжение внутренней стратегии «национального возрождения». Внутренние факторы - потребность в сохранении монополии КПК на власть в условиях замедляющейся экономики и приоритет идеологической безопасности - выступают базисом, на котором выстраивается современная внешнеполитическая архитектура страны.
2. Выявлено, что после 2022 года политическая система КНР совершила переход от модели «адаптивного авторитаризма» к высокотехнологичной централизованной системе управления. В ходе 15-го пятилетнего плана (2026–2030) приоритет идеологической и технологической безопасности окончательно закрепился над темпами экстенсивного экономического роста, что делает внешнюю политику Пекина более предсказуемой в долгосрочном планировании, но одновременно более требовательной к союзническим стандартам безопасности.
3. Доказано, что внешнеполитические принципы КНР претерпели значительную трансформацию: страна отошла от доктрины «скрывать свои возможности и ждать своего часа» и перешла к роли активного архитектора нового мирового порядка. Эта роль концептуально оформлена в идее «сообщества единой судьбы человечества» и институционально закреплена системой глобальных инициатив - «Один пояс, один путь», GDI, GSI, GCI и GGI, - выполняющих не только экономическую, но и нормативную функцию по формированию альтернативной архитектуры глобального управления.
4. Обосновано, что переход КНР к «новой эпохе» под руководством Си Цзиньпина обусловил смену парадигмы взаимодействия с Республикой Казахстан: от адаптивного встраивания в существующие международные институты - к активному формированию альтернативной нормативной базы. Для Казахстана это означает необходимость адаптации к более жёсткой, иерархичной и идеологизированной модели переговорного процесса со стороны Пекина.
5. Аргументировано, что в контексте «всестороннего, всеобъемлющего и вечного стратегического партнёрства» политические системы Китая и Казахстана демонстрируют высокую степень институциональной совместимости при сохранении принципиальных различий. Общими основами выступают прагматизм, приоритет экономического развития и стремление к многополярному миру; концепции «китайской мечты» и

стратегии «Справедливый Казахстан» обнаруживают точки стратегического сопряжения, что создаёт основу для углубления партнёрства при условии сохранения политической субъектности Казахстана.

6. Обоснована необходимость институционализации механизмов контроля в сфере трансграничного водопользования. В условиях отсутствия многосторонних правовых обязательств КНР единственным эффективным путём защиты национальных интересов Республики Казахстан является внедрение инструментов цифрового мониторинга и создание совместных научно-исследовательских структур. Это позволяет перевести диалог из политической плоскости в технико-аналитическую, опираясь на верифицируемые данные об экосистемах рек Или и Иртыш.
7. Сформулирована авторская концепция «стратегической локализации» как инструмента преодоления инвестиционного дисбаланса. Показано, что текущая модель сотрудничества «сырьё в обмен на инвестиции» несёт риски консервации технологической отсталости; в качестве решения предложен переход к модели совместного производства через внедрение системы «инвестиционного скоринга» и установление KPI по трансферту технологий, обеспечивающих соответствие китайских проектов задачам модернизации «Справедливого Казахстана».
8. Установлено, что позиционирование Казахстана в контексте «Зелёного Шёлкового пути» является наиболее перспективным рычагом влияния в переговорах с Пекином. Увязка вопросов водной безопасности со стабильностью китайских глобальных инициатив позволяет Республике Казахстан повысить свою переговорную субъектность и минимизировать риски региональной дестабилизации.
9. Сделан вывод о безальтернативности многовекторного внешнеполитического курса Республики Казахстан в условиях асимметричной взаимозависимости. Сохранение баланса интересов и развитие многосторонних форматов (ШОС, СВМДА) выступает ключевым условием защиты суверенитета РК, а прагматичное использование географического положения и институциональное укрепление двустороннего диалога позволяют республике выступать не объектом, а активным и ответственным участником евразийской интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, который имеет большое значение для понимания современного Китая. Политическую систему КНР нельзя полностью объяснить с помощью традиционных подходов западной политологии, включая концепцию авторитарного транзита или модели демократизации. Она представляет собой самостоятельную систему, которая развивается по собственным принципам. Эта система основана на историческом опыте страны и одновременно приспособлена к современным вызовам XXI века, среди которых давление со стороны западных государств, технологическое соперничество с США и необходимость сохранять общественную стабильность в условиях замедления экономического роста.

Центральный тезис работы состоит в том, что трансформация политической системы КНР в эпоху Си Цзиньпина представляет собой не регресс, а качественный переход к новой модели управления. Централизация власти в данном случае не является возвратом к архаичным формам, а опорой на цифровые технологии контроля, переосмысленную конфуцианскую этику и переработанный национальный нарратив. Именно это сочетание и составляет содержание введённого в работе понятия «цифрового конфуцианства» как специфической формы легитимации современной власти КНР.

Не менее значимым представляется вывод о природе китайских глобальных инициатив. Анализ доктрин GDI, GSI, GCI и GGI показывает, что за дипломатической риторикой стоит целостная стратегия формирования альтернативной международной нормативной среды. Китай последовательно переходит от позиции государства, принимающего существующие правила, к позиции одного из их разработчиков - что принципиально меняет характер его взаимодействия с остальными участниками мировой политики.

Для Казахстана всё это формирует качественно иной контекст двусторонних отношений по сравнению с началом 2000-х годов. Если тогда КНР воспринималась преимущественно как источник инвестиций и рынок сбыта сырья, то сегодня речь идёт о влиятельном соседе, активно формирующем технологические стандарты, финансовую инфраструктуру и нормативную среду всего Центральноазиатского региона. Это обстоятельство делает необходимым переход Казахстана от многовекторности как пассивного балансирования, к осознанной стратегии институционального хеджирования - активной защиты собственной субъектности в условиях нарастающей асимметрии.

Именно эта логика - партнёрство без растворения, сотрудничество без утраты субъектности - находит своё отражение в позиции казахстанского руководства. Казахстан и Китай: всестороннее, всеобъемлющее, вечное стратегическое партнёрство.

Выступая 1 сентября 2025 года на заседании Совета глав государств членов Шанхайской организации сотрудничества в китайском городе Тяньцзинь, Президент Республики Казахстан Касым Жомарт Токаев заявил, что Казахстан

полностью поддерживает основные цели ШОС. К ним относятся формирование справедливого многополярного мирового порядка, обеспечение безопасности и стабильности, невмешательство во внутренние дела государств, уважение их права на самостоятельное развитие, развитие справедливой международной торговли и взаимовыгодного инвестиционного сотрудничества. По словам Президента, приоритетные направления деятельности организации направлены на повышение благополучия народов, укрепление безопасности и обеспечение устойчивого развития в условиях новой технологической эпохи. Казахстан также остается приверженным основным принципам, закрепленным в уставных документах ШОС, и считает особенно важным совместное противодействие терроризму, сепаратизму и религиозному экстремизму. Касым Жомарт Токаев подчеркнул, что страна выступает за дальнейшее укрепление Шанхайского духа, который стал символом международной солидарности и сотрудничества во имя мира и глобальной безопасности.

В условиях усиления геополитических противоречий, технологической конкуренции, финансовых и экономических санкций, а также экологических и техногенных кризисов Шанхайская организация сотрудничества должна стать постоянно действующей площадкой для широкого политического взаимодействия, укрепления доверия между государствами, развития гуманитарных связей и расширения диалога между различными цивилизациями. В этой связи Казахстан положительно оценивает инициативы Председателя КНР Си Цзиньпина, посвященные глобальному развитию, глобальной безопасности, глобальной цивилизации и совершенствованию глобального управления. По словам Президента Касыма Жомарта Токаева, особое значение имеет полная реализация десятилетней стратегии развития ШОС, принятой государствами организации. Глава государства также отметил необходимость дальнейшего укрепления сотрудничества в сфере безопасности. Он подчеркнул, что в современных условиях особую угрозу представляют международный терроризм, религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков, нелегальная миграция, киберпреступность и другие опасные явления. По его мнению, эти вызовы, включая так называемые три зла, можно эффективно преодолеть только совместными усилиями всех государств. Именно поэтому Казахстан поддерживает создание четырех специализированных центров ШОС, которые будут заниматься противодействием современным угрозам безопасности. Кроме того, Президент отметил важность расширения сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества и Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Он также призвал страны ШОС продолжать предоставлять Афганистану гуманитарную и техническую помощь для восстановления страны и ее более активного участия в региональном экономическом сотрудничестве. Казахстан уже приступил к реализации нескольких инфраструктурных и логистических проектов на территории Афганистана, которые должны укрепить транспортную связанность между государствами ШОС. В начале августа 2025 года в Алматы при участии Генерального секретаря Организации Объединенных Наций был официально

открыт Региональный центр ООН по целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана. Президент Казахстана предложил всем государствам участникам ШОС совместно использовать возможности этого Центра для координации совместной работы и развития регионального сотрудничества по основным направлениям.

Критически важно, как считает Глава государства, наращивание торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. В этой связи Казахстан поддерживает практические действия ШОС, направленные на развитие свободной и справедливой международной торговли, выступает против применения инструментов санкционного давления.

Внутрирегиональная торговля стран ШОС продолжает уверенно развиваться. По итогам 2024 года ее объем превысил 650 миллиардов долларов. Устойчивый рост демонстрирует и товарооборот Казахстана с государствами организации. В 2023 году он приблизился к 70 миллиардам долларов. Казахстан поддерживает инициативу Китая по созданию Банка развития ШОС и выражает готовность участвовать в реализации этого важного и перспективного проекта. Кроме того, Президент Касым Жомарт Токаев предложил создать на базе Международного финансового центра Астана специальный Офис ШОС, который будет сопровождать перспективные инвестиционные проекты, а также координировать деятельность юридических, финансовых и консалтинговых компаний.

Еще одним важным направлением Президент назвал развитие сотрудничества в сфере транспорта и транзита. Он отметил, что мегапроект «Пояса и пути» обладает огромным потенциалом и уже получил поддержку более чем 150 государств мира. По оценкам, эта глобальная инициатива способна ежегодно приносить всем участникам торговых и логистических маршрутов доход до полутора триллионов долларов. Значительные перспективы также имеют международные транспортные коридоры Север Юг, Восток Запад и Транскаспийский международный транспортный маршрут. Большой интерес представляет и новая инициатива Трансалтайского диалога, направленная на более эффективное использование потенциала Алтайского региона, который объединяет Казахстан, Россию, Китай и Монголию и отличается значительными территориальными, демографическими и экономическими возможностями. Для успешной реализации этих масштабных проектов необходимо продолжать развитие транспортной взаимосвязанности между странами, а также совместно совершенствовать транзитную и тарифную политику.

Далее Касым Жомарт Токаев подчеркнул необходимость активного развития сотрудничества в области высоких технологий и цифровой трансформации. По его мнению, эта задача уже стала особенно актуальной. Согласно прогнозам, к 2033 году мировой рынок искусственного интеллекта может достичь объема около пяти триллионов долларов, а его доля в мировой технологической отрасли увеличится до 30 процентов. Развитие этой сферы происходит быстрее, чем развитие многих других стратегически важных отраслей. Президент выразил уверенность, что Шанхайская организация

сотрудничества способна стать одним из мировых лидеров в области ускоренного развития искусственного интеллекта. Именно поэтому Казахстан поддерживает предложение Китая о создании Глобальной организации по сотрудничеству в сфере искусственного интеллекта и готов принять активное участие в ее работе. Также Казахстан выступает за расширение взаимодействия по всем направлениям цифровой повестки, включая внедрение современных интеллектуальных технологий в промышленность, здравоохранение, транспортно-логистическую систему и управление городами. В качестве практической меры Президент предложил создать Экспертный форум ШОС по вопросам искусственного интеллекта с возможностью его регулярного проведения в государствах участниках организации.

Первое такое мероприятие Казахстан предлагает провести в Астане в рамках международного форума Digital Bridge. Кроме того, в 2027 году страна планирует организовать Конференцию высокого уровня, посвященную теме использования искусственного интеллекта для развития экономик государств ШОС. По словам Касыма Жомарта Токаева, уже в этом году Казахстан готов принять представителей средств массовой информации стран ШОС для обсуждения вопросов информационной политики в условиях новой технологической эпохи.

Еще одним важным направлением Президент назвал развитие сотрудничества в сфере экологии. Он отметил, что климатические изменения не ограничиваются государственными границами и оказывают негативное влияние на многие страны и регионы мира. Поэтому необходимо совместно разрабатывать эффективные меры по противодействию таким угрозам, как опустынивание, засухи, сокращение водных ресурсов, таяние ледников и другим экологическим проблемам. В связи с этим Казахстан выступает с инициативой создания на своей территории Центра изучения водных проблем ШОС.

Касым Жомарт Токаев также напомнил, что следующий год будет посвящен двадцать пятой годовщине создания Шанхайской организации сотрудничества. По его мнению, к этой важной дате необходимо подойти ответственно и взвешенно, чтобы деятельность организации принесла государствам участникам реальные и значимые практические результаты. Президент вновь выразил благодарность Председателю Китайской Народной Республики Си Цзиньпину за его последовательную и плодотворную работу по продвижению принципов Шанхайского духа. В завершение он отметил, что уверен в успешности нынешнего саммита и считает, что принятые на нем решения будут способствовать дальнейшему укреплению потенциала Шанхайской организации сотрудничества [175].

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что политическая система Китая представляет собой не только совокупность государственных институтов, сформировавшихся в двадцатом веке под влиянием максистко-ленинской идеологии, но и результат многовекового исторического развития. Ее современный облик сложился под воздействием культурных традиций, философских взглядов и общественных практик, которые формировались еще в

древности и сохраняли свое значение на протяжении многих веков. Основой данной системы является сочетание исторического наследия и современных механизмов развития. Одни элементы отражают устойчивые традиции китайской государственности, а другие появились как ответ на современные международные и внутренние вызовы. Конфуцианская философия, основанная на принципах гармонии, общественного порядка и социальной ответственности, продолжает оказывать заметное влияние на систему государственного управления. Не менее важную роль играет исторически сложившаяся традиция сильной централизованной власти, которая на протяжении длительного времени обеспечивала стабильность государства с большой территорией и многочисленным населением. В этих условиях представления о легитимности государственной власти основываются прежде всего на ее способности поддерживать общественную стабильность, безопасность и повышение уровня благосостояния населения. Именно такой подход во многом определяет особенности политического и социального развития Китая в двадцать первом веке. Проведенное исследование подтверждает вывод о том, что современный Китай является особым субъектом международных отношений, политическая система которого определяется не только идеологическими принципами, сформировавшимися в новейшей истории, но и глубокой исторической и культурной преемственностью, успешно адаптированной к условиям цифровой эпохи.

В ходе исследования установлено, что политическая система КНР представляет собой постоянно развивающуюся систему, которая способна адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям. Ее основу составляет исторически сложившаяся модель китайской государственности, включающая конфуцианскую этику, стремление к общественной гармонии и традицию сильной централизованной власти.

Развитие Китая в двадцатом и двадцать первом веках можно рассматривать как последовательную смену различных этапов государственного развития, которые отражали изменения в политике страны, но при этом сохраняли преемственность основных принципов государственного управления. Период руководства Мао Цзэдуна характеризовался высокой степенью идеологизации общественной жизни, когда политические идеи и массовая мобилизация определяли развитие государства и общества. Политическая модель этого времени основывалась на централизованном управлении и стремлении ускорить строительство социалистического общества. Реализация данного курса сопровождалась серьезными социальными и экономическими последствиями, включая массовый голод, культурную революцию и значительное ослабление образовательной и научной системы. Вместе с тем именно в этот период были сформированы механизмы общественной мобилизации, которые укрепили возможности государства по реализации масштабных преобразований.

С началом периода реформ под руководством Дэн Сяопина развитие страны приобрело более прагматичный характер. Политика реформ и открытости стала основой экономической модернизации и расширения участия

Китая в мировой экономике. Быстрое развитие промышленности, рост экономики и привлечение иностранных инвестиций позволили стране за сравнительно короткий срок превратиться из преимущественно аграрного государства в одну из крупнейших экономик мира. Вместе с этим усилились такие проблемы, как социальное неравенство, различия в уровне развития регионов и распространение коррупции. Созданная Дэн Сяопином модель объединила использование рыночных механизмов с сохранением руководящей роли Коммунистической партии Китая, что стало важной особенностью дальнейшего политического и экономического развития страны.

Современный этап развития Китая, связанный с руководством Си Цзиньпина, характеризуется дальнейшим усилением централизации государственного управления. В отличие от предыдущих периодов, современная система управления основывается не только на деятельности партийных и государственных институтов, но и на широком использовании цифровых технологий. В государственном управлении широко используются цифровые системы контроля, технологии анализа «big data» и другие современные информационные инструменты. Одновременно все большее значение приобретает национальная идея возрождения китайской нации, которая помогает объединять общество вокруг государственных органов и общих целей. В итоге традиционные китайские представления о порядке, стабильности и гармонии в обществе соединяются с современными технологиями, которые используются для управления государством.

Проведенный анализ исторического развития Китая показывает, что смена политических этапов сопровождалась сохранением преемственности основных принципов государственного управления. Период Мао Цзэдуна заложил основы современной государственности и укрепил государственный суверенитет. Этап реформ и открытости, начатый Дэн Сяопином, обеспечил переход к прагматичной модели развития и расширил участие страны в мировой экономике, сохранив при этом политическое руководство Коммунистической партии Китая. Современный этап развития характеризуется укреплением централизованной модели управления на основе широкого применения высоких технологий.

Одним из основных результатов исследования является вывод о том, что после две тысячи двадцать второго года политическая система Китайской Народной Республики окончательно перешла к высокотехнологичной централизованной модели государственного управления. В рамках реализации пятнадцатого пятилетнего плана особое значение приобрели вопросы идеологической и технологической безопасности, которые рассматриваются государством как приоритетные направления развития наряду с обеспечением устойчивого экономического роста.

В условиях глобализации Китай продемонстрировал способность сочетать защиту национальных интересов с активным участием в международных экономических процессах. Вступление страны во Всемирную торговую организацию в две тысячи первом году стало важным этапом ее интеграции в

мировую экономику. Вместе с тем Китай сохранил сильную систему государственного регулирования внутренней экономики. В результате сформировалась модель, при которой страна активно участвует в международной торговле и мировых производственных цепочках, одновременно сохраняя стратегическое руководство развитием экономики со стороны государства. Именно эта особенность стала одной из причин повышенного внимания к Китаю со стороны многих западных государств, которые рассматривают его как нового влиятельного участника мировой экономики. Однако проведенный анализ показывает, что основной целью Китая является не изменение существующей международной системы, а укрепление собственных позиций в ее рамках с учетом национальных интересов.

Особое значение приобретает развитие отношений Китая со странами Центральной Азии. Для государств региона Китай одновременно выступает важным стратегическим партнером и фактором усиления экономической конкуренции. Реализация совместных инфраструктурных проектов, развитие энергетического сотрудничества и увеличение объемов инвестиций создают дополнительные возможности для экономического роста. Вместе с тем сохраняются опасения, связанные с возможным усилением экономической зависимости, демографическим влиянием и ограничением самостоятельности отдельных государств при принятии политических и экономических решений.

Для государств Центральной Азии присутствие Китая в регионе стало одним из важных факторов, который значительно влияет на политическое, экономическое и стратегическое развитие. Сегодня уже невозможно не учитывать роль Китая или рассматривать процессы в регионе без понимания его влияния. В такой ситуации наиболее разумным решением является развитие новых направлений сотрудничества, которые помогут укрепить партнерские связи, уменьшить риск чрезмерной зависимости от одной страны и сохранить равновесие интересов всех государств, участвующих в региональном взаимодействии.

Современные концепции внешней политики Китайской Народной Республики отражают стремление страны расширить свое международное влияние и предложить мировому сообществу собственный подход к развитию международного сотрудничества. Инициатива, которая первоначально рассматривалась как механизм расширения экономических связей, со временем превратилась в масштабный международный проект, охватывающий не только экономическую, но также политическую и идеологическую сферы. Для западных государств данный проект стал символом усиления международного влияния Китая, тогда как для самого Китая он является инструментом укрепления экономических позиций, продвижения собственной модели государственного развития и расширения участия в формировании современных принципов международного взаимодействия. В результате Китай не ограничивается активным участием в процессах глобализации, а последовательно стремится играть более значимую роль в формировании будущей архитектуры мировой экономики и международных отношений.

Особое значение имеет концепция «сообщества единой судьбы человечества». Во внешней политике она представляет собой более широкую философскую идею, которая связана с традиционными китайскими представлениями о гармонии и единстве. С одной стороны, эта концепция направлена на формирование образа Китая как ответственного мирового лидера, который предлагает заменить противостояние сотрудничеством. С другой стороны, она помогает укреплять внутреннюю поддержку и авторитет Коммунистической партии Китая, поскольку внешнеполитические цели страны становятся частью общего национального представления о ее развитии и будущем. В итоге внешняя политика КНР выполняет сразу две задачи. Она направлена как на развитие отношений с другими государствами и усиление влияния Китая в мире, так и на укрепление единства внутри страны, создавая основу для внутренней стабильности и расширения международного влияния.

В диссертации аргументировано, что в условиях фрагментации современного мирового порядка Китай перешел от стратегии «вхождения в глобализацию» к стратегии «институционального лидерства». Инициативы GDI (Глобальная инициатива по развитию), GSI (Глобальная инициатива по безопасности) и GCI (Глобальная инициатива по цивилизациям), объединенные в концепцию Global Governance Initiative, представляют собой проект «параллельной глобализации».

Китай уже не стремится просто участвовать в существующих международных институтах, созданных по западным правилам. Наоборот, Пекин все активнее выступает как один из главных участников, определяющих новые технологические и правовые стандарты. В этом контексте концепция «сообщества единой судьбы человечества» уже не выглядит только как политическое заявление, а превращается в идейную основу другого подхода к мировому устройству, в котором сотрудничество ставится выше противостояния, а суверенитет государств и их собственные модели развития рассматриваются как важнейшие ценности.

Экономические перспективы Китая сегодня кажутся противоречивыми. Несмотря на замедление темпов экономического роста, торговое противостояние с Соединенными Штатами Америки, санкционное давление и сохраняющуюся геополитическую напряженность, Китай продолжает сохранять высокий потенциал дальнейшего развития. Этому способствуют такие преимущества, как крупный внутренний рынок, увеличение численности среднего класса, быстрое развитие высокотехнологичных отраслей и цифровой экономики, а также наличие современной инфраструктуры, которая по своим масштабам занимает ведущие позиции в мире. В этих условиях Китай стремится эффективно сочетать использование существующих возможностей с преодолением внешних и внутренних ограничений, рассматривая возникающие вызовы как стимул для дальнейшей модернизации экономики и системы государственного управления.

Особое внимание в исследовании уделено влиянию внутренних преобразований Китая на развитие сотрудничества с Республикой Казахстан. Проведенный анализ показывает, что реализация китайской стратегии двойной

циркуляции привела к существенному изменению роли Казахстана в системе двусторонних отношений. Если ранее республика рассматривалась главным образом как важный транзитный маршрут, то в настоящее время ее значение значительно расширилось. Казахстан становится важным элементом обеспечения региональной безопасности, а также перспективной площадкой для размещения отдельных высокотехнологичных производств, ориентированных на развитие экономического сотрудничества с Китаем.

Установлено, что к 2026 году стратегическое взаимодействие между двумя государствами вышло за пределы традиционного сотрудничества в сфере поставок сырьевых ресурсов и реализации инфраструктурных проектов. Все большее значение приобретает технологическое сотрудничество, которое включает внедрение китайских облачных технологий, развитие перспективных стандартов связи шестого поколения и использование цифрового юаня при осуществлении трансграничных расчетов. Данные направления свидетельствуют о переходе двустороннего взаимодействия на качественно новый уровень, основанный на развитии современных технологий и цифровой экономики. Потребность Китая в «новом качестве производительных сил» создает для Казахстана уникальное «окно возможностей» для локализации R&D-центров и переноса экологически чистых, но технологически продвинутых производств.

Несмотря на позитивную динамику двусторонних отношений, исследование выявило ряд системных вызовов. Асимметрия потенциалов создает риски «технологической зависимости» и усиления экономического давления. Проблемы инвестиционного дисбаланса, вопросы управления трансграничными водными ресурсами и демографические аспекты требуют от Казахстана максимально выверенной политики.

В качестве практической рекомендации считаем, что обоснована необходимость перехода от пассивного многовекторного подхода к активной стратегии «цифрового и институционального хеджирования». Для того чтобы снизить риски потери политической самостоятельности, Казахстану необходимо развивать собственные механизмы регулирования в сфере искусственного интеллекта и самостоятельно контролировать управление национальными данными. Важно также использовать китайские инвестиции как инструмент для ускорения промышленного развития страны и создания новых рабочих мест, требующих высокой квалификации специалистов. Кроме того, Казахстану следует активно развивать многостороннее сотрудничество в рамках таких организаций и форматов, как ШОС и СВМДА, чтобы уменьшить дисбаланс, который может возникать в двусторонних отношениях.

В целом можно сделать вывод, что современный Китай представляет собой сложное сочетание национальных особенностей и стремления играть более значимую роль в мировых процессах.

Политическая система КНР продемонстрировала беспрецедентную способность к адаптации, сохраняя свою однопартийную основу в условиях цифровой революции.

Для Казахстана Китай является не только ближайшим соседом и надежным стратегическим партнером, но и одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на дальнейшее развитие региональных и мировых процессов. Проведенное исследование подтверждает, что наиболее эффективной основой двустороннего сотрудничества остается прагматичное партнерство, которое строится на соблюдении национальных интересов обеих стран и создает условия для их долгосрочного устойчивого развития и повышения благосостояния населения.

Изучение опыта Китая и основных направлений его политической трансформации в современных условиях представляет собой не только важную научную задачу, но и имеет большое практическое значение. Это позволяет глубже понять процессы формирования новой системы международных отношений, в которой Китай постепенно занимает одну из ведущих позиций и оказывает все более заметное влияние на развитие мировой политики и международного сотрудничества.

Китайская Народная Республика вступает в новый этап своего развития, в рамках которого ее роль в мировой политике продолжает последовательно усиливаться. Для международного сообщества это означает необходимость поиска новых способов взаимодействия с одним из крупнейших центров силы, не относящихся к западному миру. Для соседних с Китаем государств все более важным становится проведение взвешенной политики, которая позволит одновременно развивать экономические связи с Китаем и сохранять собственную политическую независимость. Для самого Китая одной из главных задач становится поиск равновесия между продвижением своих глобальных интересов и выполнением своих международных обязательств. В этих условиях изучение политической системы Китайской Народной Республики и особенностей реализации ее внешней политики приобретает не только научное, но и прикладное значение, поскольку способствует более глубокому пониманию закономерностей формирования современного мирового порядка и определению места отдельных государств в изменяющейся системе международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана// ИМЭП при Фонде Первого Президента РК. 2015. – 336 с.

2 Лаумулин М.Т. «Геополитика XXI века в Центральной Азии»// КИСИ при Президенте РК, 2020. – 464 с.

3 Мухамедхана Н. Дипломатические отношения и проблемы синологии: монография. – Алматы, 2010. – 204 с.

4 Алдабек Н.А., Бектурганова П.Е., Сериккалиева А.Е., Дауен Д.Б. // Модернизация Китая и Казахстан: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 348 с.

5 Сапанов С.Ж. Стратегия Китая в Центральной Азии в конце 20–начале 21 века. Институт Современного Корееведения. Ханьян университет. – Сеул, 2015. – 257 с.; Делимитация и демаркация казахстанско–китайской границы: монография. –Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 130 с.

6 Хафизова К. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1995. – 283 с

7 Baidarov E.U. Interaction Between Kazakhstan and China within the Framework of Regionalism Policy in Central Asia // Regionalism and Security Challenges in South and Central Asia: Navigating Geopolitical Shifts / Ed. Nivedita Das Kundu. – Delhi: PENTAGON PRESS LLP, 2025. – P. 114–122. [Текст на англ. яз.]

8 Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. Издательство: Международные отношения /г. Москва, 2018. – 792с.

9 Ломанов А.В. «Новые концепции китайской внешней политики» (Азия и Африка сегодня, 2017, № 12) (725). С. 8-18.

10 Н. Вавилов, Новая китайская власть. Преемник» Издательство: Товарищество научных изданий КМК, 2025. 456с

11 Лузянин С.Г. «Внешняя политика Китая в "ближнем круге". Модель 2010» / журнал «Обозреватель-Observer», 2011, №5.

12 Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012. – № 2. – С. 19–26.

13 Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт–Петербургского Университета. – Сер.13. – 2012. – Вып. 3. – С. 103–112.

14 Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой– силы»: проблема оценки // Мировая экономика и Международные отношения, 2015. – № 6. – С. 48–58.

15 Капицын В.М. Космополитизм–компонент мягкой силы и глобального управления. Обозреватель–Observer. – М., 2009. – № 10.– С. 70–79.

16 Ларионова М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики. URL: http://goo.gl/wfuDx4 (дата обращения 23.02.2015).

17 Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин; ред. О.И. Ярикова. – М.: Изд–во «Астрель: Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 170 с.

18 Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно–культурные традиции и общество) / – М.: Высшая школа, 1983. – 368 с.

19 Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т.10. – № 4. – С. 54–67; Ломанов А.В. «Китайская мечта», как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65–летию КНР. – М.: Форум, 2014. – 480 с.

20 Бояркина А.В., Лыков К.Ф., Печерица В.Ф. Превентивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР // Вестник ЗабГУ. – 2015. –№ 09 (124). – С. 50–57.

21 Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. МГУ и Институт Стран Азии и Африки. – М.: Муравей. – 2004. – 448 с.

22 Карлусов В., Кудин А., Калашников Д., Анкилов К «Китай и ВТО: уроки поддержки национального бизнеса»

23 Абрамов В.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития: монография. – М.: Восточная книга, 2014. – 253 с.

24 Sebastian Heilmann and Elizabeth J. Perry. Mao’s Invisible Hand. The Political Foundations of Adaptive Governance in China// Harvard University Asia Center, 2001. – 336p. [Текст на англ. яз.]

25 Kenneth Lieberthal and Michel Oksenberg “Policy Making in China”. Princeton University Press, 1990. – 464 p. [Текст на англ. яз.]

26 С. Хантингтон. Политический порядок в меняющихся обществах, Прогресс-Традиция, 1968. – 581с.

27 Ronald Inglehart. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies// Princeton University Press, 2020 г. 464p.

28 Blank S. The Eurasian Energy Triangle: China, Russia and the Central Asian States // The Brown Journal of World Affairs. – Vol. 12. – No. 2. – P. 53–67. [Текст на англ. яз.]

29 Bustelo P. China and the Geopolitics of Oil in the Asian Pacific Region. – Madrid, 2005. – P. 32–35. [Текст на англ. яз.]

30 Swanstrom N. An Asian Oil and Gas Union: Prospects and Problems // CEF Quarterly. – 2005. – No. 3. – P. 88–90. [Текст на англ. яз.]

31 Strecker D.E. China’s Quest for Energy Security. Santa Monica: Rand, 2000. – P. 81–85. [Текст на англ. яз.]

32 Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy towards Central Asia // Pacific Affairs. – 2006. – Vol. 79. – No. 2. – P. 205–224. [Текст на англ. яз.]

33 Bailes A., Dunay P., Pan Guang, Troitskiy M. The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper. – Stockholm, 2007. – No.17. – P. 66–70. [Текст на англ. яз.]

34 Giustozzi A., Matveeva A. The SCO: A Regional Organisation in the Making. Crisis States Research Centre. Working Paper. – No. 39. – 2008. – P. 30–35. [Текст на англ. яз.]

35 Contessi N.P. China, Russia and the Leadership of the SCO: a Tacit Deal Scenario // The China and Eurasia Forum Quarterly. – 2010. – Vol. 8.– No. 4.– P. 101–123. [Текст на англ. яз.]

36 Cooley A. The Stagnation of the SCO. Competing Agendas and Divergent Interests in Central Asia. – N.Y., 2009. – P. 5–8. [Текст на англ. яз.]

37 Oresman M. SCO update: the official launch of the Shanghai Cooperation Organization // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2004. – 39 p. [Текст на англ. яз.]

38 Ричард МакГрегор Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая // Издательство Эксмо, 2011. – С. 416–420.

39 Elizabeth C. Economy. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State// Oxford University Press, 2018. – 360 p. [Текст на англ. яз.]

40 Си Цзиньпинь. Внешняя политика современного Китая (2013-2023гг.). Избранные речи, выступления и статьи – Алматы: Экспертный клуб «Один пояс и один путь», 2024. – 388с.

41 Пан Чжунъин Восстановление мирового порядка: о трансформации глобального управления. Пекин, 2016; Глобальная система управления в условиях потрясений: возможности и вызовы // Современный мир. – 2019. – № 4. – С. 6–11.

42 Ван Хунин Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуаньцюаньли // Фудань Сюэбао [Культура как национальная сила: мягкая сила//. Журнал Фуданьского Университета]. – 1993. – № 3. – С.91–98.

43 Zheng Yongnian Globalization and State Transformation in China // Cambridge University Press, 2004. [Текст на англ. яз.]

44 Yan Xuetong Ancient Chinese thought, modern Chinese power, Princeton University Press, 2011. – 300 p.; Янь Сюэтун, Сюй Цзинь Чжунмэй жуаньшили бицзяо// Сяньдай гоцзи гуаньси [Сравнение китайской и американской мягкой силы. Современные международные отношения]. – 2008. – № 1. – С. 24–29.

45 Ли Син Внешнеполитическая философия современного китая: о связи между научным развитием и гармоничным миром // россия и китай в евразийской интеграции. сотрудничество или соперничество? – Санкт–Петербург: Нестор–история, 2015. – 350 с.

46 Сун Сейфен Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu [науч. воспитание и исследования]. – 2007. – № 11. – С. 59–70.

47 Yue Keping Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao和谐世界理念下的中国外交[Китайская дипломатия в рамках концепции гармоничного мира] // Liaowang xinwen zhoukan瞭望新闻周刊[еженед. обзор период. печати]. – 2007. – № 17.

48 Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington. “Culture matters: how values shape human progress.”// Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 2000. – 306p. [Текст на англ. яз.]

49 Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. - М.: Новое издательство, 2011. – С. 170.

50 John. J. Mearsheimer. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. Yale University Press. 2019, – 328p. [Текст на англ. яз.]

51 Kenneth Lieberthal and Michel Oksenberg “Policy Making in China” // Princeton University Press. 1990, – P. 35-62. [Текст на англ. яз.]

52 Sebastian Heilmann and Elizabeth J. Perry. Mao’s Invisible Hand. The Political Foundations of Adaptive Governance in China. Harvard University Asia Center. 2001. – P. 1-19. [Текст на англ. яз.]

53 Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington. “Culture matters: how values shape human progress”. Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 2000. – 306c. [Текст на англ. яз.]

54 Ronald Inglehart. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press, 2020. – P. 160-215. [Текст на англ. яз.]

55 Constructing a Data-Driven Society: China’s Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure// https://creatingfutureus.org/wp-content/uploads/2021/10/LiangEtAl-2018-ChinaSocialCreditStateSurveillance.pdf (дата обращения 20.05.2025)

56 Гуманитарный портал. Китайская Народная Республика// https://gtmarket.ru/countries/china#state-institutions (дата обращения 20.05.2026)

57 Vogel Ezra F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Harvard University Press. 2013. – P. 693-714. [Текст на англ. яз.]

58 Сыроежкин К.Л. Охота на тигров: почему и как в Китае борются с коррупцией. Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. – 388с.

59 Made in China 2025: Evaluating China’s Performance// https://www.uscc.gov/sites/default/files/2025-11/Made_in_China_2025--Evaluating_Chinas_Performance.pdf (дата обращения 20.05.2026)

60 Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно–культурные традиции и общество) / – М.: Высшая школа, 1983. – С.252.

61 «Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск V: ежегодное издание / сост., отв.редактор В.С. Мясников. – М.: ИДВ РАН, 2000. – 57 с.

62 Конфуций «Суждения и беседы». – М., 2006 г. – 208 с.

63 Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин; ред. О.И. Ярикова. – М.: Изд–во «Астрель: Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 170 с.

64 Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая/ – М.: Наука, 1981. – 86 с.

65 Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае / Академия наук СССР, Институт востоковедения; Л.С. Васильев; отв. ред. Л.П. Делюсин. – М.: Наука, 1970. – 170 с.

66 Шан Ян Книга правителя области Шан / пер. с.кит. Л.С. Переломова. – М.: Рипол классик, 2017. – 425 с.

67 Малявин В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин; ред. О.И. Ярикова. – М.: Изд–во «Астрель: Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 179 с.

68 Кравцова М.Е. История культуры Китая / Санкт–Петербург: Изд–во «Лань», 2003. – 199 с.

69 Китай, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сборник статей / Академия наук СССР, Институт востоковедения; под ред. В.М. Алексеева, Л.И. Думана, А.А. Петрова [отв. ред. А.П. Баранников]. – М.: Изд–во Академии наук СССР, 1940. – 536 с.

70 Ян Хин шун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. Издательство Наука. 1990. – 526 с.

71 Шицзин. Серия: «Литературные памятники». Институт востоковедения; под ред. академика В.П. Волгин [отв. ред. д.ф.н. Н.Т. Федоренко. Изд–во Академии наук СССР, 1967. – 531с.

72 Благочестивый буддист Лянский император У-ди //https://anashina.com/blagochestivyj-buddist-lyanskij-imperator-u-di/ (дата обращения 21.07.2025)

73 Мао Цзэ-дун. Том 5. Избранные произведения: в 5-ти томах. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1977. – 648с.

74 Конрад Н.И. Запад и Восток. – Москва, 1972. – С. 34.

75 Панцов А. В. Мао Цзэдун. АОА «Молодая гвардия». Москва, 2007. – 866с.

76 Кампании против трех и пяти зол // https://bigenc.ru/c/kampanii–protiv–triokh–zol–i–piati–zol–deb6a4 (дата обращения 18.12.2025)

77 Конрад Н.И. Запад и Восток – Москва, 1972. – С. 35.

78 Selected Works of Deng Xiaoping. Volume II (1975–1982)», Foreign Languages Press, Beijing. 1995. – P. 159.

79 Учебник для вузов. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. 1945–2000. Часть 2.

80 Основные тезисы доклада Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК. // http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/2002x/t117811.htm (дата обращения 15.11.2025)

81 Внешнеполитическая доктрина КНР в XXI веке. // https://www.caravan.kz/articles/vneshnepoliticheskaya–doktrina–knr–v–xxi–veke (дата обращения 20.10.2025)

82 Китайский политический еженедельник «Ляован», 2000.

83 Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века// https://mgs.org.ru/koncepciya-garmonichnogo-razvitiya-kit/ (дата обращения 18.12.2025)

84 Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде Компартии Китая представил дорожную карту на пятилетие // http://tass.ru/mezhdunarodnaya–panorama/4656537 (дата обращения 20.10.2025)

85 Цзиньпин: к 2050 году КНР станет модернизованной социалистической страной // https://regnum.ru/news/2335364.html (дата обращения 18.12.2025)

86 В Пекине заявили, что намерены придерживаться мирного пути развития // https://forbes.kz/news/2017/10/24/newsid_157698 (дата обращения 18.12.2025)

87 «Один пояс, один путь». Основные тезисы речи Си Цзиньпина // https://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html (дата обращения 05.01.2026).

88 Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета КПК 18–го созыва // http://russian.news.cn/2017–10/24/c_136703053.htm (дата обращения 12.01.2026)

89 Проект "Один пояс, один путь". Досье // http://tass.ru/info/4383152 (дата обращения 10.01.2026)

90 Коммюнике 3–го пленума центрального комитета коммунистической партии китая 20–го созыва// https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457413.html (дата обращения 13.01.2026)

91 Дэн Сяопин «Четыре модернизации». Великий китайский рывок. Родина, 2023. – 224с.

92 GDP growth (annual %) // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2019&start=1979 (дата обращения 16.01.2026).

93 Реформа государственных компаний в КНР и китайская модель социализма. www.fondsk.ru от 21.01.2021 электронное издание "Фонд стратегической культуры" (дата обращения 02.09.2022)

94 Китайский нефтяной гигант CNPC сообщил о значительном росте прибыли в 2022 году // https://dknews.kz/ru/shelkovyy–put/279877–kitayskiy–neftyanoy–gigant–cnpc–soobshchil–o (дата обращения 02.09.2025)

95 Карлусов В., Кудин А., Калашников Д., Анкилов К. Китай и ВТО: уроки поддержки национального бизнеса // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 1. – С. 131–132.

96 Государственное статистическое управление КНР: https://www.stats.gov.cn/english/; Всемирный банк: https://data.worldbank.org/country/CN (дата обращения 02.11.2025)

97 Министерство экологии и окружающей среды КНР: https://english.mee.gov.cn/ (дата обращения 12.10.2025)

98 Министерство коммерции КНР: http://english.mofcom.gov.cn/ (дата обращения 22.11.2025)

99 Население Китая сокращается второй год подряд // https://ru.euronews.com/2024/01/17/china–population–drop–short#: (дата обращения 17.10.2025)

100 Национальная комиссия по здравоохранению КНР: http://en.nhc.gov.cn/ (дата обращения 22.10.2025)

101 China’s 14th Five–Year Plan (2021–2025) Report// https://hillandknowlton.com/insight/chinas–14th–five–year–plan–2021–2025–report (дата обращения 12.09.2025)

102 China's foreign trade ends 2023 on solid footing with new driving forces // https://english.news.cn/20240112/654914baa3a941e683266d1156de66af/c.html (дата обращения 15.11.2025)

103 Trade summary for China 2023 // https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2023/Summarytext (дата обращения 10.01.2026)

104 Международный валютный фонд// https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN [Текст на англ. яз.] (дата обращения 10.01.2026)

105 China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 H1// https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2023-h1/(дата обращения 03.11.2025)

106 Иллюстрированное руководство к 6–му пленуму ЦК КПК 19–го созыва. Пресс–канцелярия Отдела международных связей ЦК КПК. // https://www.idcpc.gov.cn/english2023/dzwk/zgkx/202307/P020230717028648739875.pdf (дата обращения 02.12.2025)

107 Масабаев К.И. Эволюция политической системы Китая и казахстанско-китайские взаимоотношения. (Китай, традиция, история, экономика, политика, сотрудничество, ШОС) Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № №2(14)2018. С – 188.

108 К. Масабаев, Д. Дауен, Основные векторы глобализации и эволюции политической системы Китая// Научный журнал «Центральная Азия и Кавказ» Журнал социально-политических исследований. Том 24, Выпуск 1, 2021. С – 19.

109 Масабаев К.И. XIX съезд КПК: новый рубеж развития КНР //Решения XIX съезда КПК и Казахстано-Китайские отношения. Международная научно-методическая конференция. – Алматы 2018. С – 99.

110 Масабаев К.И. XIX съезд КПК: новый рубеж развития КНР //Решения XIX съезда КПК и Казахстано-Китайские отношения. Международная научно-методическая конференция. – Алматы 2018. С – 102.

111 Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета КПК 18–го созыва // http://russian.news.cn/2017–10/24/c_136703053.htm (дата обращения 12.11.2025)

112 Реорганизация системы военных округов в Китае // https://bmpd.livejournal.com/1712981.html (дата обращения 02.09.2025)

113 Коммюнике 3–го пленума центрального комитета коммунистической партии китая 20–го созыва//

https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457413.html (дата обращения 04.09.2025)

114 Working Together to Build a Community with a Shared Future for Mankind: China's Initiative and Actions. 2023–09–26 // https://www.gov.cn/zhengce/202309/content_6906335.htm (дата обращения 13.09.2025)

115 Чжан Сяо Продвижение экономической глобализации и построению сообщества единой судьбы человечества // Silk Road Today. – 2024. – № 10 (217).

116 Масабаев К.И. Политическая трансформация Китая: роль глобальных инициатив и идеи «сообщества единой судьбы человечества». Международная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие и геостратегическая интеграция Центральной Азии: путь между перекрёстком цивилизаций и современными глобальными вызовами» Алматы, 25 сентября 2025 года. С – 223.

117 Си Цзиньпин. Программная речь на церемонии открытия 3 форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути». 18.10.2023 г., г. Пекин

118 China’s finance and investments in the Belt and Road Initiative (BRI) // https://blogs.griffith.edu.au/asiainsights/china–belt–and–road–initiative–bri–investment–report–2025/ (дата обращения 10.01.2026)

119 Как Китай становится крупнейшим в мире взыскателем долгов // https://www.dw.com/ru/kak–kitaj–stanovitsa–krupnejsim–v–mire–vzyskatelem–dolgov/a–67547855 (дата обращения 17.10.2025)

120 G7 планирует инвестировать 600 млрд в развивающиеся страны // https://www.dw.com/ru/g7–planiruet–investirovat–600–mlrd–dollarov–v–razvivayushchiesya–strany/a–62271163 (дата обращения 22.12.2025)

121 Китайская Инициатива в области глобальной безопасности укрепляет международный мир и безопасность // https://dknews.kz/ru/shelkovyy–put/284925–kitayskaya–iniciativa–v–oblasti–globalnoy (дата обращения16.11.2025)

122 Africa as a Testing Ground for China’s Global Security Initiative// https://africacenter.org/spotlight/africa–china–global–security–initiative/ (дата обращения 15.02.2026)

123 Доклад Посла Се Сяоюна на круглом столе по теме «Уникальный путь успеха для всех: Китайская Инициатива глобальной цивилизации». 27 апреля 2023 г., Дом дружбы. г. Минск7

124 Белая книга по военной стратегии Китая. 中国发布《中国的军事战略》白皮书. // [Электронный ресурс] (дата обращения 09.02.2026)

125 Чжан Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992–2002) // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 6. – С. 40–51

126 Инициатива «Один пояс, один путь». Научная конференция в Алматы 19 апреля 2019 г. Выступление на открытии научной конференции генерального консула КНР.

127 Индия, Китай, Центральная Азия: глобальные, региональные, страновые аспекты. Коллективная монография под редакцией Л.Г. Ерекешевой. – Алматы: ИД «МИР», 2017. – 258 с.

128 Economies with the largest proportion of global GDP adjusted for PPP in 2026//https://www.statista.com/statistics/270183/countries-with-the-largest-proportion-of-global-gross-domestic-product-gdp/ (дата обращения 06.07.2026)

129 Индия, Китай, Центральная Азия: глобальные, региональные, страновые аспекты. Коллективная монография под редакцией Л.Г. Ерекешевой. – Алматы: ИД «МИР», 2017. – С. 266–272.

130 Торговля Китая и США в 2024 году выросла на 3,7% // https://report.az/ru/drugie–strany/torgovlya–kitaya–i–ssha–v–2024–godu–vyrosla–na–3–7/ (дата обращения 06.02.2026)

131 Lushenko P., Hardy J. China, the United States and the Future of Regional Security Order – An Unhappy Coexistence // Asian Security. – 2016. – Vol. 12 (1). – P. 1–28 [Текст на англ. яз.]

132 Желобов Д. Е. Уйгурский сепаратизм и «Пирамида Маслоу» // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 162–167.

133 Колесникова В.А., Кучинская Т.Н. Обеспечение сетевой безопасности КНР в рамках сотрудничества в регионе Восточной Азии // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Вост. центра. – 2014. – № 14. – С. 21–27.

134 World military expenditure passes $2 trillion for first time // [Электронный ресурс] URL: https://www.sipri.org/media/press–release/2022/world–military–expenditure–passes–2–trillion–first–time (дата обращения 02.02.2026)

135 Аналитический центр "Синьхуа"// https://www.kt.kz/rus/project/analiticheskiy_tsentr_sinhua_opublikoval_doklad_o_1377988310.html. (дата обращения 17.03.2026)

136 Продвижение инициативы по глобальному управлению в деле реформирования и совершенствования глобального управления в области прав человека//https://kz.china-embassy.gov.cn/rus/gyzg/202602/t20260224_11862436.htm. (дата обращения 17.03.2026)

137 Китай и страны Центральной Азии подписали Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // https://kz.mir24.tv/news/16637143/kitaj-i-strany-centralnoj-azii-podpisali-dogovor-o-vechnom-dobrososedstve-druzhbe-i-sotrudnichestve. (дата обращения 17.03.2026)

138 Система трансграничных расчетов Renminbi Digital/ /https://broker.finam.ru/article/sistema-transgranichnyh-raschetov-renminbi-digital-144577/. (дата обращения 17.03.2026)

139 Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан// https://primeminister.kz/ru/news/16-tys-km-putei-i-pocti-2-tys-novyx-vagonov-cto-izmenitsia-na-zeleznyx-dorogax-30919. (дата обращения 17.03.2026)

140 Казахстан и Китай договорились об увеличении количества контейнерных поездов// Казахстан и Китай договорились об увеличении количества контейнерных поездов: 24 марта 2026. (дата обращения 17.03.2026)

141 «Xinjiang Lihua» увеличивает объём инвестиций в Казахстан до 600 млн долларов США //https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/1135896?lang=ru. (дата обращения 17.03.2026)

142 В Северном Казахстане реализуют агропроекты с участием инвесторов из Китая// https://www.astyktrans.kz/press/novosti-otrasli/v-severnom-kazakhstane-realizuyut-agroproekty-s-uchastiem-investorov-iz-kitaya/.(дата обращения 17.03.2026)

143 Priya Suresh. Foreign Policy of China Under Deng Xiaoping: Contemporary Relevance and Continuity. Singapore. Palgrave Macmillan. 2022. – P. 149–180.

144 Абрамов В.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития: монография. Москва, Восточная книга, 2014. 253с.

145 Ху Цзиньтао об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития // «Женьминь Жибао» онлайн. октябрь 2007 г. URL: http://russian.people.com.cn/31521/6283410.html (дата обращения 12.02.2026)

146 Ли Син Внешнеполитическая философия современного китая: о связи между научным развитием и гармоничным миром // россия и китай в евразийской интеграции. сотрудничество или соперничество? – Санкт–Петербург: Нестор–история, 2015. – 350 с.

147 Сун Сейфе Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu [науч. воспитание и исследования]. – 2007. – № 11. – С. 59–70.

148 Yue Keping. Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao和谐世界理念下的中国外交[Китайская дипломатия в рамках концепции гармоничного мира] // Liaowang xinwen zhoukan瞭望新闻周刊[еженед. обзор период. печати]. – 2007. – № 17.

149 Познакомить мир с «китайской мечтой». Март 2013. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8154196.html (дата обращения 02.01.2026)

150 Масабаев К.И., Сейдин Н.Б. Трансформация внешнеполитических принципов КНР в условиях новой геополитической конфигурации: казахстанский вектор. Казахстан-Спектр., Астана, 2020 г., 96, #4. С – 55.

151 Проханов А. А., Делягин М. Г., Глазьев С. Ю.. Крах однополярного мира. – Книжный мир, 2019. – 512 с.

152 Wang yizhou. 中国外交十特色 [десять особенностей китайской дипломатии]. 2008 г. URL: http:// www.docin.com/p–28513220.html (дата обращения 18.01.2026)

153 Разрешат ли Huawei участвовать в переходе Германии на 5G?. 30.01.2019// https://www.dw.com/ru/разрешат–ли–huawei–участвовать–в–переходе–германии–на–5g/a–47298621 (дата обращения 12.01.2026)

154 Конец войны: Китай и США пошли на сделку. // https://www.gazeta.ru/business/2020/01/15/12912254.shtml (дата обращения 15.11.2025)

155 Три державы сплотились вокруг Корейского полуострова. 25.12.2019 // https://www.kommersant.ru/doc/4206545 (дата обращения 19.11.2025)

156 Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая. Пекин. 18 октября 2017 г. // Синьхуа, 3.11.

157 Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР, 28.03.2015. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml. 2017 (дата обращения 10.02.2026)

158 Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад) / А.В. Лукин, С.Г. Лузянин, Ли Синь, И.Е. Денисов, К.Л. Сыроежкин, А.С. Пятачкова; Центр изучения кризисного общества. – М.: Научный эксперт, 2016. – 15 с.

159 Новый шелковый путь // Транспорт России: офиц. печат. орган М–ва транспорта РФ. URL: http://transportrussia.ru/transportnaya–politika/novyy–shelkovyy–put.html (дата обращения 12.09.2025)

160 О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики "Нұрлы Жол" и строительства "Экономического пояса Шелкового пути" между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики // http://egov.kz/cms/ru/law/list/P1600000518 (дата обращения 13.10.2025)

161 Уйгуры. Кто такие. История народа // http://xn—e1adcaacuhnujm.xn–p1ai/ujgury.html (дата обращения 13.11.2025)

162 Синьцзян – ядро ЭПШП. // https://isca.kz/ru/analytics–ru/2760 (дата обращения 16.01.2026)

163 Бжезинский З. Великая шахматная доска. Москва, 1999. С. 170

164 Россия инвестировала в Казахстан $ 14 млрд за 13 лет. 07.11.2019 // https://eadaily.com/ru/news/2019/11/07/rossiya–investirovala–v–kazahstan–14–mlrd–za–13–let (дата обращения 19.01.2025)

165 Политическая система Китая, 18.05.2012. Институт Конфуция в СПбГУ // http://ci.spbu.ru/svedenia_o_kitae/politicheskaya–sistema–kitaya.html/___(дата обращения 27.10.2025)

166 Об утверждении основных принципов, ценностей и направлений внутренней политики Республики Казахстан. // https://www.akorda.kz/ru/ob-utverzhdenii-osnovnyh-principov-cennostey-i-napravleniy-vnutrenney-politiki-respubliki-kazahstan-5105824 (дата обращения 27.10.2025)

167 Официальный сайт Президента Республики Казахстан// https://www.akorda.kz/ru/glavoy-gosudarstva-podpisan-zakon-respubliki-kazahstan-o-ratifikacii-soglasheniya-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-kazahstan-i-

pravitelstvom-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-pooshchrenii-i-vzaimnoy-zashchite-investiciy-1944654 (дата обращения 30.06.2026)

168 Kulaisha Nazarova, Dinara Dauen, Nurlan Apakhayevb and Sandugash Khushkeldiyeva «The new geopolitical reality in the SCO space». Asian journal of political science // https://doi.org/10.1080/02185377.2024.2447995

169 Газопровод «Бейнеу–Бозой–Шымкент» // http://bsgp.kz/ru_RU/o компании/ (дата обращения 02.11.2025)

170 Казахстан намерен довести годовой товарооборот с Китаем до $100 миллиардов// https://forbes.kz/articles/kazahstan_nameren_dovesti_godovoy_tovarooborot_s_kitaem_do_100_milliardov (дата обращения 22.09.2025)

171 Президент поставил задачу увеличить товарооборот с Китаем в 2,5 раза// https://kz.kursiv.media/2024–05–16/kmlz–velichit–tovarooborot–s–kitaem/ (дата обращения 16.11.2025)

172 Казахстан и Китай утвердили в Астане проекты по зеленой трансформации// https://silkroadnews.org/ru/news/kazakhstan–i–kitay–utverdili–v–astane–proekty–po–zelenoy–transformatsii (дата обращения 02.01.2026)

173 Государственная программа управления водными ресурсами Казахстана на 2014 – 2040 гг. Указ Президента Республики Казахстан №786 от 4 апреля 2014г. // http://egov.kz/cms/ru/law/list/U1400000786 (дата обращения 12.01.2026)

174 Казахстан и Китай проводят оценку водных ресурсов по всему бассейну трансграничных рек// https://kaztag.kz/ru/news/kazakhstan–i–kitay–provodyat–otsenku–vodnykh–resursov–po–vsemu–basseynu–transgranichnykh–rek (дата обращения 22.12.2025)

175 Президент Касым–Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств – членов ШОС – Официальный сайт Президента Республики Казахстан https://share.google/MApyYqmSfcPlu8Ls4 (дата обращения 23.01.2025)